К1445177

НАРОДНАЯ РЕЧЬ ВОЛОГОДСКОГО КРАЯ

МАТЕРИАЛЫ ПО РУССКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

Ткацкий станок (кро́сна)

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВСЕРОССИЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО»
ВОЛОГОДСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

НАРОДНАЯ РЕЧЬ ВОЛОГОДСКОГО КРАЯ

МАТЕРИАЛЫ ПО РУССКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

ВОЛОГДА
2012

УДК 811.161.1
ББК 81.401.2–67
Н30

Печатается при финансовой поддержке Вологодского областного отделения Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» в соответствии с условиями договора № У-90-2012 на выполнение работ по организации диалектологических экспедиций для создания электронной библиотеки вологодских говоров по проекту «Живое вологодское слово», а также в соответствии с государственным заданием Министерства образования Российской Федерации на выполнение проекта «Электронная лексикография Русского Севера».

Рецензент: доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН С.А. Мызников

Н30 Народная речь Вологодского края: материалы по русской диалектологии / науч. ред. Е.Н. Ильина; Министерство образования и науки РФ; Волог. гос. пед. ун-т; ВОО РГО. – Вологда: Легия, 2012. – 96 с.
ISBN 978-5-89791-104-2

Издание включает в себя пять разделов, в каждом из которых представлены образцы говора пожилых сельских жителей Вологодской области с необходимым лингвистическим комментарием, а также с пояснениями историко-этнографического и культурологического характера. К работе прилагается CD-диск с аудиофайлами и фотографиями. Рекомендуется в качестве учебного пособия по русской диалектологии, а также может быть адресовано широкому кругу читателей, интересующихся особенностями народной речи на Русском Севере.

УДК 811.161.1
ББК 81.401.2–67

ISBN 978-5-89791-104-2

© ВОО РГО, 2012
© ВГПУ, коллектив составителей, 2012

Изучение народной речи Вологодского края имеет давние традиции. Восточные говоры Вологодской области послужили основой первого в русской диалектологии «Словаря областных слов, употребляемых в г. Устюге Великом» (1757), были отражены в материалах «Словаря областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении» П.А. Дилакторского (1903), дали возможность изучения явлений фонетики, лексикологии и грамматики русского диалектного языка.

Во второй половине XX века вологодские диалектологи собрали богатый архив записей народной речи. Контекстуальные иллюстрации диалектных слов представлены в «Словаре вологодских говоров» (1983–2007), ответы на вопросы «Лексического атласа русских народных говоров» составили основу его карт и комментариев к ним. Записи диалектной речи постоянно звучат на учебных занятиях по русской диалектологии. Вместе с тем материалы полевых записей народной речи мало доступны заинтересованному слушателю – лингвисту, учителю-краеведу, специалисту в области региональной культуры. Это определило актуальность создания фонохрестоматии вологодских говоров, в которой найдут свое отражение фонетические, лексические и грамматические черты вологодских диалектов.

Сборник «Народная речь Вологодского края» является первым опытом представления звучащей речи жителей восточных районов Вологодской области. Вместе с тем этот сборник не является фонохрестоматией в чистом виде и предназначен не только для специалистов в области диалектологии. Составители сборника стремились рассмотреть устные высказывания своих земляков не только с точки зрения лингвистического своеобразия, но и в более широком – историко-этнографическом, лингвокультурологическом контексте. Одна из самых важных задач этого сборника – показать читателю языковую личность жителя Вологодчины, носителя традиционной крестьянской культуры, нашего старшего современника.

В книге пять разделов. В них представлены образцы речи жителей Вологодской глубинки – уроженцев Усть-Кубинского, Меж-

дуреченского, Тотемского, Тарногского и Бабушкинского районов Вологодской области. Мы записывали их рассказы о прожитых годах, о судьбах своей семьи и родного села, воспоминания об интересных случаях, очевидцами которых им пришлось быть. Перед читателем раскрывается особый мир северной деревни с её суровым бытом, тяжёлым трудом, с её особой жизненной философией, определяющей место человека в непосредственной, кровной связи с миром людей и миром природы.

Во первом разделе читатель знакомится с воспоминаниями уроженца Междуреченского района Василия Морозова о жизни Дороватского сельсовета с двадцатых до семидесятых годов XX века. В записи 1988 года сохранились северные девичьи частушки в исполнении его жены, Александры Никандровны Морозовой Очерк Е.Н. Ильиной в сочетании с воспоминаниями Н.В. Бородкиной и О.И. Морозовой создаёт образ семьи, хорошо помнящей истоки своего рода, верной традициям крестьянской патриархальной культуры.

Второй раздел посвящён описанию сенокоса – одной из наиболее значимых для крестьянина трудовых ситуаций, определяющих хозяйственное благополучие семьи. Когда и что необходимо делать в сенокосную пору, как её осмысливает народная мудрость в пословицах и поговорках, о чём в первую очередь следует заботиться рачительному хозяину – мы узнаем из очерка П.Н. Задуминой, сопровождающего звучащую речь жителя Усть-Кубинского района Юрия Комиссарова.

В третьем разделе стараниями С.В. Шильниковской перед читателем возникает портрет крестьянки Фаины Васильевны Поповой, уроженки Тотемского района, пережившей многие тяготы своего нелёгкого времени, сохранившей чистоту народного говора и уверенность в том, что труд и бодрость духа помогают пережить самые суровые испытания.

Четвёртый раздел характеризует систему народного речевого этикета на севере России. На материале вологодских говоров её давно исследует Л.Ю. Зорина. Представляя речевой портрет уроженки Тарногского района Александры Федосеевны Поповой, она знакомит читателя с социальными и бытовыми проблемами русского старообрядчества, с особенностями речевой культуры староверов в контексте явлений севернорусского речевого этикета.

Пятый раздел подготовлен по результатам экспедиции в Бабушкинский район. С.А. Ганичева представляет нам анализ речи Марии Арсентьевны Медведевой – яркой языковой личности, участницы фольклорного коллектива и активной сторонницы сохранения народных традиций.

Каждый раздел этой книги сопровождается речевыми иллюстрациями: они представлены в форме диалектологической транскрипции на страницах работы и в виде звуковых файлов на сопроводительном диске. Там же читатель может увидеть фотоархив диалектологических экспедиций, материалы которых отражены в сборнике, а также методические материалы, необходимые для организации практической работы с образцами народной речи. Диск подготовлен участником авторского коллектива сборника доц. А.Б. Крыловой по материалам личных архивов проф. Л.Ю. Зориной, проф. Е.Н. Ильиной, асп. П.Н. Задуминой, студ. С.А. Ганичевой, студ. С.В. Шильниковской.

Коллектив составителей сборника «Народная речь Вологодского края» благодарит за финансовую поддержку Вологодское областное отделение Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество», а также члена Попечительского совета, заместителя генерального директора ЗАО «Межрегионсоюзэнерго», управляющего ОАО «Вологодская сбытовая компания» Сергея Александровича Кочурова.

МЕЖДУРЕЧЕНСКИЙ РАЙОН

АЛЕКСАНДРА НИКАНДРОВНА (1911–1998) И ВАСИЛИЙ АРДАЛЬОНОВИЧ (1906–1980) МОРОЗОВЫ

Е.Н. Ильина

Судьба семьи Василия Ардальоновича и Александры Никандровны Морозовых во многом отразила драматические события в жизни российского крестьянства XX века. Прожив почти полвека в областном центре, они так и не стали горожанами – до конца жизни оберегая сделанный своими руками дом на Заболотном переулке, объединяя вокруг себя членов большой семьи и бывших односельчан, соблюдая традиции бытовой и духовной крестьянской культуры родного края.

В наследство от хозяина дома осталась рукопись воспоминаний «Памятка о прожитом», написанная им накануне своего семидесятилетия. В этой рукописи рассказ об истории большой крестьянской семьи тесно переплетается с описанием её малой родины – деревень Слободка и Сельцо Никольское Векшеньгского прихода Кожуховской волости.

На территории Вологодской области расположено озеро Кубенское. Из него берёт начало река Сухона, протекая от озера Кубенского до Устюга, где соединяется с рекой Юг и впадает в Малую Северную Двину, неся свои воды в Белое море. На берегах реки Сухоны расположились три больших города: Сокол, Тотьма и Великий Устюг – и много больших и малых сёл и деревень. Издавна беженцы от трудных и грозных времен поселялись по малым речкам, впадающим в Сухону, а впоследствии выселялись на самый берег реки, и кораблестроители Петра Великого увеличивали население свободным поселением в деревнях, селах и слободах Приречия. Вот об одном из таких населённых пунктов и пойдёт речь. В царское время он именовался Векшеньгский приход Кожуховской волости, состоящий из восьми деревень, приписанных к церкви «Никола Векшеньгский», названной по имени Николая – святого пустынника, жившего в лесу в двенадцати километрах от реки Сухоны и от устья впадавшей в неё реки Векшеньги.

Население этих деревень, кроме хлебопашества, занималось отходным промыслом. Мужчины в основном строили баржи. В то время не было судоверфей – строили на берегах Сухоны и маленьких рек – Стрелицы, Векшеньги и Глухой. Прочая рабочая сила, в основном женщины, занимались заготовкой дров в лесу. К тому же малоземелье и беспросветная нужда заставляли семейников уезжать в города – Питер, Кострому, Ярославль, Архангельск и другие. Работали по строительству домов, ремонту и строительству городских улиц, поварами, няньками, землекопами, кто чем смог. Оставались нередко насовсем на чужой стороне.*

После Октябрьской революции с установлением Советской власти данная территория образовала Дороватский сельсовет. На правом берегу Сухоны деревня Глухая в 132 дома с населением в 1926 году 528 человек, деревня Борщовка в 21 дом с населением 113 человек, деревня Нижний Починок в 27 домов с населением 148 человек, деревня Воробьёво в 31 хозяйство с населением 138 человек. На левом берегу деревня Дороватка в 43 дома с населением 322 человека, деревня Чёрный Починок в 23 хозяйства с населением 111 человек, Сельцо Никольское в 25 хозяйств с населением 156 человек и Усть-Стрелецкая Слободка в 36 хозяйств с населением 227 человек. Всего, согласно Подворному списку 1926 года, в сельсовете числилось 338 хозяйств и 1743 человека.

Размах строительства первых пятилеток требовал большого количества рабочей силы. Специалисты-судостроители, бывшие крестьяне этих деревень, уехали в Вологду, были наняты рабочими Вологодского судоремонтного завода. Город предоставил им земельные участки под строительство, а потому многие дороватские судоремонтники, разобрав свои дома в деревне, сплавили их в город по реке, привезли свои семьи, пополнив число жителей городского населения новыми фамилиями: Морозовых, Левенских, Потаниных, Логиновых, Серковых, Зиминых, Полуэктовых и Немчиновых.

По преданиям и пересказам дедов, уже давно умерших, известно, как появилось в излучине реки Сухоны, в полукилометре от устья реки Стрелицы небольшое поселение, получившее впоследствии название Сельцо Никольское. В половине восемнадцатого столетия из больших крестьянских семей Усть-Стрелицкой Слободки были выселены три молодых семьи. Новосёлами были Васи-

лий Черепанов, Сидор Морозов и Иван Потанин, давшие к началу XX века поколение в шестнадцать семей. Наша семья, получившая начало от Морозова Сидора, к 1906 году состояла из 11 человек. Всё поколение семей Морозовых, взявшее начало от прапрадеда Сидора, прозывалось в округе Сидорята, а этих Сидорят, по состоянию к 1900 году, была ровно половина деревни.

Василий Ардальонович Морозов с грустью пишет о судьбе родных мест: об утратах военного времени, об укрупнении сельских поселений, о том, что некогда многолюдное Междуречье становится пустынным и малообитаемым краем. Потомственный плотник, ценящий красоту традиционных северных домов, умеющий создавать её и на бумаге – в рисунках, и на земле – в жилых постройках, автор неодобрительно отзывается о внешнем облике родных деревень, утративших былую самобытность и привлекательность.

И осталось старожилов в этой местности со счётом: в деревне Слободка одна старушка Елизавета Константиновна Рычкова да четыре семьи потомственных слобожан, внуки ушедших в небытие. Из 36 домов осталось 14, десять из них заселены пришлым народом молодого поколения, не знающим истории этих мест. В деревне Глухая осталось восемь домов с остатком потомственного населения глушан только в трёх домах, а когда-то проживало там более полутысячи человек. Деревни Тютелево – Чёрный Починок, где было 23 хозяйства и проживало 111 человек, в настоящее время совсем нет. Красивое здание церкви Никола сломано ещё в тридцатых годах. Архитектурный вид деревень, а также сама постройка жилья выглядят невзрачно. Почти все дома переделаны из больших двухэтажных на маленькие одноэтажные. Потомственные жители ещё стараются придать красоту и уют своим домам, облицевав их вагонкой и даже некоторые покрасив снаружи, а пришлое население не интересуется, где и в чём живут, надеясь на предоставление готовой, колхозно-совхозной жилплощади.

Воспоминания В.А.Морозова сочетают фактологическую точность и обстоятельность этнографических описаний с яркой оценочностью в описаниях быта и нравов крестьянского землепользования, сплава леса по реке Сухоне, навигационных происшествий начала 20-х годов. На страницах рукописи то и дело мелькают про-

звища жителей родных деревень (*слобожата, глушане, борщевляне*), представителей тех или иных родовых кланов (*сидорята, моляки, санко-маёренок*), диалектные слова и меткие народные выражения: «*Зять Василий едва можахом* отправился во свояса*, заказав*, что нога его у тёщи не будет, пока будет там находиться шурак* Ардальон*». Автор воспоминаний в форме косвенной речи не раз приводит образцы народного говора, отражающие как его речевые особенности, так и традиции духовной культуры своего времени: *И в самом деле, как потом рассказывала бабка-повитуха Андрияновна, «что матка твоя, рождая тебя, мучилась двое суток, что ты пошёл в родах не как следует, а наоборот, и ладно бабушка нашла в своей памяти двух святых, Власия и Федосия, которые, услышав её молитву, спасли и мать, и меня от неминуемой смерти, а то, говорят, и царские ворота в церкви открывали, и молебен служили о здравии всем святым, и было молено всем богам и святой Богородице, а помощи ни от кого, кроме вот этих святых Власия и Федосия, не было».*

Внимательно читая текст воспоминаний, можно обнаружить многие диалектные черты, свойственные говорам Вологодской группы северного наречия. Это и типичное для этой территории заударное ёканье («*Как мы с братцом **Сашой** росли, в каком уходе – мы не запомнили*»), и совпадение форм тв. и дат. падежей во мн. числе («*У неё высвобождалось время на уход за личным скотом и **курам**, на варёж и заготовку пищи для семьи*»), и использование причастий как сказуемых в безличных предложениях («*И **было молено** всем богам и святой Богородице*»), и многие другие диалектные явления. Диалектизмы практически отсутствуют в описаниях истории заселения края и его социально-экономических особенностей, но весьма активно проявляются в зарисовках, отражающих быт и нравы родного края: «*Как-то во время отсутствия мамы, опихавшей* на сарае крупяной овёс, Саша, мой старший брат, вздумал прыгать с верхнего приступка* лаза* на печку. Я на такое геройство насмелиться сразу не смог, вот он и решил научить меня. Взял отцов пояс-кушак, привязал его к воронцу*, а потом к моей шее, как гарантию, чтобы я не упал и не разбился, посадил меня к себе на закукорки* и спрыгнул со мной на пол. Кушак оказался коротким, и, оказавшись в петле, захлёстнутой* на шею, я повис между полом и воронцом, отдавая богу свою несмелую мо-*

лодую душу... Прибежала мать, видя наши дела, не растерялась, перерезала кушак... А когда все были уже перевязаны-забинтованы, оба получили по голой ж... семихвостную дёру с наказом, чтобы впредь не выдумывали таких игрушек».* «Памятка о прожитом» довольно скупа на бытовые зарисовки: автор старается быть детально точным в описании фактов жизни своего сельсовета и своей семьи, уделяя бытовым зарисовкам значительно меньше внимания. На этом фоне ярко выделяется его рассказ «Навигационные происшествия 1918–1919 годы», написанный в марте 1975 года. Сам В.А.Морозов считает эти события наиболее интересными в своей судьбе: «*Было мне в то время 13 полных лет, и шли бурные революционные годы, 1918 и 1919-й, жизнь на селе и в городе крутилась-вертелась, всё изменялось, всё по-новому заменялось, а нам, ребятишкам, всё было это интересным. И вот в силу этих причин и нас включила жизнь в этот круговорот*». Автор описывает свою первую самостоятельную навигацию по Сухоне на «*обыкновенной барже-дровянке*» вместо старшего брата:

– Васька Ардашонок, как ты очутился здесь? – удивленно смотрит на меня мой дружок по школе Ванька Воронёнок.

Я в свою очередь обрадовался его тут присутствию и спрашиваю: «Как ты попал сюда?»

– Да, – говорит, – я-то здесь работаю шкипером за старшего брата Мишку, а он уехал домой на сенокос.

– Ну а я тоже за старшего брата Сашку и тоже шкипером вон на том маленьком судне № 13».

– А сзади меня шло судно № 23, на нём шкипером Санко-крыса, тоже с Борщовки.

И мы условились при начальстве не называть друг друга по имени, а звать только по фамилии «шкипер Левенский», «шкипер Тютиков».

Мальчишки-шкиперы возят лес в Вологду, самостоятельно оформляют документы, следят за погрузкой-разгрузкой лесоматериалов, решают бытовые и хозяйственные проблемы, справляются с происками недоброжелателей. Автор рассказа выхватывает из памяти интересные детали, ярко характеризующие его персонажей. Так, например, он описывает гульбу на барже шкипера-китайца: «*Из каюты китаёзы раздавались весёлые песни: «Ехала з ярмарки ухара купеца, ухара купеца, молодая молодеца. Заехала деревня*

купеца удивит, водочка попит, девка полюбит». Сильное впечатление произвёл на мальчишку эпизод спасения молодой матери-одиночки, сбежавшей из деревни от позора: «*Как же, – говорит, – вы не понимаете. Это результат несчастной любви. Он-то ушёл в армию, ему-то что. А вот мне-то как, ведь я не венчанная. Вот я из дому со стыда сбежала, хотела давиться, хотела утопиться, а теперь как? Ведь две души надо губить*!» Автор сочувственно описывает страдания молодой женщины и своё смущение, вызванное неожиданным соседством: «*Хоть мне и не совсем удобно, молодому парню, иметь в каюте чужую женщину, но, думаю, я хозяин, пусть она стесняется*». «Шкипер Морозов» по-взрослому убеждает женщину пожалеть себя и младенца: «*И тебе топиться не резон. Как бы ты была одна – Бог с тобой, а теперь у тебя маленький деток на руках... А вот если ты вырастишь такого парня всем на завидость*, красивого, рослого, да образованье ещё какое он, может, получит, будет инженером каким, начальником. Да, может, и отец его вернётся с фронта, и вы сможете с ним повенчаться. Он, наверно, вас любит, да и ты-то ведь не с первого свидания отяжелела. Нет, вам топиться и умирать совсем не резон! Обо всём тужить – не стоит и жить! Давай-ка вот садись к столу! Моя мать всегда так делала – после родов питалась почаще и лучше, она у нас всегда бойкая, красивая и тороватая*, она нас народила восьмерых...*».

После памятной навигации 1918–1919 годов Василий Ардальонович работал в колхозе, учился в Биряковской семилетке, в Школе полиграфического производства и на рабфаке в Вологде, был председателем сельсовета, служил на военных сборах, работал на судоверфи в Тотьме. В своих воспоминаниях он весьма скупо описывает события своей женитьбы на Александре Никандровне Морозовой, уроженке Усть-Стрелицкой Слободки: «*В одну из зим 1925 – 1926 года, приезжая на зимние гулянки* Рождество и Масленица, я гулял с одной девушкой из деревни Слободка, женился и перешёл жить к тестю. Мужики этой деревни наделили меня землёй, да плюс отец выделил мне из своих земельных угодий одно чищенье*, да дал за мной корову, выездную сбрую и гармонь, с чего и началась моя самостоятельная семейная жизнь*».

Из воспоминаний дочери Нины Васильевны Бородкиной

Сколько я помню, наша семья Морозовых всегда жила в Вологде. Нас, детей, было четверо. Мама, скромная деревенская женщина, любила нас по-своему: сытно накормить, к каждому празднику нашить трём девчонкам по новому штапельному платьицу, чтобы быть не хуже других. Таких вкусных, ароматных пирогов-рыбников, как у мамы, я не ела нигде за всю свою жизнь. А чудесные завары (похожие на сардельки) из крупы и муки мы уплетали за обе щеки с маслом и молоком. Даже в тяжёлые военные годы мама могла приготовить что-то вкусное из сушёной свёклы, брюквы и картошки.*

Папа очень любил свою большую семью. Мы всегда жили в просторном уютном доме, который он сам построил. Он был начитанным, образованным, умным человеком, за советом по многим вопросам к нему ходили многие мужики из нашего Заречного района. Где он узнал про школьный дневник в те послевоенные годы? Не знаю, но у меня был такой дневник, сделанный папой. В конце каждой недели я показывала папе свои оценки, а он расписывался в этом дневнике. А ещё папа был хорошим гармонистом. По праздникам в доме собиралась вся наша родня, папа играл весело, звонко, женщины плясали и пели частушки, подбадривая гармониста. А сколько они знали этих частушек – бесчисленное множество!!!

В архиве семьи Морозовых сохранилась рукописная тетрадь, в которую Василий Ардальонович записывал «Девичьи песни времен 1900 – 1927 годов молодёжи Дороватского сельсовета Кожуховской волости». После его смерти нетвёрдым почерком Александры Никандровны эта тетрадь была продолжена: исполнительница народных песен старалась оставить в памяти своих детей и внуков «северные русские старинные частушки», считая именно их своим главным наследством.

Сохранилась получасовая магнитофонная запись этих частушек, сделанная в 1987 году накануне восьмидесятилетия Александры Никандровны Морозовой. Далее мы приводим тексты девяноста частушек в сопровождении их фонетической транскрипции.

Я, Морозова Александра Никандровна, Междуреченского района, деревни Устрелицкая Слободка, исполняю прежние русские частушки.

[йа́ / моро́зова ал'эксáндра ни'ка́ндровна / м'эждур'э́чэнскова райййо́на / д'эр'э́вн'и / устр'эл'и́цкайа слобо́тка / испоlн'а́йу пр'э́жн'ийо ру́сск'ийэ часту́шк'и]

1. Рожь высокая, густая,
Колосочком длинная.
Никогда не забывается
Любовь старинная!
2. Мы с милёночком сидели
У куста малинова.
С ветки ягода упала,
Задавила милого.
3. Все веселое то времечко
Прошло скорёшенько.
Вот топере, невесёлое,
Идёт тихошенько.
4. Кудри вилися, валилися
На правое плечо.
Я в тебя-то, мой Васильюшка,
Влюбилась горячо!
5. Я не знала, что такая
Вертоватая любовь.
Не дала бы сердцу волюшки
С семнадцати годов.
6. Чёрный ворон выпил воду –
Надо ворона убить
Не дала судьба несчастная
Женатого любить
7. Уехал, уехал,
Уехал укатил.
На поминочки оставил
Свою лёгкую фамиль.
8. Глазки чёрныё не смоешь
И платочком не сотрёшь!
Я бойка меня не скроешь
И со мной не пропадёшь!
9. Голубые шарики
По полу раскатилися…
Не унывай, товарочка:
Не унывать родилися!
10. Не всё о горе плакать.

рош высо́кайа густа́йа /
колосо́чк'ом дл'и́ннайа /
н'экогда́ н'э забыва́йэцца /
л'уо́оф стар'и́ннайа //
мы с м'ил'о́ночк'ом с'ид'э́л'и /
у куста́ мал'и́нова /
с в'э́т'к'и йа́года упа́ла /
задав'и́ла м'и́lова //
фсо в'эс'о́lойо-то вр'э́м'эчк'о /
прошlо́ скор'о́шэн'к'о /
вот топ'э́р'э н'эв'эс'о́lойо /
ид'о́т т'ихо́шэн'ко //
ку́др'и в'и́л'ис'о – вал'и́л'ис'о /
на пра́войо пл'эчо́ /
йа ф т'эб'а́-то / мой вас'и́л'йушка /
вл'уб'и́lас' гор'ачо́ //
йа н'э зна́lа / шт'о така́йа
в'эртова́тайа л'убо́ф /
н'э дала́ о́ы с'э́рц'у во́л'ушк'и
с с'эмна́ц'ц'эти годо́ф //
чо́рной во́рон вы́п'иl во́ду /
на́дэ во́рона уб'и́т' /
н'э дала́ судба́ н'эшша́снайа /
жэна́това л'уби́т' //
уйэ́хаl / уйэ́хаl /
уйэ́хаl укат'и́l /
на пом'и́ночк'и оста́в'иl /
свойу л'о́хкуйу фам'и́л' //
гла́ск'и чо́рныйо н'э смо́йош /
и платочком н'э сотр'о́ш /
йа бойка́ /м'эна́ н'э скро́йош /
и со мно́й н'э пропад'о́ш //
голубы́йо ша́р'ик'и /
по по́lу роскат'и́л'ис'о /
н'э унывáй / това́рочка /
н'э унывáт' род'и́л'ис'о //
н'э фс'о́ о го́р'о пlа́кат' /

Не всё об нем тужить.
Половину надо горюшка
На радость положить.
11. Только вышла на крылечко,
Заиграл полубаян.
Думала, что разорвётся
Моё сердце пополам.
12. Поиграй повеселяя,
Веселяя этого,
У дроли серые глаза –
Любила из-за этого!
13. Раньше девушка гуляла
Веселяя всех подруг.
Вот тепере, задушевная,
Не стало дроли вдруг.
14. Погляжу на сине море –
Сине море вертится.
Из-за хорошего милого
Много девок сердится!
5. Задушевная, с тобой
Не цветём, а вянем.
Хоть и весело живём –
Старое вспомянем.
16. Я пойду пораскачаю
Под окошком палисад.
Не воротить любови старыя
Теперечи назад.
17. Кабы старое-то время
Да старый дорогой,
Не ушла бы до полуночи
С гуляночки домой.
18. Задушевная, попляшем,
По полу крашёному.
А мне немного горя надо,
Сердцу раздражённому.
19. Закатилось в поле солнышко,
Не будет больше греть.
Далеко уехал милый –
Меня некому жалеть!
20. Меня никто не пожалеет
Во своей родной семье.
Пожалел бы Ардальонович,

н'э фс'о́ об йом тужы́т' /
пolов'и́ну на́дэ го́р'ушка /
на ра́дос' пoложы́т' //
тол'к'о вы́шla на крыл'а́чк'о /
заигра́l пolубайа́н //
ду́маla / што розорв'о́ццо /
мо́йо с'э́рцо попола́м //
пойгра́й пов'эс'эл'а́йа /
в'эс'эл'а́йа э́това //
у дро́л'и с'э́рыйо rlаза́ /
л'уб'и́ла из-за э́това //
ра́ншэ д'э́ушка гул'а́la /
в'эс'эл'а́йа фс'эх подру́к /
вот / топ'э́р'э / задуше́внайа /
н'э ста́lo дро́л'и вдрук //
погл'ажу́ на с'и́н'о мо́р'э /
с'и́н'о мо́р'э в'э́рт'иццо /
из-за хоро́шэва м'иlо́ва /
мно́го д'э́вок с'э́рд'иццо //
задуше́внайа / с тобо́й /
н'э цв'ат'о́м / а в'а́н'ом /
хот' и в'э́с'эlо жыв'о́м /
ста́ройо фспом'а́н'ом //
йа пойду́ пороскоча́йу /
под око́шком пол'иса́т /
н'э ворот'и́т' л'убо́в'и ста́рыйэ /
т'эп'э́р'эчи наза́т //
ка́бы ста́ройо-то вр'э́м'о /
да ста́рой дорого́й /
н'э ушlа́ бы до поlу́ночи /
з гул'а́ночк'и домо́й //
задуше́внайа / попл'а́шом /
по́ поlу крашо́ному /
а мн'э н'эмно́го го́р'а на́дэ /
с'э́рцу роздража́ному //
закат'и́lос ф по́л'э со́lнышко /
н'э бу́д'от бо́л'шэ гр'эт' /
дал'эко́ уйэ́хal м'и́lой /
м'эн'а́ н'э́кому жал'э́т' //
м'эн'а́ н'экто́ н'э пожал'э́йэт /
во свойо́й родно́й с'эм'йэ́ /
пожал'э́l бы ардал'йо́нов'ич /

А он в сырой земле!
21. Говорят, что боевая,
Правда, боеватая.
Вся семейка боевая,
Я не виноватая.
22. Говорят, что боевая.
Да и правда ураган.
На горячий камень встану,
Но милого не отдам.
23. Поиграй повеселяя,
Девушка, потешуся.
Не думай, ягодиночка,
На шею не повешуся.
24. Я плясала – не устала,
Попляшу ещё и вновь.
Поиграл мне ягодиночка
За старую любовь.
25. Милый губы растопырил,
Целовать меня хотел.
Я-то, дура, испугалась,
Думала, что чтоб не съел.
26. Полюбила тракториста,
Девушка гордилася.
Один вечер посидела –
Две недели мылася.
27. Пела – не напелася,
Ревела – наревелася,
Без милёночка живу,
Я горя натерпелася.
28. Не всё об горе плакать,
Не всё об нём тужить.
Половину надо горюшка
На радость положить.
29. Отдавайте меня взамуж,
За которого велю,
А хорошо ли, плохо будет,
Не приду не зареву.
30. Погляжу на дорогого
С ног и до головушки.
А мне не то что люб милой –
Любы и головушки.
31. Где-то, где-то веселится

а он ф сыро́й з'эмл'э́ //
говор'а́т / што бойэва́йа /
пра́вда / бойова́тайа /
фс'а с'эм'э́йка бойэва́йа /
йа н'э в'инова́тайа //
говор'а́т /што бойэва́йа /
да и пра́вда урага́н /
на гор'а́чэй ка́м'эн' фста́ну /
но м'ило́ва н'э ода́м //
поигра́й пов'эс'эл'а́йа /
д'э́ушка / пот'э́шус'о /
н'э ду́май / йагод'и́ночка /
на шэ́йу н'э пов'э́шус'о //
йа пл'аса́la / н'э уста́la /
попл'ашу́ йэш'ш'о́ и вноф /
поигра́l мн'э йагод'и́ночка /
за ста́руйу л'убо́ф //
м'и́лой гу́бы ростопы́р'иl /
цэлова́т' м'эн'а́ хот'э́l /
йа-то / ду́ра / испуга́lас' /
думаlа́ што штоп н'э сйэ́l //
пол'уб'иla трактор'и́ста /
д'э́вушка горд'и́lас'о /
од'ин в'э́чор пос'ид'э́la /
дв'э н'эд'э́л'и мы́lас'о //
п'э́la – н'э нап'э́lас'о /
р'эв'э́la – нар'эв'э́lас'о /
б'эз м'ил'о́ночка жыву́ йа /
го́р'а нат'эрп'эlас'о //
н'э фс'о́ о го́р'о пlа́кат' /
н'э фс'о́ об йом тужы́т' /
поlов'и́ну надэ го́р'ушка /
на ра́дос' поlожы́т' //
оддава́йт'о м'эн'а́ вза́муш /
за кото́рова в'эл'у́ /
а хорошо́ л'и / пlо́хо бу́д'от /
н'э пр'и́ду н'э зар'эву́ //
погл'ажу́ на дорого́во /
с нок и до голо́ушк'и /
а мн'э н'э то́ што л'уп м'иlо́й /
л'у́бы и золо́ушк'и //
гд'э-то / гд'э-то в'эс'эл'и́ццо /

Ягодиночка один?	йагод'и́ночк'а од'и́н /
Было время, веселилася	бы|о вр'э́м'о / в'эс'эл'и́лас'а /
И я, девчонка, с ним.	и йа́ / д'эфчо́нк'а / с н'и́м //
32. Я топере не гуляю,	йа топ'э́р'э н'э гул'а́йу /
Не гуляю, не тужу,	н'э гул'а́йу / н'э тужу́ /
А потому, что в этом мало	потому́ шч'о в этом ма́lо /
Интересу нахожу.	инт'э́р'эсу нахожу́ //
33. Сколько раз переходила	скол'ко ра́с п'эр'эход'и́la /
Эту воду, эту грязь!	эту во́ду / эту гр'а́с' /
Говорят, что на отчаянного	говор'а́т / шч'о на оч'ч'айа́ннова /
Дролю нарвалась.	дро́л'у нарвала́с' //
34. Ягодиночка на льдиночке,	йагод'и́ночка на л'д'и́ночк'э /
А я на берегу.	а йа́ на б'эр'эгу́ /
Перекинь, милой, тесиночку –	п'эр'эк'и́н' / м'и|о́й / т'эс'и́ночку /
К тебе перебегу.	к т'эб'э́ п'эр'эб'эгу́ //
35. Заиграли весело,	заигра́л'и в'э́с'э|о /
А я-то невесёлая.	а йа-то н'эв'эс'о́lайа /
Моя весёлая любовь	мойа́ в'эс'о́lайа л'убо́ф /
Далёко увезённая.	дал'о́ко ув'эз'о́найа //
36. Я не баско нарядилась,	йа н'э ба́ско нар'ад'и́las' /
Не бело умылася.	н'э б'э|о́ умы́las'o /
Знаю, что милого нет –	зна́йу /шт'о м'ило́ва н'эт /
Гулять не торопилася.	гул'а́т' н'э тороп'и́las'o //
37. Я не баско нарядилась	йа н'э ба́ско нар'ад'и́las' /
На колодец за водой.	на коl|о́д'эц' за водо́й /
Подруга, модничай – не модничай,	подру́га / мо́д'н'ичэй н'э мо́д'н'ичэй /
Пойду на перебой.	пойду́ на п'эр'эбо́й //
38. Уродилася весёлая,	урод'и́las'o в'эс'о́lайа /
Всегда песни пою.	фс'эгда́ п'эс'н'и́ пойу́ /
Про меня подруги думают:	про м'эн'а́ подру́г'и ду́майут /
Без горюшка живу.	б'эз го́р'ушка жыву́ //
39. Это горюшко – не горе.	это го́р'ушко н'э го́р'о /
Горе будет впереде.	го́р'о бу́д'эт фп'эр'эд'э́ /
Разлуку милый на баянчике	розl|у́ку м'и|о́й на байа́нчик'э /
Выигрывал всё мне.	вы|и́грывal фс'о мн'э́ //
40. У реки на берегу	у р'эк'и́ на б'эр'эгу́ /
Сидели с ягодиночкой.	сид'э́л'и с йагод'и́ночкой /
Наша связана любовь	на́ша св'а́зана л'убо́ф /
Зелёною травиночкой.	з'эл'о́нойу трав'и́ночкой //
41. Зеленая травушка,	з'эл'эна́йа тра́ушка /
Тебе зимой не вырасти.	т'эб'э́ з'имо́й н'э вы́рас'т'и /
Милый, сделаешь изменушку,	м'и|о́й / з'д'э́lайош изм'э́нушку /

Дак как перенести?
42. Сколько раз переходила
Эти ручевиночки:
Хотела жизнь свою прикончить –
Жалко ягодиночки!
43. Не ищите меня дома,
А ищите где-нибудь,
Из-за старыя любови
Буду в Сухоне тонуть.
44. Говорят, что боевая.
Правда, боеватая.
Вся семейка боевая.
Я не виноватая.
45. Запевай, подружка, песни.
Запевай какие хошь!
Про любовь только не надо:
Моё сердце не тревожь!
46. Это что же за любовь,
Я сейчас узнала.
Не одинова любовь
Плакать заставляла.
47. Думала, что слёз не будет
От любови никогда.
Покатились мои слёзы
Как по зеркалу вода.
48. У нас в поле чёрный ворон
Призапутался в траве.
Хороши у дроли глазки
И изменчивы оне.
49. Хотела баско нарядиться –
Отняла мама ключи,
Кашемировыя пару
Не дала оболокчи
50. Мы с милёночком гуляли.
Говорили люди нам:
«Какая пара-та хорошая,
Гулять-то надо вам!»
51. Я по этой по тальяночке
Писать училася.
Я не знаю, почему
Измена получилася.
52. До семнадцати годов

дак ка́к п'эр'эн'эс'т'и́ //
ско́л'ко рас п'эр'эход'и́ла /
эт'и руч'эв'и́ночк'и /
хот'э́ла жы́с' сво́йу пр'ико́н'чит' /
жа́lко йагод'и́ночк'и //
н'э ишчы́т'о м'э́н'а до́ма /
а ишчы́т'о гд'э-н'ибу́т' /
из-за ста́рыйо л'убо́в'и /
бу́ду ф су́хон'э тону́т' //
говор'а́т / шт'о бойова́йа /
пра́вда / бойова́тайа /
фс'а с'эм'э́йка бойова́йа /
йа н'э в'инова́тайа //
зап'эва́й / подру́шка / п'э́с'н'и /
зап'эва́й / как'и́йо хош /
про л'убо́ф тол'ко н'э на́дэ /
мойо с'э́рцо н'э тр'эво́ш //
это шч'о́ жо за л'убо́ф /
йа с'эча́с узна́la /
н'э од'и́нова л'убо́ф /
пла́кат' заставл'а́la //
думала́ / шч'о сл'ос н'э бу́д'от /
от л'убо́в'и н'экогда́ /
покат'и́л'ис' мои сл'о́зы /
как по з'э́р'kalу вода́ //
у нас ф по́л'э чо́рной во́рон /
пр'изапу́talс'о ф трав'э́ /
хорошы́ у дро́л'и гла́ек'и /
и изм'э́н'чивы он'э́ //
хот'э́la ба́ско нар'ад'и́ц'ц'о /
отн'ала́ мама́ кл'учи́ /
кашам'и́ровыйо па́ру /
н'э dalа́ оболокчи́ //
мы с мил'о́ночком гул'а́л'и /
говор'и́л'и л'у́ди на́м /
кака́йа па́ра-та хоро́шайа /
гул'а́т-то на́дэ вам //
йа по э́той по тал'йа́ночк'э /
пл'аса́т' учи́lас'о /
йа н'э зна́йу / почэму́ /
изм'э́на polучи́lас'о //
до с'эмна́ццэт'и годо́ф /

Сердечко не нывало.
С семнадцати до старости
В спокое не бывало.
53. Ретивое сердце ты,
Где спокой тебе найти?
Ни в крапиве, ни во льду –
Нигде спокою не найду.
54. Задушевная, с тобой
Не цветём, а вянем.
Хоть и весело живём,
Старое вспомянем.
55. Весела и веселюсь,
В горюшке не сознаюсь.
Я тогда сознаюся,
Когда одна остануся.
56. Погляжу на сине море –
Ой-ёй-ёй, какая даль!
Ветры буйные сказали:
«Милого не ожидай!»
57. Хорошо с хорошим мальчиком
На парочку плясать,
Его беленькое личико
Народу показать.
58. Что ты, дролечка, не ходишь?
Чем я разонравилась?
Красотою всё такая,
Ростом не убавилась.
59. У молоденькой у девушки
Была и красота.
Вот теперечи состарилась –
Седые волоса.
60. Я, молоденькая девушка,
С сего ума дошла.
Буду ли любить худого,
Как хорошего нашла?
61. Я, молоденькая девушка,
Бегом да и бегом.
Вот топеречи состарилась –
Пойду и с батогом.
62. Как бы кустичек не мил –
Соловей гнезда не вил.
Кабы милый не любил –

с'эрд'э́чко н'э нывálo /
с с'эмнáццэт'и до стáрост'и /
ф спокóйэ н'э бывalo //
р'эт'ивóйо с'э́рцо ты /
гд'э спóкой т'эб'э́ найт'и́ /
н'э ф крап'и́в'э / н'э во л'ду́ /
н'эгд'э́ спокóйу н'э найду́ //
задушэ́внайа / с тобóй /
н'э цв'эт'óм / а в'áн'ом /
хот' и в'э́с'эlo жыв'óм /
стáройо фспом'áн'ом //
в'эс'эlá и в'эс'эл'ýс' /
в гóр'ушк'э н'э сознайýс' /
йа тогдá сознáйус'о /
когдá однá остáнус'о //
погл'ажý на с'и́н'о мóр'о /
ой-йой-йóй / какáйа дал' /
в'э́тры бýйныйо сказáл'и /
м'иlовá н'э ожыдáй //
хорошó с хóрошым мáл'чиком /
на пáрочку пл'асáт' /
йэ́во б'э́л'эн'койо л'и́чико /
нарóду показáт' //
што ты / дрóл'эчка /н'э в'э́с'el /
чэ́м йа розонрáв'иlас' /
красотойу фс'о такайа /
ростом н'э убав'илас' //
у молóд'эн'кой у дэ́ушк'и /
былá и красотá /
вот топ'э́р'эчи состáр'иlас' /
с'эды́йо bolocá //
йа / молóд'эн'кайа дэ́ушка /
с с'эвó умá дошлá /
бýду л'и л'уб'и́т' худóво /
как хорóшово нашlá //
йа / молóд'эн'кайа дэ́ушка /
бегóм да и бегóм /
вот топ'э́р'эчи состáр'иlас' /
пойдý и з батогóм //
кáбы кýст'ичок н'э м'и́l /
colов'э́й гн'эздá н'э в'и́l /
кáбы м'и́lой н'э л'уб'и́l /

Кажинный вечер не ходил.
63. Задушевная подружка,
Не тоскуй наодине.
Разволнуется сердечко –
Приходи гулять ко мне.
64. Я иду, а мне навстречу
Супостатка с дорогим.
Конечно, жаль, да делать нечего –
Дала дорогу им.
65. Я недолечко и любила,
Да и то милой жалел.
Когда нет на посиденочке,
В окошечко глядел.
66. Жала рожь зелёную
Рученьки не вяжут.
Про меня, про девушку,
Чего в году не скажут?
67. Жала рожь зелёную
Нагибала веточку.
Не фуражку милый носит -
Серенькую кепочку.
68. Дроля в белой рубашке,
Когда и в голубой.
Как ему не наряжаться –
Каждой девушке любой!
69. Не одна во поле жала,
Не одна на полосе.
Не одна об Ваньке плакала –
Ревели девки все!
70. Голубое моё платье
Выгорает в один раз.
Супостаточка рябая,
Дорогой не пара вас.
71. У меня милой гармонщик,
Подтальянивать горазд.
Заиграет с переводом,
Завлекает боле нас.
72. Я плясать-то не училась
И в театре не была:
Меня такую развесёлую
Мамаша родила!
73. Я не плясаница, девушка,

кажы́нной в’ы́чэр н’э ход’и́l //
задушэ́внайа подру́шка /
н’э тоскуй наод’ин’ы́ /
розволнуйэщцо с’эрд’ы́чко /
пр’иход’и́ гул’а́т’ ко мн’ы́ //
йа иду́ / а мн’э нафстр’ы́чу /
супоста́тка з дорог’и́м /
кон’ы́шно / жа́л’ / да д’ы́lат’ н’ы́чэво /
дала́ доро́гу йи́м //
йа н’эдо́л’эчко л’уб’и́la /
да и то́ м’иlо́й жал’ы́l /
когда н’ы́т на пос’ид’ы́ночк’э /
в око́шэчко гл’ад’ы́l //
жала рош з’эл’о́нуйу /
ру́чэн’к’и н’э в’а́жут /
про м’эн’а́ / про д’ы́ушку /
чэво́ в году́ н’э ска́жут //
жа́ла рош з’эл’о́нуйу /
наг’иба́la в’ы́точ’ку /
н’э фура́шку м’и́лой нос’ит /
с’ы́р’эн’куйу к’ы́почку //
дро́л’а в б’ээlой руба́шк’э /
когда́ и в голубо́й /
как йэму́ н’э нар’ажа́цца /
ка́жной д’ы́ушк’э л’убо́й //
н’э одна́ во по́л’э жа́la /
н’э одна́ на поłос’ы́ /
н’э одна́ об ва́н’к’э пlа́kala /
р’эв’ы́л’и д’ы́фк’и фс’ы́ //
голубо́йо мо́йо пlа́т’йо /
выгора́йот в од’ин ра́с /
супоста́точка р’аба́йа /
дорого́й н’э па́ра ва́с //
у м’эн’а́ м’иlо́й гармо́ншшык /
поттал’йа́н’иват’ гора́ст /
заигра́йэт с п’эр’эво́дом /
завл’эка́йот бо́л’э на́с //
йа пл’аса́т-то н’э учи́lас’ /
и ф т’эа́тр’э н’э быlа́ /
м’эн’а́ / таку́йу розв’эс’о́luйу /
мама́ша род’иlа́ //
йа н’э пл’а́сан’ица / д’ы́ушка /

Связалась с плясуном.
Погоди, подруга милая,
На песенках возьмём!
74. Я не плясаница, девушка,
Пляши, мой дорогой!
У вас красивая походочка –
Качаешь головой.
75. Все сказали про меня:
Пошибко гуляю я.
Пошибко, дак не для вас,
А для меня дак в самый раз.
76. Не пиши милой письма,
Не доводи карандаша!
Через письма, ягодиночка,
Любовь нехороша!
77. Дроля, сватайся, не бойся –
За тебя и отдадут.
Ты богатыим считаешься.
Приданого дадут.
78. Супостаточку наваливают –
Милый не берёт.
Дали сто рублей приданого
Да лесу на перёд.
79. Попляшу я по отаве,
Попляшу и пополу.
Супостатка замечает –
Постою - потопаю.
80. Задушевная подружка,
Выходи на перепляс.
Если ты меня не выручишь,
И я в последний раз.
81. Я косила да окашивала
Белый белоус.
82. Хоть и много супостаточек –
Единой не боюсь!
83. Я милёночка любила
И любила-маялась.
Я не знала, что ему
Моя подруга нравилась.
84. Задушевная подружка,
Только ты и на уме.
Обе ростиком однакие,

св'аза́lас' с пл'асуно́м /
погод'и́ / подру́га м'и́lайа /
на п'э́с'эн'ках воз'м'о́м //
йа н'э пл'а́сан'ица / д'э́ушка /
пл'ашы́ / мой дорогой /
у вас крас'и́вайа похо́доч'ка /
кач'а́йош голово́й //
фс'э сказа́л'и про м'эн'а́ /
пошыпко́ гул'а́йу йа́ /
пошыпко́ / дак н'э дл'а вас /
а дл'а м'эн'а́ дак ф са́мой ра́с //
н'э п'ишы́ / м'и́lой / п'ис'ма́ /
н'э довод'и́ карандаша́ /
чэ́р'эс п'и́с'ма / йагод'и́ночка /
л'убо́ф н'эхороша́ //
дро́л'а / сва́тайс'о / н'э бо́йс'о /
за т'эб'а́ и оддаду́т /
ты баγа́тыим шшыта́йэс'с'а /
пр'ида́нова даду́т //
супоста́точку нава́л'ивайут /
м'и́lой н'э б'эр'о́т /
да́л'и сто́ рубл'эй пр'ида́нова /
да л'э́су на п'эр'о́т //
попл'ашу́ йа по ота́в'э /
эпл'ашу́ и по́ polу /
супоста́тка зам'эча́йот /
постойу́ / пото́пайу //
задуш'э́внайа подру́шка /
выход'и́ на п'эр'эпл'а́с /
йэсл'и ты́ м'эн'а нэ вы́ручиш /
и йа́ ф посл'э́дн'эй ра́с //
йа кос'и́lа да ока́шывala /
б'э́lой б'эlоу́с /
хот' и мно́го супоста́точэк /
йэд'и́ной н'э бойу́с' //
йа м'ил'о́ночка л'уб'и́lа /
и л'уб'и́la ма́йalac' /
йа н'э зна́la / шт'о йэму́ /
мойа́ подру́га нра́в'иlac' //
задуш'э́внайа подру́шка /
то́л'ко ты́ и на́ ум'э́ /
об'э ро́ст'иком одна́к'ийо /

И годики одне.	и го́д'ик'и од'н'э́ //
85. Супостаточка-то сердится,	супоста́точка-та с'э́рдицца /
А я дак не сержусь.	а йа́ дак н'э с'эржу́с' /
Подойду да поздороваюсь,	подойду́ да поздоро́вайус' /
Пониже поклонюсь.	пон'йжэ покlон'у́с' //
86. Задушевная, попляшем	задушэ́внайа / попл'а́шом /
Мы с тобой по полу-ту.	мы с тобо́й по по́lу-ту /
Перебьём у супостаточек,	п'эр'эб'йо́м у супоста́точок /
Дак будет рёву-ту!	дак бу́д'от р'о́ву-ту //
87. От крутого бережка	от круто́во б'эр'эшка́ /
Лодочка отправилась.	lо́дочка отпра́в'иlас' /
Супостатка из-за денег	супоста́тка из-за д'э́н'ок /
Милому понравилась.	м'и́lому понра́в'иlас' //
88. Задушевная, с тобой	задушэ́внайа / с тобо́й /
Не будем мы печалиться.	н'э бу́д'ом мы п'эча́л'иццо /
Мало ли чего бывает,	ма́lо л'и чэво́ быва́йот /
Мало ли случается?	ма́lо л'и clуча́йэццо //
89. Задушевная товарочка,	задушэ́внайа това́рочка /
На ум-то что пришло?	на у́м-то шч'о́ пр'ишlо́ /
Погуляла бы со стареньким,	погул'а́lа бы со ста́р'эн'к'им /
Да времечко ушло.	да вр'э́м'эчко ушlо́ //
90. Все я песни перепела,	фс'э йа п'э́с'н'и п'эр'эп'э́lа /
На уме перебрала,	на ум'э́ п'эр'эбра́lа /
Своему сердцу ретивому	свойому́ с'э́рцу р'эт'и́вому /
Нисколь не помогла.	н'эско́l' н'э помогlа́ //

Транскрипция звучащей речи отражает характерные для говора Междуреченского района фонетические особенности: полное оканье, сочетание екающего и ёкающего произношения безударных гласных (*свойому, бойэвайа, бойоватайа*), специфическое произношение долгих шипящих (*ишчыт'о*), более твёрдое, чем в литературном языке, произношение звука *-ч'-* (*ч'эв'о, гор'ач'о*), наличие в говоре полумягкого «европейского» *l* преимущественно в интервокальной позиции после твердых согласных (*м'иlой*), отвердение конечных губных согласных (*л'убоф*) и др. Среди словообразовательных диалектизмов выделяются весьма значимые для содержания песен слова с корнем *-один-* (*од'инова* – однажды, *нод'ин'э* – наедине, *однак'ий* – одинаковый и др.). Среди морфологических диалектизмов обращают на себя внимание локально ограниченные формы инфинитива (*оболокч'и*) и формы

прилагательных: *в'эс'эл'айэ, мал'инова, старыйа, кашэм'ировыйа* и др. Из ярких синтаксических особенностей следует отметить наличие диалектного *дак* в функции союза и частицы, а также случаи уподобления постпозитивных частиц финалям грамматических форм существительных (*по полу-ту, пара-та* и др.).

Достаточно много в текстах частушек территориально маркированных слов. Среди них местные наименования водоёмов – это и нарицательное *ручевиночка*, и собственное *Сухона*. Обращают на себя внимание названия народной одежды (*пара* – женский костюм, состоящий из юбки и кофты, сшитых из одной материи [СВГ, 7: 7]), деталей жилых построек (*перёд* – выходящая на улицу передняя часть крестьянского дома [СВГ, 7: 34]). Присутствуют также и типичные для девичьих песен именования любимого (*милёнок, милёночек, дроля, дролечка, ягодиночка*), названия подруги (*товарка, товарочка*), соперницы (*супостатка, супостаточка*), названия вечерних гуляний молодёжи (*гулянка, посиденочка*) и их участников (*плясаница, гармонщик*), действий любовного сюжета (*изменушка, перебой, завлекать*), музыкальных инструментов и манеры игры на них (*полубаян, подтальянивать, играть с переводом*). Нередки местные слова качественной семантики (*вертоватый* – непостоянный [СВГ, 1: 62]; *любой* – любимый, дорогой [СВГ, 4: 60], *баско* – красиво, нарядно [СВГ, 1: 22] и др.).

Можно с уверенностью сказать, что в речи 80-летней исполнительницы, прожившей долгую жизнь вдали от Междуреченского района, вполне отчётливо проявляются языковые черты её родного говора.

Из воспоминаний внучки Ольги Игоревны Морозовой

Я хорошо помню дом деда и бабушки на Заболотном переулке: покрашенный голубой краской, с нарядным балкончиком в мезонине. Запомнила сурового с виду, но доброго и рассудительного деда Василия, хлопотливую и аккуратную бабушку Шуру с её неуёмной энергией, жадным любопытством по отношению ко всему, что происходит вокруг. Помню наши походы в фотоателье: дед Вася хотел, чтобы на общих фотографиях рядом с ним были все его родственники – братья, сёстры, дети, внуки, зятья, невестки.

Помню, насколько гостеприимным был их старый дом с пирогами, с частушками под гармошку, с долгим, обстоятельным обсуждением новостей – что международных или всесоюзных, что из родного Междуречья. Особую гордость испытали старики, когда их первого правнука назвали Василием. Бабушка не раз говорила: «Новый Василий Морозов родился, семья дальше жить будет».

ПРИМЕЧАНИЯ

Толкование местных слов и выражений, отмеченных в тексте знаком *, даётся в алфавитном порядке с опорой на данные «Словаря вологодских говоров». Вып. 1–12. Вологда, 1993–2008, картотека дополнений (далее [СВГ; КСВГ]) и материалы «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И.Даля. Том 1–4. СПб., 1882 (далее [Даль]).

Воронец	Один из двух деревянных брусьев, расположенных перпендикулярно друг к другу от печи до стен, поддерживающих полати, перегородку, широкую полку. Один воронец идёт от печи к стене, и полати одним своим концом укреплены в этом воронце. Другой же воронец идет от печи к стене и отделяет как бы куть от избы [СВГ, 1: 83].
Во свояса	Ср.: *свояси* «свой дом, своя семья, родина» [Даль, 4: 154].
Гулянка	Посиделки [СВГ, 1: 135].
Дёра	Действие по глаголу *драть* [Даль, 1: 490 - 491].
Едва можахом	Из последних сил [КСВГ]
Завара	Кушанье, приготовленное из ржаной муки крупного помола, заваренной молоком [СВГ, 2: 98].
Завидость	Зависть [СВГ, 2: 101].
Заказать	Дать распоряжение, наказать; сообщить [СВГ, 2: 119].
Закукорки	Верхняя часть спины, заплечье [СВГ, 2: 125].
Захлестнуть	Закинуть [КСВГ]
Насмелиться	Решиться, осмелиться [КСВГ]
Опихать	Очистить / очищать зерно от шелухи толчением [СВГ, 6: 60].

Приступок	Приспособление, по которому поднимаются на русскую печь – лесенка в 2–3 ступеньки, скамейка или ящик с выступом, используемый также как вместилище [СВГ, 8: 65].
Семейник	Член семьи, родственник [СВГ, 9: 118].
Тороватый	Тот, которому сопутствует счастье, удача; счастливый; веселый, жизнерадостный; гостеприимный, щедрый; доброжелательный, отзывчивый; умеющий все делать; трудолюбивый и пр. [СВГ, 11: 45 - 46].
Чищенье	[СВГ, 12:].
Шурак	Брат жены, шурин [СВГ, 12: 107].

Семья Морозовых,
уроженцы Междуреченского района Вологодской области
(фото 1930 г.)

А.Н. Морозова, уроженка Усть-Стрелицкой Слободки Междуреченского района Вологодской области

В.А. Морозов, уроженец Сельца Никольского Междуреченского района Вологодской области

1. Обтачивание косы бруском

2. Сенные грабли

3. Ветки, укладываемые под стог

4-6. Этапы формирования остожья

5.

6.

7. Стог

А.Ф. Попова, жительница д. Великая
Тарногского района Вологодской области

М.А. Медведева, уроженка д. Козлец
Бабушкинского района Вологодской области

Ф.В. Попова, жительница д. Великий Двор Тотемского района Вологодской области

УСТЬ-КУБИНСКИЙ РАЙОН

СЕНОКОС В КАРТИНЕ МИРА СЕВЕРНОГО КРЕСТЬЯНИНА

П.Н. Задумина

Вся жизнь крестьянина проходит в череде сменяющих друг друга трудовых процессов [Белов, 1982: 22]. Круглый год крестьянин трудится, его жизнь проходит в труде, а часто и обусловлена трудом.

Одним из наиболее важных трудовых процессов в деревне был и остается сенокос. По мнению историков и этнографов, сенокос – это особое время для земледельца. Исследователи описывают сенокос как «одну из приятнейших сельских работ» [Громыко, 1991: 47].

Для крестьянского хозяйства традиционной русской деревни сенокос, бесспорно, был и остается неотъемлемой частью: крупный рогатый скот и лошади нуждаются в корме на зиму. Заготовление кормов играет большую роль в жизни крестьян. Особые климатические условия Русского Севера определили место сенокоса в череде крестьянских дел. Для наших широт характерно короткое теплое лето, средняя температура июля поднимается до +18°. К тому же, на летние месяцы приходится максимум осадков, а дождь для сенокоса – это главная беда. Непросушенное сено сгниёт, хотя и пересушить траву нельзя, поскольку она потеряет все жизненные соки.

Летом сенокос ставится во главу всех сельскохозяйственных дел: важно не пропустить благоприятную погоду для уборки сена. Как только устанавливается солнечная погода, без дождей, крестьяне спешат на сенокос, оставляя прочие дела на другое время.

По данным специальных словарей, в том числе сельскохозяйственных, *сенокос* – это косьба травы на сено, заготовка сена, а также время косьбы травы и место косьбы травы на сено [СЭС].

Сенокос всегда проходил по определенным правилам и законам, имел строго установленный порядок работы. Косить начинали «со светом», то есть по росе. Скошенную траву женщины сразу разбивали, т.е. *растрёпывали* рукоятками граблей для того, чтоб она лучше высыхала. К вечеру разбитое и почти сухое сено сгре-

бали *в валы*, т.е. длинные гряды, а из них затем сено складывали в копны, то есть в высокие кучи. На другой день, когда роса спадала, копны эти разваливали кругами, а потом траву опять сваливали в копны и стога. Таков был порядок при уборке сена в хорошую погоду. Если же собирались тучи и начинался дождь, то при уборке сена у крестьянина возникало много хлопот. В случае дождливой погоды старались немедленно сложить сено в копну. Когда погода становилась лучше, копну разваливали и переворачивали сено до тех пор, пока оно не просохнет – так описывает этот трудовой процесс историк и этнограф М.М. Громыко в монографии «Мир русской деревни» [Громыко, 1991: 37].

На первый взгляд сенокос – это «сельская забава»: летом уборка травы не представляется таким тяжелым трудом, но это только на первый взгляд. Технология сенокоса невероятно сложна. Существует множество нюансов, которые должен учесть крестьянин: это погода, соблюдение примет для успешной работы, технология просушки сена, укладки его в копны и метания стога.

Заготовка сена в советской деревне прежде всего была ориентирована на обеспечение кормами колхозных животных, а уже после этого – животных своего личного хозяйства. «На себя» косили ночью, на неудобных для работы участках – в оврагах, в лесах и пр.

На сегодняшний день сенокос вручную уходит в прошлое: ручные косы сменяются автоматическими, сено заготавливают, используя специальную технику. Однако секреты метания стогов и копен передаются от поколения к поколению и находят отражение в поговорках и пословицах, а также в диалектной лексике.

Летом 2012 года мы изучали народные представления о сенокосе в Усть-Кубинском районе Вологодской области. Яркой особенностью Усть-Кубинского района является непосредственная близость к воде. Стог нередко даже не метали, а увозили на сеновал сено в копнах. С отдельных участков вывезти скошенную траву можно было только на лодках.

Действительно, сенокос, по мнению наших собеседников – пожилых уроженцев села Устье, – это работа чистая и проходит в самую теплую пору. Но это и одна из самых тяжелых работ. Не случайно на сенокос собиралась вся семья. И сегодня жители Устья ждут к началу сенокоса своих сыновей дочерей, которые живут в городе.

Процесс сенокоса можно разделить на несколько этапов. Описание этих этапов в речи наших собеседников позволило обратить внимание на особенности их представлений о сенокосе в контексте народных традиций.

Первый этап сенокоса – это непосредственно косьба. Косили в основном мужчины, а женщины включались в косьбу при их отсутствии или при необходимости сделать работу быстро (например, при косьбе ночью на домашний скот). Искусству косьбы обучали и мальчиков, и девочек, так как, по мнению прагматичного крестьянина, такое умение никогда не будет лишним. Косьба начиналась рано, около четырёх часов утра, пока не спала роса. В это время, по мнению наших информантов, трава мягче, коса идёт легче и облегчает косцу задачу. К тому же рано утром нет палящего солнца и назойливых насекомых.

Сено выкашивали в определённом направлении, прокосами: косец шёл по прокосу и срезал траву косой, при этом должны образовываться так называемые *валки*. У умелого косца размах косы широкий, прокос широкий, а «валки» ровные. Первым двигался всегда самый сильный и самый опытный косец, задавая направление движения и определяя его темп. За старшим косцом следовали все остальные. Во время покоса между косцами устанавливалось своего рода соревнование, в ходе которого определялся самый *задорный* – умелый и работящий. Первым делом делали *обкос* луга, а дальше работали внутри выделенной территории. Край поля обкашивали отдельно – условия косьбы там обычно бывали хуже. Косы подбирались под возраст, рост и опытность косца. Длину лезвия измеряли количеством мужских ладоней, последовательно помещающихся на лезвии: *пятирук, семирук, девятирук* и пр.

В вологодских говорах зафиксировано около двадцати лексем, обозначающих процесс косьбы. Их количество и разнообразие говорит, прежде всего, о важности и тонкости такого сложного процесса как косьба. Это глаголы *посеноко`сить* [СВГ, 8: 4], *прикоси`ть* [СВГ, 8: 52], *сеннова`ть* [СВГ, 9: 122], *потыка`ть* [СВГ, 8: 19], *тепти`* [СВГ, 11: 19], *тю`кать* [СВГ, 11: 84], *стю`кивать* [СВГ, 10: 150], *ся`кнуть* [СВГ, 10: 180], *степти`* [СВГ, 10: 128], *по`жничать* [СВГ, 7: 122], *наболта`ть*.[СВГ, 5: 21], *подвали`ть* [СВГ, 7: 88], *назатя`пывать* [СВГ, 5: 39], *наша`ркать* [СВГ, 5: 85], *пласта`ть* [СВГ, 7: 63], *повали`ть* [СВГ, 7: 76] и др. Большин-

ство из них, кроме косьбы, называет и другие физические действия, но есть и однозначные глаголы, именующие только срезание травы косой: *по`жничать* [СВГ, 7: 122], *сеннова`ть* [СВГ, 9: 122] и др.

Для диалектоносителя, безусловно, имеет большое значение начало процесса сенокошения, поскольку начало любого дела должно быть осмысленным. Для обозначения начала косьбы в вологодских говорах зафиксированы лексемы: *зака`шиваться* [СВГ, 2: 120], *назатя`пывать* [СВГ, 5: 39]. В «Словаре вологодских говоров» зафиксирован также глагол *назатя`пывать* [СВГ, 5: 39], который имеет значение 'начать косить траву', но употребляется в явно неодобрительном контексте: *Опять она везде назатя`пывала* [СВГ, 5: 39]. Здесь проявляется отрицательное отношение диалектоносителя к неумелому косцу. Это вполне оправданно: время сенокоса имеет весьма ограниченные сроки, поэтому особую ценность приобретает своевременно и качественно выполненная работа.

Не менее значимым для сознания диалектоносителя оказывается завершение процесса: *повали`ть, прикоси`ть, спазга`ть, степти`, спазгну`ть, ски`рить, сосшиба`ть, узвя`кать.*

Потом косцы разбивают «валок» перевернутой косой (при наличии времени), для того чтобы сено просыхало, а косцы тем временем возвращаются к началу покоса, и отдыхают.

Важным этапом в процессе косьбы является настройка инструмента: косу во время косьбы подтачивают. Для этого косу обтирают травой, а потом обтачивают бруском (илл. 1), при этом коса не тупится и легче срезает траву. В домашних условиях косу отбивают молотком на специальной наковальне.

Следующим этапом в процессе сенокошения является ворошение сена для просушки. Часов в 9 утра на пожню приходят девушки, женщины и дети, их задача заключалась в том, чтобы расшевелить валки, тем самым дать траве просохнуть. В это время косцы отдыхают. Сено должно лежать на поле как ковер. Так оно быстрее просыхает. Если погода хорошая, то к концу дня сгребают сено обратно в *валки*. Обычно *валки* делают два человека, один сгребает маленький валок, а более сильный и опытный человек сгребает объединяет маленькие *валки* в большой. Сено в *валке* легче и удобнее закатывать в копны. Для обозначения этого процесса в СВГ зафиксированы приставочные глаголы, в структуре которых объ-

ктивируется либо значение направления действия вокруг пространственного ориентира (*перевора`чивать, переворо`ти`ть пере-кули`кать* [7: 33]), либо интенсивность (*наворо`чать* [5: 29]) или, наоборот, ослабленность действия: *пошара`шить* [8: 28], *пошоло-ши`ть* [8: 31], *пошумо`рить* [8: 31] и др.

Работали специальными сенными граблями (илл. 2). Они изготавливались из дерева, а следовательно, были легкими и не сильно зацеплялись за траву и почву. Если у граблей ломались зубья, то их вытачивали прямо на пожне (часто во время отдыха). Чтобы грабли не рассыхались, во время отдыха их старались положить в воду.

Просохшую траву из валков укладывали в копны. Копны различались по способу укладки: *закатушки*, которые получались в результате закатывания валков горизонтально, или *накладушки*, в которые трава собиралась из валков большими охапками вертикально. На следующий день копны раскидывали снова, чтобы сено окончательно досохло. Выбор способа метания копны зависит от готовности травы. Копны-*накладушки* делать было сложнее и дольше, но в них сено хранилось дольше и меньше мокло в под дождём. После дождя копны *растряхивали* и снова сушили. Если его *перешевелили* некачественно, то образуются так называемые *залёжки* – слои некачественного, мокрого сена, которое впоследствии может испортить весь стог.

Затем, когда копны уже готовы и сено просохло, готовились к метанию стога. Стог, как правило, метали на самом возвышенном, сухом, обдуваемом ветрами месте. В Усть-Кубинском районе принято подкладывать под стог ветки – *подостожье* (илл. 3). Такой стог не намокнет в случае дождей, да и увозить его будет проще. Затем опытные метальщики стога делали *остожье*, т.е. начало стога. *Остожье* формируется по такому принципу: по краям ставят копны плотно друг к другу, а между ними ставят ещё копны, затем подносят копну и переворачивают в середину. Так формируют начало стога (илл. 4). Затем на стог залезает человек и тщательно уминает сено.

После того как остожье сформировано, а сено утрамбовано, крестьяне начинали подносить к *остожью* остальные копны. Для этого из двух жердей, обычно берёзовых, сооружались специальные носилки (илл. 5). Их подкладывали под копну так, чтобы передние концы жердей были несколько короче задних. Тогда иду-

щему сзади (это обычно были женщины и дети) будет удобно идти и лучше видно дорогу.

Затем начинали метать стог. Для этого на стог забирался опытный «*метальщик*», его задача состояла в том, чтобы ровно закладывать сено по всей поверхности стога и хорошо утаптывать, чтобы сено лежало плотно. Сено с земли подавал *подавальщик*. Он следил, чтобы оно распределялось равномерно, а стог укладывался прямо. *Подавальщиками* обычно были мужчины или наиболее крепкие физически женщины. Остальные участники метания стога в это время подгребали остатки сена в копны, шевелили сено, подносили остатки сена к стогу. Информанты говорят, что что у хорошего *метальщика* лучше копна сена останется, чем его не хватит, чтобы *свершить* стог. Иногда, если сено ещё влажное, то стог пересыпали солью: она обеспечивала сену большую сохранность и делала его более привлекательным на вкус для животных. Умение *вершить* стог проявлялось в том, чтобы верхушка получилась округлой и очень тугой, иначе вода будет попадать в стог, что приведет к гниению сена. Чтобы стог не раздувало ветром, поверх него накладывали ветки, связанные друг с другом по краям крестнакрест (илл. 6).

Во время сенокоса были необходимы перерывы в работе. Как правило, обедали прямо на пожне, собирали с собой корзину с провизией (в это время уже поспевали овощи из огорода, уже была свежая картошка, сытный суп, мясо), чайник кипятили на костре, в чай обязательно добавляли листик смородины или другой душистой травы.

На пожни добирались на лодках. Стога на пожнях стояли до самой зимы, перевозили стога к хлеву только зимой на тракторах (на *волокушах*) или на лошадях. На сани скидывали стог, потом сено убирали на сеновал, который чаще всего находился под крышей коровника.

Интересно понаблюдать за сменой деятельности в ходе сенокосных работ. Сенокос так удивительно устроен, так грамотно распределены обязанности, что тяжелый физический труд крестьянина не надрывный, не непосильный, а в некотором роде даже приятный. Жители Усть-Кубинского района хвалят качество травы на своей земле: весенний паводок заливал луга, трава росла сочная, питательная. Во многом благодаря заливным лугам Усть-Кубин-

ского и других районов Вологодской области, как считают наши собеседники, появилось вологодское масло, ставшее визитной карточкой Вологодской земли.

Особенности отношения севернорусских крестьян к сенокосу проявилось и в устойчивых изречениях, которые мы услышали от своих информантов. Сенокос следует начинать очень рано, по росе (*коси, коса, пока роса, роса долой – косец домой; роса косу точит*), готовить инструмент для косьбы заранее (*на остру косу много сенокосу*); в сенокосных работах участвует вся семья (*всякий, кто дорос, спеши на сенокос*) и от каждого зависит результат общего дела (*с плохими косцами плох и укос*). Много народных примет связано с определением погоды: *рассада пьёт поливку – сухой сенокос, а не вбирает – мокрый; много в поле кашки (Millefolium) – быть сеногною; коли дождь на Петров день, то сенокос будет мокрый.*

Трудовая ситуация сенокоса находит свое отражение не только в традиционных народных высказываниях, но и на страницах региональной периодической печати. В районной газете Усть-Кубинского района «Северная новь», существующей с 1931 года, регулярно печатаются материалы, посвященные проблемам сенокоса. В газете есть специальная рубрика «Сельское хозяйство». До весны она представлена довольно скупо, а примерно с марта в ней начинают появляться материалы, предвосхищающие ситуацию сенокоса: «Планы на будущее есть» («Северная Новь», 10 марта 2011 г.), «Купили косилку «Триплекс» («Северная Новь», 12 марта 2011 г.), «К полевым работам подготовились» («Северная Новь», 12 апреля 2011 г.) и др. В этих материалах говорится о материально-технической готовности района к заготовке кормов. Начиная с июня в газете появляются заметки, анализирующие ход сенокосных работ: «Впереди – сезон заготовки кормов» («Северная Новь», 4 июня 2011 г.), «Началась заготовка» («Северная Новь», 25 июня 2011 г.) и др. В основном в этих заметках приводятся статистические данные о процессе заготовки сена. Называются также имена лучших тружеников «О лучших работниках» («Северная Новь», 25 июня 2011 г.). Идея соревнования косцов находит свое продолжение, но уже в технологически новых условиях. В сентябре, когда полевые работы уже закончены, газета подводит их результаты «Уборка в этом году непростая» («Северная Новь», 8 сентября 2011г.).

Таким образом, трудовая ситуация сенокоса по-прежнему остается одной из определяющих в крестьянской жизни, по-прежнему находится в центре внимания народного сознания, находя свое выражение и в традиционных формах речевой культуры (устных рассказах, пословицах, поговорках и пр.), и в текстах региональных СМИ.

Мы записали рассказ о сенокосе в процессе беседы с жителем села Устье Юрием Комисаровым. Ниже приводится расшифровка аудиофайла этой записи. Она преимущественно сделана в орфографической записи с выделением некоторых фонетических особенностей местного произношения. Время звучания – 23:28 (15.07.2012г. в 16:29).

Вот / коси́ли всё коса́м / ра́ньше други́х друго́гу материа́лу-то не́ было // Так вот пе́рвое / когда начина́ют силосова́ть / дак обка́шивали все дере́вни / крапи́ву выка́шивали / всю траву́ /кото́рую скоти́на ху́до ест / и вот её закла́дывали / ры́ли тран ше́и ра́ньше-то / сейча́с-то бето́нные тран ше́и / а ра́ньше про́сто вы́роют тран ше́и ме́тра на три на четы́ре глубино́й и вот вози́ли эту зелёную ма́ссу / чем ра́ньше привезёшь / тем лу́чше / как скоси́ли вот / а ра́ньше бы́ли таки́е усло́вия / что но́чью коси́ли на силос / а днём на се́но / так коси́ли // вот э́ту зелёную ма́ссу вози́ли в тран ше́и / и ребя́тишки бе́гали трамбова́ли их / тут игра́ли // ну а сенако́с обы́чно начина́лся с пе́рвого ию́ля / сенако́с / а почему́ с пе́рвого / потому́ что на́до / что́бы тра́вы сбро́сили семена́ / чтобы оне́ трава́ и на сле́дующий год наросла́ // вот с пе́рвого ию́ля начина́ли коси́ть / и основно́й сенако́с бы́у ию́ль ме́сяц // коси́ли как / вот у́тром встаёшь / приме́рно в четы́ре утра́ / не по́зже / потому́ что ра́ньше спать не́когда бы́ло вот / и пойдём на сенако́с коси́ть вот / до восьми́ утра́ ко́сим до восьми́ утра́ вот / мужчи́ны ко́сятся до восьми́ / и иду́т за́втракать и отдыха́ют часа́ два / а же́нщины в во́семь утра иду́т шевели́ть се́но / это ра́ньше / сейча́с коси́лкой так всё расшевелёно бы́ло / а ра́ньше не расшевели́шь э́тот / вот расшевеля́т и с обе́да начина́ют сно́ва ещё грабля́м шевели́ть / и на друго́й день грабля́м сгреба́ют в валы́ вот / из э́тих вало́в набира́ют ко́пны вот / и ко́пны на носи́лках но́сят в одно́ ме́сто приме́рно по со́рок пя́тьдесят копён / обно́сят и начина́ют мета́ть сто́г

- а как именно?

Сто́г-от как мета́ют / ра́ньше де́лали стожаря́ места́ми / а у нас дак и стожаря́ не де́лали // ста́вят четы́ре копны́ / две так вот в ряд / а две сюда́ в ряд *(показывает)* / а между копён вот тут / в промежу́тки / ещё по копне́ зава́ливают / пото́м в середи́ну копну́ / пото́м челове́к встаёт там на это ме́сто / на стожа́р / и вокруг его обмётальщик хо́дит / и окла́дывает се́но

вот // стогóвшшык стои́т на стогу́ / на стогу́ он грабля́м подправля́ет охáпки / а мужчи́на другóй / подаёт на ви́лах это сухóе сéно / и вот когда остáнется копён шесть вóсемь / начинáют стог помалéньку убавля́ть вот / стог поубáвят / верши́нку сдéлают и / рáньше дак этот ви́ли пря́мо жгут из сéна / жгут из сéна / как говори́тся / из стóга вытáскивается травá немнóго / завивáется / намáтывают на грáбли / и оди́н человéк вытáскивает немнóго из стóга / а другóй кру́тит грабля́м / закру́тит / крéст-нáкрест её перекúнут и бы́стро и хорошó / в другóм мéсте ведь ви́ц-то нет / далёко от лéсу дак / вот э́тим жгутáм завя́жут и жгут уля́гется плóтно / и стогá не разнóсит / вот так косúли // а потóм уже это вот косáм косúли / а потóм пошлú трáкторные косúлки и всё другóе // а нóрма былá мужчúне скосúть шестьдеся́т сóток в день / а жéнщине сóрок / дак вот поприки́нь / шестьдеся́т сóток дак покóсишь / дак вот шестьдеся́т сóток скóсишь / заработáешь одúн трудодéнь / это называ́ется тру́дный день / отработáвший день //

ЛИТЕРАТУРА

1. Белов В.И. Лад: Очерки о народной эстетике. – М., 1982.

2. Громыко М.М. Мир русской деревни. – М., 1991.

3. Сказания русского народа, собранные Иваном Петровичем Сахаровым. – СПб., 1895 – Режим доступа: http://www.bibliotekar.ru/rusSaharov

СЛОВАРИ

Сельскохозяйственный энциклопедический словарь. М., 1989 (СЭС).

Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12. – Вологда, 1983–2007 (СВГ).

ТАРНОГСКИЙ РАЙОН

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ НАБЛЮДЕНИЙ НАД РЕАЛИЗАЦИЕЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КАТЕГОРИИ ВЕЖЛИВОСТИ В ВОЛОГОДСКОЙ ДЕРЕВЕНСКОЙ ГЛУБИНКЕ

Л.Ю. Зорина

Говоры Тарногского района Вологодской области с давних пор привлекали к себе внимание исследователей. Достаточно широко известны работы М.Б. Едемского, А.А. Угрюмова, А.В. Ламова и др. В 1956 году тарногские говоры обследовались лингвистами для Диалектологического атласа русского языка. Сетка обследования составляла 15 километров. Впоследствии многочисленные экспедиции Вологодского государственного педагогического университета (в сёла Илезкий Погост, Красное, в деревни Власьевская, Погоняевская, Раменье, Слуда, Тюприха, Шалимовская и мн. др.) были нацелены на сбор диалектного лексического материала для Словаря вологодских говоров [СВГ].

Диалектологическая экспедиция в Тарногский район в 2012 году проходила с 3 по 12 августа. В состав экспедиционной группы входили научный сотрудник отдела диалектологии ИРЯ РАН И.И. Исаев, профессор МГОПУ О.В. Никитин, студентка Вологодского педагогического университета С. Шильниковская и автор данного материала. Экспедиция ставила своей главной целью запись образцов живой народной речи начала XXI века. Включаясь в работу, каждый участник экспедиции преследовал и некоторые свои, частные цели. Так, Л.Ю. Зорина, обеспечивая пополнение материала для Словаря вологодских говоров, пыталась вместе с тем проследить, как в говорах Тарногского района функционирует весьма детализированная в других диалектах коммуникативная категория вежливости.

Общие итоги проведённого экспедиционной группой исследования весьма значительны. Работа велась в двух удалённых друг от друга сельских поселениях – в бывшем Озерецком (теперь относящемся к Тарногскому) и Верховском поселениях. Внутри каждого из поселений для наблюдений выбирались близко расположенные друг к другу (на расстоянии от 1 до 6 км.) деревни. Было оп-

рошено 17 информантов из 13 таких деревень. Бóльшая часть опрошенных собеседников – это старшие носители говоров, люди, родившиеся в 1921 и последующих годах. Видеозапись проведённых с информантами бесед составляет 13,5 часов, аудиозапись звучащей речи составила 36 часов. Такой объём произведённых в цифровом варианте записей уже сам по себе может быть признан достаточным для характеристики диалекта материалом.

Определённым результатом экспедиции стало общение с людьми, считающими себя староверами. В последнее десятилетие изучение особенностей речи староверов заметно активизировалось [Актуальные проблемы 2009; Русское старообрядчество 2008], однако информация о староверах на вологодской территории лингвистами пока ещё не рассматривалась [ср.: Паликова 2010].

Судя по нашим весьма поверхностным наблюдениям, старообрядчество в этой местности никак не связано со старым расколом времён патриарха Никона. Людей, считающих здесь себя староверами, лучше квалифицировать как беспоповцев. А уж насколько они ушли от той «старой» веры или насколько пришли в новейшее время к возрождающемуся в России христианству, судить пока сложно.

Староверкой себя считает жительница деревни Великая Верховского поселения Александра Федосеевна Попова, 1924 года рождения, коренная жительница изучаемой диалектологами местности. Проживает она в отцовском ещё доме в деревне Великая. Малограмотная, в школе училась только в течение двух лет. Всю свою жизнь А.Ф. Попова проработала в сельском хозяйстве: 27 лет была трактористом, комбайнёром. Обслуживаемый ею в прошлом трактор-колёсник установлен как символ уже ушедшей эпохи в качестве экспоната местного краеведческого музея в районном центре, в селе Тарнога.

В общении с приезжими людьми А.Ф. Попова проявила себя как любезный, тактичный, гостеприимный, отнюдь не настороженный, как можно было бы ожидать, человек. Она хранит в своём доме и постоянно читает старинные печатные книги, участвует в организации отправления культа местными жителями старшего возраста (организует молебны в религиозные праздники, проводит отпевание и поминовение умерших, до недавнего времени проводила и крещение новорождённых). Говоря о том, что она привер-

женец старой веры, А.Ф. Попова не предъявила своим собеседникам никаких строгих ограничений, лишь попросила, чтобы её не фотографировали.

В беседах с А.Ф. Поповой был записан целый ряд звуковых и видеофайлов. Это уникальные записи. Они содержат и информацию об уникальных предметах, явлениях, отношениях. Их содержание позволяет проводить наблюдения над особенностями тарногского верховского диалекта, представляющего даже по заключению тарножан совершенно отличный от других говоров феномен, а также над особенностями индивидуальной манеры диалектоносителя и над реализацией в порождённых им текстах коммуникативной категории вежливости [ср.: Ларина 2009, Прохоров 2006, Стернин 2003 и др.].

Ниже приводится выполненная нами расшифровка двух текстов, записанных доцентами Л.Ю. Зориной, И.И. Исаевым и студенткой ВГПУ С. Шильниковской. Общая продолжительность звучания первой записи – 1 час 7 минут 36 секунд, второй – 18 минут 13 секунд. Остающиеся в нашем распоряжении нерасшифрованные тексты будут, по-видимому, представлены позднее.

Производимая далее запись приближена к орфографической, однако местные особенности речи передаются последовательно. Буквой *l* передаётся средний, полумягкий звук [л]; буквой *ў* – звук [у] – неслоговой; буквой *γ* – фрикативный заднеязычный звонкий [г]. Ударение последовательно обозначается с учётом границ фонетического слова: *грéх ведь, у мня́, за́втра;* в односложных словах ударение не ставится: *грех.* Реплики наблюдателей отображаются курсивом. Недостающая для понимания смысла информация приводится в ломаных скобках. Некоторые купюры, произведённые в текстах, минимальны и, как представляется, совершенно незначительны. При названиях каждого отдельного сюжета в круглых скобках указывается примерное время, когда начинается беседа на затронутую тему.

I.

Первая запись речи информанта была произведена Л.Ю. Зориной и И.И. Исаевым в присутствии Калисты Савватеевны Поповой, которая и привела диалектологов в дом своей подруги Александры

Федосеевны Поповой. Беседу ведёт научный сотрудник ИРЯ РАН И.И. Исаев. Общая продолжительность звучания записи – 1 час 7 минут 36 секунд.

Об урожае лука (00.00)

– *Здравствуйте!*

– Здра́вствуйте! А што́ тут за го́сти таки́е пришли́? Проходи́тё, сади́тёсь.

– Я ведь всё ишшо́ в зимо́вке*, не могу́ перейти́ в перёд.

– А я́ перешла́. Перешла́, до лу́ку-ту.

– А го́сти-те прие́дут, дак спя́т-то в переду́*. Да Та́ня прие́хала на неди́льку.

– Ну, у тя́ мно́го гостей. У мня́ за́втра Ни́на прийи́дёт. Лук рвать на́дэ. Весь ци́сто кра́сной…

– А я́ не рву́ ишшо́.

– Ак <в>едь у меня́ кра́сный-то – и трава́ отгнила́, весь отста́у. На́дэ рвать. А то́т до́у́го ешшо́ пролёжи́т, бе́lой. Вот.

О приезжих (02.01)

– *Хотели поспрашивать вас, как раньше жили, как были. Вот про старое хотели поспрашивать.*

– Дак цево́ же? Переходи́ло-то сто целове́к, наве́рно, ко мне́! Дак всё – как жи́ли… Ста́ла уж забыва́ть всё.

– *А к вам часто приходят?*

– Да не́т. Сёво́году* ешшо́ не быва́ли, а по те́ года́ ешто́. По те́ года́ приходи́ли. Всё лета́ми прихо́дят.

– *Значит, вы тот самый человек, к которому приходить надо.*

– Мно́го, мно́го приходи́ли. Из Москвы́, из Ленингра́да. Э́то прие́дут на маши́не. Приходи́ли мно́го. Я горю́: «Дохо́дите!» Ни́нке, доцере́, <говорю>: «Забе́рут меня́, Ни́нка, наве́рно, ско́ро! То́лько иду́т!» А гре́х не пусти́ть-то в и́збу-ту! Грех воро́та-ти запере́ть ведь! Ведь э́то пья́ницы иду́т, дак на́до запира́ть от те́х.

– Цига́нов. А э́то лю́ди хоро́ши.

– А э́то лю́ди хо́дят, дак то́жё Бо́га зна́ют, наве́рно.

– А ведь Зо́я, э́тта, зна́ешь, Ру́сина, Зо́я-та Миха́йловна, – мне их <рекомендовала>, что пусти́ их пожи́ть.

– Цево́?

– Зо́я, Зо́я-то Миха́йловна…

– Ми́шки-то Го́рьково?

– Приезжа́ла ко мне́, так, пусти́ и́х, пожа́луста, пусти́ пожи́ть ненадо́ўго.

– Ково́?

– А вот и́х-то.

– *Так что мы постояльцы теперь.*

– А Наде́жда Ива́новна их привезла́, председа́тель-от, зна́ёшь, из Та́рноги-то привёз шо́фер.

– Э́то мне́ вас пусти́ть?

– *Нет, мы уже, уже устроились. Просто поговорить.*

– А где <устроились>?

– А в переду́.

– У тебя́? Ну…

– Ну дак шо? У меня́ там го́рница отведена́, им перёд отведён. А мы́ се́дни уж нацева́ли в э́той, в го́рнице.

– *А обычно вы в переду-то ночуете?*

– Мы спа́ли, дак я́ уж ва́м и отвела́. Там прохо́во*. А вот в спа́льну… А в зи́мной там все трои́ нацева́ли.

– *Ну ничего? Мы вас не сильно потеснили-то?*

– А ка́к у меня́ э́то тисни́ть? Э́ка доми́на, дак што́ тисни́ть-то?

– У меня́ ведь вон изба́-та – што́ ты! Дак заходи́ да живи́.

– Я росска́зывала, што из Москвы́-то йи́здит Никола́й-от, дак у Алексáндры про́сит: «До́м-от прода́й!»

– Ой, прие́хали ведь! Сёдне за семьёй пое́дёт, дак привезёт тёшшу, жёну́ и робёнка. Вчера́ уж два ра́за бы́ў. «Никола́й, не меша́й мне! Не меша́й!»

– На То́льке опе́ть е́хали?

– Опе́ть на То́льке. А Серёга-то не вела́л пуска́ть-то. А Ми́шина изба́-то ведь на уго́ре-то* стои́т. Ми́ше Ва́лька-то отказа́ў, а Ната́лька ево́ опя́ть пусти́ў. А ёму́ на́до сво́й дом. А все дома́ несамостоя́тельны, говорю́, ты обошёў. Тот на́до, тот на́до… Всё не берёт. – «А мне́ на́до тво́й дом». А ка́к э́то мой дом? Я жива́, дак никому́ я до́му не отда́м.

– *А чё, прямо при живой хозяйке просит?*

– Да-да, нас пусти́, дак мы в то́й избе́ бу́дём.

– Да наплёва́ть! Ведь споко́ю-то не бу́дёт.

– Да с чево́ я пушшу́-то? С чево́ я пушшу́-то?

– Он то́жё с Москвы́ йи́здит сюда́ ка́жной год.

– Ой, дак ты́, я́годка, то́лько меня́ не фотографи́руй!

– *Не буду.*

– Нет, он не ста́нёт, он не фотографи́руёт. Э́то цё говори́м, дак у нево в э́то запи́сывает. Нет, нет, не бо́йсё, што он ста́нёт фотографи́ровать.

– *А это что, у него своего дома нет? Он из Москвы ездит сюда?*

– А та́м у их кварти́ра есь.

– А о́н худо́жник. Он рису́ёт.

– А! Ну ведь не плохой человек, наверное?

– Прие́хаў опя́ть. Весно́й бы́ў да опя́ть прие́хаў. Дак вот я́ гоорю́: «Пока жива́, никуды́ я до́му ведь не прода́м». У меня́ ведь э́стоко та́мока – три па́рня, гоорю́. Кто, я зна́ю, как жи́ть-то бу́дут. Умру́ – как хо́цёт Ни́нка. А Ни́нка: «Продава́й! Цё хо́цёт де́лай!» Так. Так ему́ гле́нецце* ме́сто: магази́н ря́дом, огоро́д большо́й, всё насажено́.

– Да, у тебя́ всё с одново́ мо́сту. А э́ка краса́! В э́тих фате́рах всё как у меня́. Сте́ны-ти нице́м не оби́ты.

– Да, пре́жний у меня́ до́м-от, пре́жний.

– У меня́ ведь то́жё э́дак.

– У тебя́ то́жё э́дак?

– Э́дак, э́да́к. У меня́ ведь то́жё э́дак. Я – то́лько потолбки оби́ты да вы́крашены потоло́ки. А ту́т тбжё всё э́дак.

– Вот, дак вот та́к дак.

– Я, Олекса́ндра, не быва́ла сёду за я́годкам.

– Я ду́мала, всё хо́дишь за черни́цей.

– Не быва́ла. Голова болит, дак не сми́ю. А э́дакой жа́р-от, дак цё, ду́маю, сде́лаецце.

– Пойти́ мне панафи́ду простоёть – ма́ма имени́нница была́, а у тебя́ гостёй, говоря́т, мно́го, дак я́ и не пошла́ – дак в Нау́моську к Лиди́е ходи́ла.

– В Нау́моську?

– В Нау́моську.

– Дак то́лько там помина́ть, не стоёли.

– Ну дак помяну́ла? Ну дак сла́ва Бо́гу!

– Сходи́ла попрове́дала, попрошча́лася там с ей.

– Пора́ньше Лиди́и была́?

– Да не́т, та́-то приходи́ла в магази́н да заходи́ла.

– Та́-то хо́дит Ли́дька в магази́н-от? Бора́носька-то?

– Ре́дко хо́дит.

– У неё ведь Валентина всё но́сит ей. Ты́сяцю подала́, ак на ты́сяцю всео́ набери́ в магази́не дак. Ведь О́льга ходи́ла. О́лька та, говоря́т, ведь в отпуску́ была́.

– А у тебя́ кто да кто, Ка́ля, бы́л-то?

– У меня́ сперва́ прие́хали с Во́логды, э́та Ю́ля-то Вита́шкина да с му́жём да с робёнком. Нацева́ли те то́лько две нбци. А пото́м прие́хал Оле́г. То́жё сам тре́тёй, дак нацева́ли те́ три но́ци. А топе́рь Та́ня прие́хала.

– У меня́ тбжё из Архáнгельска – э́то бу́дёт... Цево́ бу́дёт? Оне́ из Доро́ихи бы́ли. Так то́жё вот звоня́т: на́до вот прие́хать. А э́тот оди́н-от старове́р. Так на́до ёму́ моли́цце, по ста́рой ве́ре. А о́н нездоро́вой, волбсьём

обви́сицце, как поп. Э́кой худо́й бра́тик. А о́н-то больши́м наця́льником э́тот в Архáнгельске-то. Звóнит по телефóну всё. Мóлится тóже сáм Бóгу. И тóт вéльский.

Рассказ о себе (08.03)

– Ты, Олексáндра, им скажи́ про своё дéтство да, знаешь, как прóжила…

– *Спросим, спросим. Тётя Александра, а полностью-то вас как зовут?*

– Цевó? Олексáндра Федосéевна Попóва. А выходи́ла взáмуж, да тóлько фами́ль смени́ла. Тáк-то Погóжева былá. Прожилá всё под цюжóй фами́льёй.

– *А года рождения какого?*

– А два́дцеть цетвёртово. Вóт скóлько…

– *На шесть лет постарше.*

– Э́то скóлько годóў бу́дёт? <…>

– А вóсемьдесят девя́той пошёл. С пéрвово апрéля. Вóт как живу́-то.

– *И в школе учились?*

– В шкóле уци́lасе два кlácса. Семья́-то больша́я, на́до рóбить бы́lo. Дак э… Вот та́к. Так и прожилá.

О родителях (08.45)

– *А про родителей своих расскажите.*

– Про роди́телей? А цевó про ни́х сказа́ть?

– *Что помните про них, какие?*

– Ну дак цё про и́х пóмнить? Цё про и́х пóмнить? Уж у меня́… Не зна́ю, цё и сказа́ть. Цевó роди́тели <в>идь? Федоси́й да Анфи́я бы́ли у меня́ роди́тели, ма́ма да па́па. Всё.

– *Они крепкие староверы-то были?*

– Каки́е они́? Ма́ма старове́рка былá два́дцеть годóў. Тя́тя быў всё председа́телем. Нацяли́сь колхóзы-ти. Да тя́тя всё председа́телем быу, парте́йный, Бóгу не моли́усе.

– *Ну он из здешних был, местный?*

– Здéшной, здéшной, в э́том дóме был, евóнной и дóм. Оне́ тут и строи́ли с дéдушком Хлеóном. Евóнной дом. Он Бóгу не моли́усе, ма́ма моли́ласе.

– *А он что, с детства не молился?*

– Не моли́уся с дéтства. А цё? Ма́ленькой быў, молодóй жёни́усё. А ту́т и колхóзы нацали́сь, дак всё руководи́ў, председа́телем быў да животновóдом. Потóм от нáс уéхаў. Девятеры́х… Девя́тый в брю́хе у ма́мы был

– с другóй загуля́ў да уéхаў от нáс в Вéльско да тáм и ýмер. Мы одне́ и жи́ли.

– Самý семýю остáвил мáть-то.

– Со снохóй загуля́ў, от мáминово брáта отби́ў – Клавди́ю-то ведь. Отби́ў да, загуля́ў да, уéхали в Вельск, а нас остáвили так. Вот брáт был сшто́ оди́н, а пéть дéвок бы́ло нас. Оди́н и брат бы́ў. Евó в áрмию взéли второ́во мáя, в ию́не войнá нацялáсь – евó уби́ли. Остáлась сáмая стрáшшая я. Вот, все малыши́. А у мáмы ешшó остáлась – тя́тя-то уéхаў – Ли́дька-то в брю́хе остáлася.

– Лиди́я-то уж без ёвó роди́лася.

– Он потóм-то приезжáў в гóсти. Да как бы приéхал, а я́ уж вовсю́ робóтала. Я всё ви́дела, как он жи́л, издевáўся, мáму биў, всё э́то. Хýдо жи́ли. Недóброй был до нáс до всéх. Так…

– А чего ж недобрый-то до вас до всех был?

– Ну, да с другóй загуля́ў, да тáм, ви́дно, поколдовáла или што. От нáс как отворотúла всех. До нáс недóброй бы́ў дак. Приезжáў в гóсти в Трóицю. Вот. Мáме-то ведь и жáўко: доўго, мнóго годóў жи́ли-то. А я́ гу: «Поезжáй, поезжáй! Не нáдо бóльше тебя́ – нас остáвил дак, уéхаў дак». А уж Ли́дька в зы́бке кацялáсь, роди́лась без евó дáк. Так и прóжили хýдо без ёвó. Там и ýмёр в Вéльске. Не йи́здили… Ну, да Вáня-то йи́здиў – ешшó нé взели в áрмию, в больни́це-то был дак. А хорони́ть не хорони́ли. Там и сдóх. Бог с ним! Хýдо я́ уж ёвó и помина́ю бóльно. Нехоро́ший бы́ў, гуля́ў да.

О староверах (12.30)

– А маму-то здесь, когда она работала, не притесняли за веру?

– Нé-ет, нé-ет. Ведь тихóнько… Ведь э́то уж кóнцилась войнá-то, дак бы́ло нестрóго, нестрóго. Тогдá-то ведь мáло – óй бы́ло, там ведь прицисня́ли, дак óкна завéшивали старýхи-те. Моли́це нáдо дак – обороня́ Бог! – заберýт тýт. Ведь мнóго староверов зáбрали и убúли тáмока.

– Как это было?

– А э́то бы́ло в войнý бóльно стрóго-то. Старовéров-то не дáли моли́це-то да. Ходúли всё по деревня́м дак. Ну вот…

– А кто ходил? Свои?

– Да с цевó свои́? Цюжи́-иё. Свои́ докáзвали. Сообшшáт в райóн, там прийéдут и заберýт. В Си́вкове-то, у Га… у Микóлы-то, парнёк-от заболéл, даже ýмёр, – в шкóлу ходúу. Ак отпевáли на Пéршине-то старýхи-ти, ак óкна завúсили. А Вáська-то Итéнин да Лукéнья-то ходúли да доказáли. Ак их цýть не зáбрали – поштó тут робёнка отпевáли? Ой как бы́ло стрóго! Вот тогдá э́дак и бы́ло.

А ма́ма-то была́ не старове́рка, ак она́ во своём уголке́ моли́лась, только што старове́рка, примири́лась ста́ру ве́ру. А моли́лась, моли́лась всё до́ма, никуды́ она́ не ходи́ла. Она́ негра́мотна.

– А откуда она была по рождению?

– А ма́ма из э́той дере́вни, в кото́рой сейча́с я́, из Подку́ста.

– Она́ из э́той дере́вни была́, где Кали́ста. Вот сейца́с дом двоета́жной та́мока жёлтой стои́т, из тово́ до́ма. Са́мой-от большо́й, двоета́жный дом, дак ма́ма из тово́ до́му.

– Я уж ва́м укажу́.

– А мы были вчера, уже видели.

– Па́рень-от не́м-от больш**о**́й стои́т. Они́ ска́зывали, што стои́т три мужика́: Ми́ша да Са́шка. Вот ма́ма-та из тово́ и до́му-то.

– А отец откуда был? Отсюда?

– Оте́ц зде́шной.

– А оте́ць зде́шной. Отьца́ дом.

– А сколько ж ему лет уже?

– До́му-то? Ай, да я ве́сь переде́лала! До́м-от до́лгой <был>, как вот у Кали́сты. Серёдки бы́ли, всё. А едь война́-то была́, всё ху́до, негде́ тёсу-то не взе́ть, всё съе́хало, всё обру́шилосе. Ва́ню взе́ли в а́рмию. Ак я ста́ла ро́бить-то на тра́кторе, два́дцеть сем годо́в ро́била на тра́кторе. Зарабо́тывала-то мно́го – и ста́ла дом стро́ить. Снаця́ла перёд, весь. До ла́вок сы́пали зёрно́-то, ак огнилб су́тний у́гол* дак. На пилора́ме-то ро́била, зарабо́тывала де́ньги. Всё мужики́ приходи́ли ро́бить*, всё мне ле́су привезу́т. Ак розвали́ла э́тот перёд, весь переста́вили, подруби́ли в э́том-то. Зимо́вка опе́ть – ху́же и тово́! Опе́ть дава́й зимо́вку стро́ить. Всё я стро́ила.

– Так вы трактористкой были?

– Да ка́к? Два́дцеть сем годо́в ро́била на комба́йне. «Ю́жные»-ти комба́йны. Наве́рно, пока́зывают когда́. Больши́е-ти. «Ю́жный» называ́ющце. «Се́верный» и «Ю́жный» бы́ли. А пото́м пошли́ самохо́дики-те. Я́ уж на то́т не пошла́ уци́ще.

– А, вы трактором таскали комбайн?

– Я не таска́ла, я комбанёром была́. Меня́ таска́ли два коле́сника. Я комбанёром. А та́к-то я весно́й и о́сенью на тра́кторе ро́била, паха́ла, си́яли всё на коле́снике. А как убо́рка – на комба́йн иду́.

– А на самоходном комбайне не работали?

– Нет, я не ро́била, не ро́била. На то уж уци́ще не ста́ла. Не ста́ла уци́ще. А уж го́ды больши́е дак. Тру́дно ведь на тбт-от уци́ще-то. А цё жё я с двумя́ кла́ссами? Хоть тра́ктор-от вы́уцила да э́тот-от комба́йн вы́уцила.

– А я вас про маму опять спрошу. Вы говорите а мама-то на староверку-то обратилась, да? А где же она там жила?

– Да-а…

– А где же она там жила? У вас же тоже староверы?

– Не́т у на́с старове́ров тепе́ре, все при́мерли.

– Дак у́мерли. Нет тепе́рь старове́ров. С Игна́товской, с Подку́ста. Де́душко там не старове́р был, ба́бушка старове́рка Митродо́ра была́. Ма́ма здись, зна́ешь, уж остаре́ла да и пошла́ в ве́ру. Вы́водила всех робя́т. Де́вки у меня́ все сёстры розъе́хались по города́м, вы́росли. Ма́ло все поуци́лисе.

– А расскажите, а в чём разница между старой верой и теперешней.

– Да ка́к же? Ста́ра ве́ра на́ша, а э́та тепе́рь мирьска́я ве́ра. А э́то мирьска́я ве́ра.

– Это никонианская? Новая?

– Христиа́нская настоя́шшая ве́ра, са́мая хоро́..., стро́гая ве́ра.

– Но креститься по старой вере можно только правильно?

– Пра́вильно на́до. Штэ́петью нельзя́. Штэ́петью нельзя́. На́до кресте́йце пра́вильно.

– И вы складываете «отец, сын и дух святой» здесь? А книги разные у вас с новыми?

– Кни́ги старови́рьские. Я по э́тим кни́гам не уме́ю цита́ть.

– Э́та са́мая у меня́ хоро́шая, кре́пкая. Все изорвали́се, все ци́сто изорвали́сь кни́ги-те. Все ... Кака́я стару́ха-то... Все стару́хи-ти обради́ли, што я́ ушла́ в ве́ру-ту. А помина́ть-то не́кому. Мне та́ отка́жет, друга́я отка́жет. Дак во́т уж как сейця́с изорвали́сь. Всё сейця́с по э́тим кни́гам молю́сь. Всё по кни́гам, пока хорошо́ ви́жу пока, дак сла́ва Тебе́, Го́споди! Дак всё. У меня́ и Кали́ста добро́... Она́ уж не старове́рка, она́ уж хорошо́ ведёт...

– Я с ей молю́сь, с Алекса́ндрой.

(17.14) – У меня́ тепе́рь нет никово́, все у́мерли, ци́сто все у́мерли. Ишто́ в Нау́моськой есь Лиди́я, с мужико́м живёт.

Она́ не старове́рка.

Не старове́рка. Да телеви́зор и смо́трит, да всё да. Я посмотрю́ да...

Посмотри́, посмотри́, каки́е... Пецять кака́я... Э́то называ́ецце цясо́вник, а э́то <п>салты́рь. Это <п>салты́рь, а э́то цясо́вник.

Да, это печатная книга, да.

Ты не уме́ёшь?

Умею.

Ва́с ведь по всему́ уци́ли.

В детстве учился. А тут хозяева записаны старые?

Луа́, цья е́сь-то дак. Цья е́сь-то дак, напи́шут. Аньфи́си-ти бы́вшей, поко́йнки.

Ак мне́ и натаска́ли кни́г-то. А я́ и ра́да, я́ вот тепе́рь и сижу́ за кни́жками, цита́ю всё, цита́ю.

Людмила, вы-то не цитаете в старых-то книгах? Тоже цитаете?

– *Ага, немножко читаю.*

– Ой-ё-ёй… Дак вы мóлитесь Бóгу?

– *Но: я новый. У нас когда где я родился, староверов не было вообще. У нас всех повыгнали.*

– Дак э́к и у на́с-то. Што приби́ли старове́ров! Убью́т в доро́ге! И Гри́шу-то-и́нока уби́ли до То́тьмы. Незамо́г. И́нок был гла́вной, и́нок! У ёй моле́нна была́ – я́ ведь быва́-ала. Пото́м уци́лись мы в э́той моле́нне. Ак у́мёр, незамо́г* идти́, так ёво́ два́-ти милицоне́ры ухря́стали* да бро́сили тут в лесу́ да и оста́вили.

– *А когда это было? Давно?*

– Да во́т когда война́-то нацяла́сь да стро́го-то бы́ло, тогда́. В пе́рвую о́чередь и ста́ли забира́ть всех старове́ров. Меня́ бы сейца́с пе́рву за́брали!

– *А как они объясняли-то? За что забирают?*

– Бо́гу мо́лиссе.

(19.36) – Ви́дишь, ведь ра́нше – Сове́тской Сою́з был – дак не было ти… Ико́ны даже забира́ли.

– Ико́н не́ было, ведь не вы́ставишь ико́ны.

– *И вы когда молиться – складень выставите, а как помолились, убираете, да?*

– А сейця́с-то идь и не запрешшено́. Се́йця́с моли́сь.

– *Раньше-то, получается, как: хочешь помолиться – иконы достаёшь. Помолился – убираешь?*

– Да, да. Дак э́ти и́збы-ти бы́ли, дак и во всё, ико́нка-то и была́ у ма́мы. Ну, дак ма́ма-то ишшо́, тогда́ ишшо́, когды́ забира́ли, не старове́ркой была́. Когда как окуцену́лось всё-то, тогда́ успоко́илось дак. Вот э́тот был Ста́лин-от, вра́г-от, сдох.

– *Староверов здесь вокруг в деревнях-то много было? Раньше, раньше?*

– Старове́ров-то? Ну да ка́к же не мно́го? Э́то вот по Си́вкове, по Си́вкове до Пе́ршина вдругоня́к (?) – э́то всё старове́ры бы́ли. На Цибу́нихе была́ в той дере́вне моле́нна, в до́ме моли́лисе вот, втихаря́-то. Да вот Гри́ша-и́нок – была́ у нёво́ моле́нна. А це́рква… У на́с-то цясо́вня в Подку́сте тутока́ – то́жё моли́лись, собира́лисе. <…>

– *А там внизу дом старый разрушенный стоит.*

– Стои́т ишто́?

– *Ну, он уж так стоит, засыпает, набок валится.*

– Никто́ не живёт.

– *А попов-то никогда не было? Всегда сами служили?*

– Це́ркви наруша́ли. Э́столько це́рквов-то бы́ло…

– Це́ркви бы́ли?

– Где сейця́с це́нтр-от, магази́н-от, сельсове́т-от…

– А це́рква была́.

– Всё наруша́ли, всё ци́сто наруша́ли. Все це́ркви, все моле́нны.

– И батюшки староверческие были?

– Ба́тюшки?

– Или батюшки-то новые были? Священники-то в церквах?

– Нет, не старове́ры. Мирьско́ё всё бы́ло.

– Староверы сами по себе, вы сами по себе?

– Старове́ры моли́лись по свои́м угла́м. Не ходи́ли в це́рковь. Им нельзя́ бы́ло ходи́ть в це́рьковь. Вот... На кла́дбишше было́ у на́с избу́шка. Вот пойду́т старове́ры туды́ моли́ще. Все стару́шки пойду́т с корзи́нками – цё наберу́т. Там отмо́ляще и по моги́лкам попройду́т. Нет, бы́ли старове́ры. Как наця́лся э́тот век, пошло́ старове́рство сра́зу, сра́зу старове́рство пошло́. Только не все́ бы́ли старове́рами, но мно́го бы́ло старове́ров. У на́с – сцита́йте – в Си́вкове уж от Си́вковы – к тому́ Зари́цью от Пе́ршина до у на́с до Нау́моськой всё старове́ры бы́ли.

– А Красное? Не староверы уже были?

– Где? В Кра́сном? Не, не... В Забо́рье-то? Кра́сноё-то? Нет. В Верхо́вьи, в Верхо́вьи, у на́с старове́ры всё бы́ли. У на́с всё в Верхо́вьи всё старове́ры бы́ли.

– А как крестили? Священников-то нет. Без священников как крестили?

– Как крести́ли-то дак?

– Дете́й-то ка́к крести́ли? Олекса́ндра-то крешша́ла ма́леньких-то.

– Двадцати́ двух робёнков крешша́ла. Да и ста́рых-то в ста́рую-ту ве́ру на́до. Мирьска́я я была́ – привезли́ попа́, он меня́ окрешша́л. А пото́м в ста́рую-то ве́ру на́до идти́-то, на́до крести́ще.

Перекрещиваться.

– Ну <в>едь бы́ли э́ти отьци́-те духо́вные-те.

– Над старове́рами-то бы́ли у на́с ба́бы, стару́хи были. Ну ак меня́ и окрести́ли на реке́.

А они благословили вас потом крестить-то?

– А пото́м не ста́ло-то никово́, а я́ уж ходи́ла с имя́, моли́лась, моли́лась, уци́лась, уци́лась всё – я́ и науци́лась. Я сра́зу науци́лась цита́ть. Книгу меня́ ма́ма сра́зу благослови́ла. «Вот, – говори́т, – де́вка, – моло́денька оста́лась, без мужика́. Друго́й раз не выходи́. Пе́рва поля́нка не скра́сила, други́ё не́цево ждать. В пе́рвом <замужестве> це́сте не́ было, так и в друго́м <не будет>. Подыма́й де́вку и живи́». Вот. Пото́м ста́ла оставле́ть Бо́гу моли́ще. «А уйди́, – говори́т, – в ста́ру ве́ру, науци́сь цита́ть, бу́дёшь, – говорит, – и спасёшь свою́ ду́шу». Вот мне всё ста́ла наговаривать, наговаривать: «Вот вы́полни моё благослове́ние: уйди́ в ста́рую ве́ру и моли́сь. Науци́сь в пе́рву о́чередь цита́ть – и ты попадёшь в царьсво небе́сноё», – говорит. Вот та́к. Я и всё ма́мы послу́шала. Все вечера́ всё с ей сиде́ла, она́ мне всё ска́зывает: та́к-то, та́к-то на́дэ. «Проживешь до́уго, мно́го годо́ў, – говорит, – ста́нешь Бо́гу ве́ровать дак». А у

нáс стóлько в родý нестóлько нехтó не жúл, скóлько я́ вот живý. Всё живý и живý, ешшó цúсто ешшó всё самá и дéлаю. В огорóде всё цúсто – посадúли вот, скопáли приéхали Нúнка-то с робя́тами да скопáли да, бóрозды сдéлали, гря́ды да – цё хóшь дéлай. Нáдо всё цúсто вот сдéлать в садý-то.

– Всё своими руками?

– Всё самá, всё своúми рукáми. Постирáю самá, помóюсе в бáне. Сосéди топéрь, слава Богу, хорóшие, дак бóльно, Кáля, добрó. Ой, какáя бáба-та хорóшая!

– Мóют-то тебя́.

– Ой, штó ты! Онá меня́ прúдёт и вы́моёт. Тóлько пéрва раз ходúла, дак умерлá в бáне-то. Нельзя́ дак, после úх хожý. Ак онá прúдёт, вы́моёт, у мня́ остáвит: «Остáвь рубáшку – вы́стираю». Такáя хорóшая, и загля́дывают меня́ всё. Нóне опя́ть хватúло дак, и лёжáла опя́ть дóлго <...>.

Снова об урожае лука (25.40)

– Вот, Олёксáндра, лýк-от ешшó рáно рвáть-то? Пускáй он ошшó поростёт.

– Штó ты! Нет-нет! У меня́ Нúна сéдни, мóжёт, зáвтра прийúдёт. Крáсный лук нáдо вы́рвать. У меня́ травúнки нет! Он вéсь наверхý, сóхнёт. Штó ты! Я́ ведь э́тово ешшó трú гря..., шесь гря́д дак. Я э́тово-то, пéрвово, не бýду рвать: зелёная трава́, а э́тот бýду. А́ Нúнка грúт...

– Я́ так ещё крáсново-то не рвý.

– Ак у тебя́ вéдь, мóот, не э́кой, как у меня́. Посмотрú, э́кой у меня́ какóй éсь-то. Нáдэ рвать. Ведь как воро́ны стáнут лук выдéргвать, тогдá нáдо рвáть уж. ... А в Тарнóге-то... Нет, а у меня́ дéргают. Крáсной дéргают.

– Вéрно, гряздкá* ешшó не вы́рвали. Мы рáньше вот с Зóей...

– У тебя́ огурцéй-то ведь нéт?

– Нашто́ жё? Нúнка привезёт. Э́во Нúна... Никáк не нáдэ.

<Звонит телефон> <...>

– Подú в ту úзбу-то сходú да в тóй избé поговорú.

– Ну а кáк там Надéжде Ивáновне-то позвонúть? Шобы онá предупредúла Ирúну-ту, шобы онá вас проводúла-то?

– Да пока ладно. Вот мы довольны, что вы нас сюда привели. У нас работы тут много. Так что мы бы здесь поговорили <...>.

– Ну, онá вас свóдит потóм в тé-ти дерéвни, тамокá – к Ефáльке, да к Лúдьке-то, да в Наýмоську-то к Лидúе-то. А онá, Надéжда-то, сказáла, свóдит, эта, знáешь, Ирúна-то Николáевна их. Онú тóже, знáешь, учителя́.

– А цья́ Ирúна-то Николáевна?

– Да нéт ей дóма, замóк повéшен. Да шшó ты? Ирúнка? Учúтельница-та?

– Ири́нка-та?

– Ну, Воло́дькина-та. Не зна́ю, где она́. А в шко́лу-то не хо́дит сейця́с она́? Не уе́хала ли в Во́логду? Вида́ла всё в магази́не.

– А замо́к пове́шен.

– Ну, дак не зна́ю.

– Дак вы скажи́те, где Ирина Николаевна, она́ их пово́дит.

– Поди́, уж не уе́хала ли, мо́жет, в Во́логду. Ведь топе́рь не у́чит дак.

– Не зна́ю, тепе́ре уж на́до начина́ть. Ро́бят в шко́ле-ту?

– *Ро́бят.*

– Ну, дак она́, наве́рно, уе́хала в шко́лу на авто́бусе дак.

– Может, и до… А я всё в магази́не вида́ла. Ну я не быва́ла нади́лю в магази́не, а та́к-то вида́ла её: она́ цё-то перепи́сывала ходи́ла, дак недавно́ у меня́ была́: в како́й-то кни́ге на́до бы́ло писа́ть из сельсове́та.

О проблемах с давлением (29.04)

– Вот упа́ло давле́ние, Ка́ля, но́неци.

– Давле́ние у меня́ у самыё.

– Упа́ло давле́ние, дак коне́ць, ду́маю, как и хо́шь. Дак у меня́ упа́ло давле́ние, не было давления нисколько. Так я лежа́ла, валя́ласе всё…

– Всё вре́ме́ в в роботе. Дак перео́била да переутоми́ласе – вот и давле́ние упа́ло.

– Да поросстро́илась да. Росстра́иваще-то нельзя́.

– Я не зна́ю, сево́д ко́тика-то не привезли́ неоткуда́?

– Нет.

– А я оставила, дак скажи́ ему́. Не зна́ю, ко́тик, не зна́ю, ко́шецька.

– Дак я ему́ россказывала: Ты Савва́тьевне-то скажи́, штобы она́ оста́вила. Ак, говорит, мне́ Ва́ня из Та́рноги привезёт, сули́л дак.

– А я оста́вила ему́ кота́.

– Ну дак, ла́дно, я скажу́ ему́ да́к, унесёт.

<…>.

Про общение староверов (35.00)

– *Александра Федосеевна! Если старовер на улице встречался со старовером, как он с ним здоровался?*

– Как здоро́вался старове́р-от с мирьски́м-то? Ак не зна́ю. Ведь как и сдь?

А друг с другом староверы как здоровались?

Здоро́во, раба́ Бо́жья! – всех называ́ли.

– Здоро́во живите́!

– Как одну́, дак – Здоро́во, раба́ Бо́жья! И поба́ют-то так. Мы́-то тепе́ре с Кали́стой – она́ мирьська́я, я старове́рка. Мы с Ка́лей живём. Сцита́ешь, уж как то́жё старове́рка, добро́ мно́го зна́ёт всево́.

– *Но не перекре́щенная?*

– Она́ не кре́щеная. Она́ мирьська́я.

– *Но по настроению она староверка?*

– Мирьська́я я, не старове́рка.

– Мирьська́я она́, она́ не кре́щеная. Она́ хоть мо́лится э́дак, мо́лицце, ну, мо́лицце только со мно́й. Она́ тоже не крести́ще. Я молю́сь, дак я закрешшу́сь, дак она́ – и стои́м панафи́ды-то, роди́телей помина́ем, так стои́м всё – дак она́ не кре́стицце, она́ кла́няецце так, ру́ки не кладёт на пле́ци. Вот она́ привы́кла уж.

– *Так чего же? Окрестили бы.*

– Так с цео? Што́ ты, тепе́рь она́ не ста́нет, тепе́рь здоро́вьё худо́ё. А был мужи́к молодо́й, хоро́шей. Бу́дет ли в ста́рую ве́ру – што́ ты! – она́. Она́ ведь моло́денька против меня́.

– *Ну, молоденька! Четыре года разницы.*

– Цетыре?

– Ну, если тридца́тый…

– Шесь годо́ў.

– Ну дак она́ до́ўго с мужико́м прожила́, я всю жи́зь без мужика́ прожила́.

– В ста́рую ве́ру и ушла́ пяти́десяти годо́в.

О семейной жизни (36.30)

– *А расскажите про своего мужа, про деточек.*

– Про ково́?

– *Про свою семью, про мужа, про детей.*

– Она́ с му́жем-то ведь ма́ло пожила́.

– Я с му́жём-то … Подружи́лись смо́лоду с па́рнем-то да, о́н ушёў в а́рмию да. Перепи́сывались, перепи́сывались – прие́хаў: на́до жёни́ццё. Мать худа́я была́ да́к. Жёни́ццё, жёни́ццe! Ну, сва́дьбу сде́лали, записа́лись всё, жёни́лись – уе́хаў. Стаў туды́ звать. А тут То́льки Мака́рышкова бра́т был, служи́л. А тот написа́л письмо́ Нато́ле: «Скажи́ Федосе́евне, штобы она́ за́муж за его́ сюды́ не е́хала: у ево́ у де́вки па́рень роди́ўсё». Па́рень роди́усё, да ненорма́льной. Ак и топе́ре бро́дит. А о́н уж издо́х, мой мужи́к, давно́. Во́т как на́до-то…

– *А своих-то детей?*

– У е́й до́ць одна́, до́ць.

– У меня́ одна́ до́ць. И оста́лась одна́ до́ць.

– *Всё-таки успели родить дочку-то?*

– Да, роди́ла до́цьку-то дак вот, она́.

– У до́цери три сы́на, дак, три э́ти, зна́ешь, вну́ка.

– В Та́рноге живу́т. Я́ там не живу́. Здись до́ма мне лу́чше одно́й моли́ще. Меша́ют та́мока. Зе́ть-от не обажа́ет*, как я молю́сь-то дак, яри́це*, що не на́до моли́ще дак. Я не о́чень-то… Тако́й – выпива́ет, не о́чень-то хоро́шой, дак де́лать не́цео.

– Сколько ж времени вы на молитве-то стоите? Почему он ярится? Это ж не очень долго.

– Дак не на́до моли́ще! Сюды́ прие́дут, дак я́ всё говорю́: «Не ку́рь! В избе́ не ку́рь!» Дак не ку́рит. Пья́ной зайдёт – дак: «Уходи́ на у́лицю!» – Бо́льше непья́ной и сиди́т. Вот.

– Ну, тогда понятно, почему ярится. Если вы его из дому выгоняете. Ну, так вам понятно: вам нельзя, чтобы он курил. Тут уж ничего не сделаешь.

О работе на тракторе (38.40)

– А расскажите, когда работать-то начали? Сколько лет вам было?

– Восемьна́дцети годо́в ушла́. Сенокоси́ла всё, а война́-то нацяла́сь, ходи́ли ле́том-то все, мужико́в-то гони́ли – трактора́-те стоя́т. На войну́ угони́ли мужико́в-то, война́ нацяла́сь. Вот де́вок забира́ют. Все пря́тающе. Вон Теку́ска Е́лькина то́жё пря́таласе. Лю́дно, все в лес убежа́т. А вот я́ всё боронила́, дак всё люби́ла ду́х э́тот от тра́ктора – па́шут-то всё трактора́. «Ма́ма, я дак, – говорю́, – пойду́ на трактор!» Вот. Ну, ма́ма сказа́ла председа́телю: «Возьми́те у меня́ де́вку-ту. Хоть зароба́тывать ста́нёт». А Его́р Андрия́новиць был поко́йной – ца́рство небе́сноё! – вот, туды́ заяви́л. Я туды́ прие́хала, а мне годо́у не хвата́ет, нельзя́ меня́: молода́. Ак приба́вили мне́-ка. Его́р-от сказа́л: «Дак, – говори́т, – приба́вьте, не́кому у на́с бо́льше». Меня́ и взе́ли. Вот я вы́уциласе. Шесь ми́сяцев учи́лись в Забо́рье тогда́.

– Дух трактора нравился?

– Ага́, мне гляну́лсе дух тра́ктора. По́ ветру – дак о́й како́й ску́снэй душо́к! Ак я́ говорю́: «Я люблю́ ведь тра́ктор-от. Ма́ма, я дава́й пойду́». – «А пойди́, – гэт, – де́вка, хоть ста́нёшь зароба́тывать. Ка́к мы с э́кой семьёй-то топе́рь ста́нем-то?» Я и ушла́. Да и ста́ла ро́бить, вы́уцила тра́ктор оди́н.

– Ну тяжело работать-то было?

– Ну дак э́ти, коле́сники, тяжёлые они́ бы́ли. Цясте́й не́ было, цё-то сломаецце, сварят, дак наси́лу руля́шь. Бы́ло тяжёло́ на э́тих тракторах ро́бить, не та́к, как на «Белору́зах». Я всё на э́том и проро́била. А на комба́йне – на то́м ле́кце. Ак проро́била ле́то на комба́йне, на тра́кторе хорошо́ – о́сенью на комбайнёра отпра́вили в Жа́ровскую туды́. То́жё цетыре ми́ся-

ца уци́лась – вы́уцилась. Вот и ста́ла: вёсну па́шешь, пото́м в убо́рку убира́ешь ско́ко по райо́ну-то.

– А трактора-колёсники это с зубастыми железными колёсами были?

– Да, да, с зуба́ткам, со вся́ким со шпо́рами. Вон в Та́рноге-то э́то мой после́дной. Я на пилора́ме уж была́: тра́ктор оди́н, все́ ци́сто э́ти «Белору́сы». А оди́н мой – пилора́му крути́ла четы́ре го́да, лес пили́ли. Дак Ру́цьев, поко́йник, дире́ктор, прие́хал: «Ну, – говори́т, – Федоси́евна, дава́й, – говори́т, – отга́нивай тра́ктор. Вы́мой, распрошша́йся и сгони́ свои́м хо́дом в Та́рногу». Та́к я рева́ла всю доро́гу! Тра́ктора жа́ўко!

– Жале́ла.

– Ну́-ко, на ём ро́била. Всю доро́гу рева́ла, гла́дила ру́жьём (?): «Бо́ле мне на тебе́ не быва́ть!» Ну во́т, и пригони́ла туды́, заста́ла. Тут у на́с из шко́лы маши́на легкова́я бы́ла с ку́зовом, э́ка пре́жня. Ту то́же приказа́ли, дак Се́нко сгони́ў Доло́ченской. И ту поста́вили. Они́ всё и стоя́т тепе́рь. У мня́ вну́ки ма́ленькие бы́ли, дак в Та́рноге прие́ду: «Вот, говорю́, Андре́й, мо́й ведь тра́ктор». – «Ба́бушка! Мы посиди́м на ём». Дак всё-то бе́гали на тра́ктор-от сиде́ть.

– А там как в музее стоит? Нам надо посмотреть, мы его не видели.

– В музе́е и стоя́т. А посмотри́те. В музе́е стои́т тра́ктор и маши́на. Маши́на шко́льная была́.

– Это тут недалеко от администрации?

– Ну…

– Ну та́м ведь ска́жут вам.

– На серёдке ведь вроде ту́та и авто́бусна недалёко от нёво́.

– Шо́ ты! По у́лици-то идёшь, дак о́н на доро́ге на само́й дак, в це́нтре. Ёво́ всё подкра́сят дак. Я вы́мыла да, привезла́-то, поста́вила ёво́ тут. Да ешшо́ сма́зать вели́ли э́тым, ма́слом. Дак я́ посма́зала, дак э́кой но́вой тра́ктор стои́т! Дак и ця́сто бо́льно йи́здила. Дак всё-то поревлю́: «Ты́ у меня́ всю си́лу вы́тянуў, тра́ктор! – рева́ла над ййм, – што ты си́лу у мня́ вы́тянуў!» – Тяжело́ ведь нам си́льно рули́ть-тот вот. Он заду́мает, как гря́зно, дак пойдёт и пойдёт, не мо́жёшь ево́ розворо́тить-то. А ведь моло́денька нацяла́, дак си́лы-то не́ было. Вот и ро́била два́дцеть сем годо́ў.

– Зо́я-та Миха́йловна вас там по Та́рноге-то пово́дит, Ру́синова-то Зо́я. А Зо́я Миха́йловна-то там ска́жет, где́-ка. <…>.

– Ну, если успеем. Так трактор-то, наверно, сами увидим.

– Да са́ми уви́дите.

<…>.

– Так вы на этом тракторе с какого года работали?

– Да с са́мово го́ду нацяла́ робо́тать, как вы́уцилась да, два́дцеть четвёртэй был тра́ктор но́мер у коле́сника. Со́рок тракторо́в бы́ло в эМТэ́Се-то.

А какого года выпуска трактор был? <...> Он уже старый был? На нём работали?

– Ой, да не зна́ю, забы́ла я сейча́с, не зна́ю, ско́лько уж.

– Ну, вот когда работали, он уже старый был?

– Как жё не ста́рый? На ём ро́били мужики́. Ра́ньше всё мужики́. А пото́м-то насади́ли де́вок, а мужико́в-то приби́ли дак, всех приби́ли трактори́стов-то, ак ма́ло бы́ло. Ак моло́деньки парнеки́ бы́ли дак. Дади́т первоу́тку дак, де́нь и но́ць ро́бишь, не оста́вишь ево́ – ницё́, простои́т но́ць-то.

– А заправлялись – не сами ездили? К вам привозили топливо-то?

– Привози́ли. В по́ле и привезу́т. Где робо́таёшь, ту́т и привёзу́т.

– А керосиновый был?

– Караси́н.

– На сколько хватало работы-то у него? Бака-то на сколько хватало?

– На сме́ну-ту хвата́ло. От шести́ до шести́ робо́тали. В шесь цясо́в ве́чером сми́нимся – до шести́ утра́.

– А сколько там цилиндров? Два цилиндра было, наверно?

– А там ба́к, бацёк тако́й кру́глый.

– А мотор-то?

– А мото́р-то – цёты́рё, цёты́рё, цёты́рё.

– Четыре цилиндра.

– Цёты́рё цили́ндра.

– Подтя́жка на́до бы́ло де́лать. Кака́я непого́да – вы́зовет, прове́ришь шок. Прове́ришь – ой-ёй, подтя́жка на́до де́лать. Попоу́зёшь – дожж, ли́нешь, вся́ там промо́кнёшь-то.

А он без кабины?

– А? Без каби́-и-ны. Как на соба́ке сиди́шь. Ой, а моро́з-от! А ведь не уйдёшь – вот кака́я стро́гось в войну́-ту была́! Вот. Ой, Михаи́л Ива́ныч, поко́йник, был бригади́ром: «Ты цево́ останови́лась? Куды́ бе́гала?» – «А я у в ро́почь* ушла́, под ёлку. Все ци́сто смо́кли», – гоорю́. Ведь не уйдёшь сме́на – вот како́ё стро́го бы́ло. На́до, да ведь на́до и ро́бить. Простоишь сме́ну, дак не заро́бишь сколь. Друго́й сми́ницце, дак тот проро́бит, а я простою́ дак. На́дэ ро́бить. И в до́жж вся промо́кнёшь, а вся одёжа-то худа́я-та была́ на на́с, всё портяно́ё-то* бы́ло. Одёжи-то нецево́ не́ было-то, шапка́-то тёплово не́ было дак. Си́яли, дак мешко́в-то <в>идь бо́льно мно́го привезу́т дак, мешо́к-от украдём, не сдади́м э́то, дак окра́сим в како́й кра́ске, дак вот э́то и ша́ль. Оповя́жесся наза́д конци-то – дак о́й как, сла́ва бо́гу, тёпло́-то се́дни! Вот. Во́т как жи́ли.

Досталось вам!

Доста́лось. И до́ма идь бы́ло цё? Всё лён ро́стили, да ле́с, да ка́т дак. Все но́ци ма́ма-то сиде́ла. Э́ка жи́зь-от: всё пре́ли да тка́ли да. Всё портяна́я одёжа была́, неужёли бы... У на́с петь де́вок бы́ло дак, три́ сарафа́на

на троúх-то бы́ло наря́ду-ту. А пото́м-то я ста́ла зароба́тывать, мно́го зароба́тывала-то дак, де́ньги-то бы́ли, дак дом стро́ила и наряжа́лась, и всё. И де́вки поуци́лисе. Сця́с-то видь уйи́хали все. Ну во́т, так во́т.

Про приезд столичных гостей (45.18)

– Вот. Э́то у ва́с э́ка робо́та?

– *Ну да, нам хочется, чтобы память-то о сёлах осталась. Да о людях осталась память.*

– Ой, с Ленингра́да како́й-то дак. У мня́ Ли́дька, сестра́ гости́ла. Сиди́м: «Ой, – грит, – Са́нька, к тебе́ кака́я-то маши́на прихо́дит. Ой, да выхо́дит, – говори́т, – мужи́к». А э́то председа́тель сельсове́та, Нато́ля. «Ой, а э́тот-то в дом». Ой, до потоло́ку! Во всём бе́лом костю́ме! Потфе́ль-от како́й! Идёт пря́мо, идёт, поздоро́ваусе, сел туды́. Кни́гу роскры́л и дава́й писа́ть. То́жё всё выспра́шивал. Я́ гу: «Ты меня́ заберёшь. Цево́ мне ска́зывать-то? Я и не сми́ю, шо говори́ть». Вот. А Нато́ля убёжа́л к Зо́е свое́й, так посиди́т та́мока пока́.

– *И рады бы забрать, да некуда.*

– Да, забра́ть. Цё топе́рь? Далёко ли подберёшь? Умрём. Ак всё вот тоже и́збы-ти смотре́л. «Да в ту́-ту мо́жно сходи́ть?» – «Поди́, поди́, и в ту посмотри́ ци́сто то́же». До́ýго писа́л. Как в избе́, всё да всё. Всё то́жё э́дако выспра́шивал. Из Ленингра́да был мужи́к.

– *Не помните, как фамилия-то?*

– *Уж не Герд ли?*

– Вы из Ленингра́да то́жё?

– *Я из Москвы, Людмила Юрьевна из Вологды.*

– Из Москвы́ даже. Ой-ё-ёй! Так во́т, э́дак, мне Ли́дька-то и ба́ёт: «Божа́тушка, тебя́ забери́т ско́ро, – говори́т, – што же только иду́т да спра́шивают. Ты не россказывай, нет скажи́, што я́ ницео́ не зна́ю, ницео́ не зна́ю». Я́ гу: «Ли́дька, я ведь кни́ги цита́ю. Нельзя́ ведь! Вот идёт... идёт прохожа́юшшей, зайдёт к тебе́, при́дёт – ты ево́ не обруга́й, не оскорби́ и не обруга́й. А напо́й и накорми́ и скажи́: «Поди́ с Бо́гом по своей доро́ге!»

А эти́, москвичи́-те, сейця́с у Нато́льки-то живу́т. Лиди́я-то пришла́ в магази́н, мы сиди́м да с е́й ця́й пьём – Ива́нов день был, пра́здник. Сиди́м, а уж э́ти и прие́хали, москвичи́, в пе́рвой раз. Куды́ жё? Останови́лись тут. Опе́ть ко мне́ иду́т э́ти два мужика́: борода́тый оди́н да и э́тот, молодо́й оди́н. – «Цео́ же, Ли́дя? Обира́ть?» – «Не обира́й! – говори́т. – Што́ тако́е? Приду́т да уйду́т». А они́ е́дут – на́до э́тта жи́ть – фотографи́ровать всё да, худо́жники да. А и́м в Та́рноге-то сказа́ли, что к Нато́ле-то йи́дьте. А они́ не зна́ют где, на́до спроси́ть. Вот. У пе́рвово целове́ка пойи́дите, дак спроси́те, где Нато́лий Фёдоровиць, дак и найдите ево́. Где пе́рвой дом?

Пе́рвой дом нежило́й дом. А е́дут – гляну́ла Ли́дька-то в око́шко, оне́ сра́зу и зашли́. Вот. «Отку́да вы?» – Ли́дька всё выспра́шивает у ни́х. – «А мы ийдём из Москвы́, из Ленин...» Нет, они́ москвичи́ то́же. «Из Москвы́ е́дем тожё». – «А заче́м вы сюды́ ийдете?» – «А мы́ рису́ём». Сейця́с нигде́ нет ни магази́нов, ни столо́вых. Ка́к тут лю́ди живу́т? Ак Ли́дька-то: «Ак вы што́? Не обе́дали, мо́жёт? Сади́тёсь!» Ну вот. Оне́ говоря́т: «Дак мы́ бы се́ли». – «Сади́тесь за сто́л». А самова́р тогда́ согрева́ла. Я им су́пу накла́ла, яи́ця бы́ли да кое-што́ – собрала́ ему́ тут на сто́л: «Е́шьте!» Они́ найи́лись. Да во́т как оне́ спаси́б-то ско́лько сказа́ли! «Ка́к ты нас додума́лась-то, – спроси́ли, – как зва́ть да всё. – Мо́жёт быть, мы и здись и до́лго бу́дём жи́ть дак, на́до узна́ть-то. Ка́к ты догада́лась нас покорми́ть-то? Мы голо́дны, пра́вда», – говори́т э́тот, Мико́ла-то. Вот с тово́-то он на́цял приора́цивать ко мне́ да. И всё как прии́дёт, ужо́ ко мне́ на́до – придёт. Топе́рь со всей семьёй прие́хал.

– А живёт-то он здесь где?

– А он живёт там у Нато́льки, у е́тово мужика́ тамока́. Отде́льно избу́шка назаду́. Ну во́т. Оне́ говоря́т, пожило́й-от говори́т: «Ка́к ты наду́мала нас угости́ть-то?» А я́ говрю́: «Вот». – «Ты, – говори́т, – Бо́гу мо́лиссе?» – «Моля́сь». – «То́-то што, – говори́т. – Кто Бо́гу мо́лицце, тот всегда́ не прики́нёт ни́шшых». А я говорю́: «Господь люде́й написа́л: Идёт прохо́жий – он к тебе́ зайдёт. Ты ево́ не оскорби́ и не обруга́й. Напо́й, накорми́ и скажи́: Иди́ с Бо́гом по своей доро́ге!» – Э́то ска́зано в кни́ге, как на́до с челове́ком. Нельзя́ ево́ обруга́ть да, нельзя́ шо не да́ть ему́ ми́ло... От себя́ оторви́, да да́й. Всё ци́сто в кни́гах пи́шецце. Ой, э́дак вот он! И топе́рь уж ско́лько годо́в-то сюды́ йи́здит к Нато́льке! – как прие́дут, обяза́тельно иду́т. Топе́рь уж и с жено́й йи́здят и со вну́ком. А се́дни уж пое́дет стрице́ть: сам прие́хал, всё привёз. А соба́ка-та кака́я стра́шная! Опе́ть с соба́кой. Я́ гу: То́лько ты! ... Ну я ему́ – пойи́дёт о́сенью – я ёму́ карто́шки, пойи́дёт о́сенью, дак я́ ему́ карто́шки дам. Он мне де́ньги даёт. Карто́шки дам, лу́ку дам, варе́нья. Ковды прие́дут, я́годы – дак я́год пообира́ю. Сёгода прие́хали –очи́шшено у меня́ всё бы́ло. Во́т как быва́ёт, вот. Дак на́до ведь, Ка́ля, молоде́ц, вот ты́ их присво́ила – э́то большо́е спа́сеньё.

– Как <бы> не присво́ила? Куды́ им дева́цце-то?

– Спаси́ Го́споди! ска́жёшь – дак то́лько за э́то. Нам то́лько на́до э́то – спаси́ вас, Го́споди, и помилуй! А бра́ть ницео́ нельзя́.

– (52.44) – Я́ ведь то́же кого́ напои́ть, накорми́ть – напою́, накормлю́ за «спаси́бо».

– А вот москвичи́-те он всё, когда прие́дут, так при́дут. Ка́жной раз покормлю́. Когда цео...

– У на́с-то кроме-то меня́ никто́ не присво́ил. Дак Зо́я прие́хала, попроси́ла: «Уж пожа́луйста, Кали́ста Савватеевна!» Зо́я-та Миха́йловна

Ру́сина-то приезжа́ла наро́шно из Та́рноги, што, пожа́луйста, да́й им, пусти́ их пожи́ть.

– *Мы в Озёрках вот работали так-то. А она говорит: «Чё вы в Озёрки поедете? Вы в Верховье должны съездить. <...> Вы, говорит, посмотрите, какие там замечательные люди».*

– А в Озёрках на полу́ и спа́ли, там и нацева́ли. Ведь и фате́ры не́ было дак.

– *Поясницу прострелило.*

– Застуди́л, гори́т, спи́ну, ви́дно, там проду́ло сквозняко́м-то.

– *А здесь на кроватях да на мягких спим.*

– Да. Ну… Да. Вот… У меня́ то́жё там изба́-та пуста́я да.

– Я россказывала: у е́й ведь бо́льно што хорошо везде́, всё обихо́дно в обе́их изба́х. Да с одново́ и мо́с, дак бо́льно добро́.

– И убо́рна севогоды сде́лана, а то убо́рны не́ было.

Про строительство туалета (54.25)

– Прие́дут го́сти-ти в Тро́ицю, э́ты двоюро́дники из У́стюга. Бо́ря, Бо́ря. «Тётка Са́нька, где́ у тебя́ тувале́т?» – «Куды́ хоти́те, иди́те. Вон иди́те под ёўку туды́». Помо́йка – у меня́ туды́ доро́жка. Цвет посади́ла, цве́т-от ростёт тутока́. Э́то туды́ у мня́ помо́йка. Дак всё ходи́ла Зо́я да ходи́л Всиволо́д. Топе́риця и у Нато́ля-то, у кото́рово москвичи́-ти живу́т. Ну́ дак, а топе́рь то́лько одни́ э́ти хо́дят, э́ти сосе́ди. Вот.

– *А чего же, у вас и раньше туалета не было?*

– Не́ было туале́та. Не́ было туале́та. Така́я я́мка быка́ вы́рыта, да всё.

– Ра́ньше в дере́внях ведь никаки́х туале́тов. Бе́гали – за дво́р схо́дят да. Не́ было никако́во туале́та.

– Да ведь тепе́рь-то у меня́ и две́рь-то е́сь. Я говорю́: «Волóдя! Сде́лай ты како́й-то-нибудь туале́тик, сде́лай ты! Шо́ ты? Нехорошо́, ведь не то́лько вы. Цюжи́е-те лю́ди ко мне́ йи́здят. Вон из Архáнгельска приезжа́ют. Што́ ты!» Нека́к! Вот хорошо́, э́тот прие́хал сосе́д – э́то о́чень хоро́ший сосе́д.

– Я то́же всё напира́ю на Оле́га: вон переде́лай туале́т. У меня́ матери́ва́л есь: дерева́ есь все, до́ски хоро́ши. Дак на́до переде́лать.

– Дак у меня́ и сде́лали. Спу́стиссе во дво́р по ли́снице да, сейця́с и хорошо́. Зе́ть-от прийидёт, я говорю́: «Поезжа́й! Поди́ под ёўку! Не ходи́ в мой туале́т! Поди́ под ёўку! Ты не де́лал! Лю́ди-ти сде́лали, дак тепе́рь похáживает. И гле́нецце тибе́!»

– *Ну, чего удивляться, что он ругается на вас дома? Вон вы как с ним строго!*

– Ну, я́ ведь со смехо́м: пойди́ в туале́т!

– Да ведь не все шутки-то понимают. Это смешно, когда про другого шутишь, а когда про тебя шутят – уже не очень смешно.

– В перёд-от перешлá. Давнó ли в передý?

– Ишшó я перешлá вроде в зáгонье-то.

– Мнé-ка тóже придéще на сентябрь-от перейтú.

– Вот тепéрь уж нáдо. Топéрь половикú убирáть да, избý-ту засы́плю лýком.

Про внуков (56.27)

– Внýки-те хорóши-ти у меня́ пáрни-ти, дóбрые, хорóшие. Приезжáют: «Дак óй, шó ты, бáбушка, цеó у тебя́ подéлать?» Опя́ть всё. Добрó э́то. Óн-то штó э́дакой-то?

– У мня́ сёдни по я́годы Татья́на-та ушлá, взялá э́тово, Кирю́щку да. За малúной. Не знáю, поберýт ли, нет ли?

– У меня́ ведь дéвки бы́ли óбе – Нáстя и Марúнка.

– Бы́ли?

– Бы́ли. Недóуго, шо там робóтать сейця́с. Берýт у нáс на робóту. Марúнку-ту, вúдно, тут в больни́цю цеó-то, какá-то, а ту́-то уцúть продавщúця какáя-то торгýёт дéцьким, дак вот тýт, горúт. Дак не знáю, уéхали. Три нóци, пó три нóци нацевáли да уéхали. А Нúнка-та посулúлася, вцерá позвонúла, говорúт, прийúдёт. А я́ гу: «Прийúдь хоть к нóци-то! Бóльше сдéлаешь-то да». Говорúт, прийúдёт. Вот так да...

Про аллергию (59.59)

– А вы сами-то за ягодами хаживаете?

– Ходúла рáньше-то, топéрь не хожý. У мня́ в своём садý я́годы-те. А мнé нельзя́ я́год-то есь: мне крáсново нецевó нельзя́. У мня́ аллёргúя. Мне ведь не велéли и цветóв-то садúть. Вон на ýлици и в садý-ту всё цветы́ насажены́. Всё цвéтёт: я́годы, кусты́ – всё. Ак мнé тóлько чернопло́дная рябúна мóжно да цёрная смородá.

– А как вы узнали, что нельзя?

– Да шó ты? В больни́цю ведь ходúла. В больни́ци узнáли. Э́то давнó уж у меня́, давнó-давнó.

– А как проявлялось-то? Как узнали-то?

– Как узнáли? А зýд. Зуд появúлсё. Мёду нельзя́. Каля, а мёд берý кáжный год и съем всю трёхлитрóвку, а ёвó йись нельзя́. А евó йись нельзя́, а я всё ровнó съем зá зиму. Дýмаю, штоб не кáшлять да. Посты́-те ведь большúе, дак всё жё перед снóм мáленькую лóшецьку хлебнý. А ýтром встáну – тóжё нáдо хлебнýть. А ёвó нельзя́. Ак вот. Мни́-ка нельзя́ брусни́ци йись, малúны йись нельзя́.

– *Помидоры. Морковь.*

– Морко́вку-то е́м ту.

– *А как? Красные пятна появляются?*

– Не кра́сные пя́тна, а вот зу́д появи́тся с головы́ да. Вот. Мне и сказа́ли. В Бо́логду йи́здила и в э́той Та́рноге. Э́то си́льно давно́. Давно́-давно́, ешто́ Ни́нка, ну да у Ни́нки ешшо́ оди́н па́рень был тогда́. Дак не е́м. Уж нельзя́, дак и нельзя́. Варе́нья и поварю́, когда мно́го я́год, дак с роздам. Роздам – у ково́ не́т дак.

– Рябина-то сёду есь? Цернопло́дка-та?

– То́жё, Ка́ля, ма́ло. Она́ ста́ра дак. На верху́ нет, а по краям вся розоclа́лась. На́до как-то её всю обре́зать бы ка́к-то, а не могу́ заста́вить э́тово, Воло́дьку, штобы… Сде́лай ты мне э́ти кусты́-ти́, две-ти рябины!

– Робя́та прие́дут, на́до робя́там рвать – Са́шке нето Ондрю́шке.

– Не заставле́ю и́х-то. Прие́дут – вон ма́ло цео́ сде́лать-то.

Про деньги и расходы (1.01.01)

Вон дровени́к плито́й, пласта́ли́ном таки́м закла́ли – хорошо́, тепе́рь ника́к и не бежи́т. А по́лон дровени́к дров – и всё сбежи́т. Продае́ще <покрытие>. Топе́рь всё на сви́те продае́цце.

– Я ведь то́жё закры́ла э́ким.

– Э́ким тожё закры́ла?

– Два паке́та брала́.

– Ну вот, и я́ два паке́та брала́.

– Восемьсо́т рубле́й.

– Lотко́в-то – взгляни́-ко, Ка́ля, в око́шко-то! Над крыльцём-то. Вот то́жё э́ти два lотка́ – подала́ да́ньги: «Воло́дька, привези́, – говор'о – мне́ lотко́в. Всё тут у меня́ смо́кнет, весь мосто́цик. А пусь туды́, под угор-от бежи́т да. Пода́м де́ньги-те дак». А э́то бы пе́нзии бы не polуце́ть, дак я́ не зна́ю, ка́к бы я ста́ла жи́ть.

– С го́лоду бы у́мерли. У меня́-то ше́стеро…

– Polови́на бы ни́шчих бы́lo сейця́с. Свои́ми де́нежками то́лы'о и живёшь. Што цео́ то́лько мале́нько – всё, за та́к ведь не привезу́т, всё на́до отда́ть де́ньги. И свои́, родны́е да.

– *Даже родные?*

– Да. За всё, за всё я. Всё на свои́ де́ньги, всё на свои́ де́ньги. Цео́ на́до, дак опя́ть пода́м де́ньги: вот э́то на́до мне сде́лать.

– Вам ишшо́ пе́нзия-то не вы́дана?

– А се́дни, наве́рно. Девя́тово дак. Мне всё девя́тово прино́сят.

– Нам о́коlo двадца́тово выдаю́т, дак мне́ ешшо́ до́у́го не даду́т

– До́у́го?

– У на́с то́жё де́нежки-те породзала́. Прие́дут, погостя́т – на́до де́нежка дать. Ка́к?

– Вот но́нь как е́сь-то дак. Все и ро́бят, все и ро́бят, и зароба́тывают, а всё ровно́.

– А никто́ не отка́жецце.

– Дак не было денег – и не думали про них.

– А цё нам? Куды́ топе́ре копи́ть-то? У меня́ на похо́роны дак нако́плено.

– А у меня́ не нако́плено дак. Вот я́ гу: «Ни́нка! Шшо́ же э́то? Ка́к жё?» (01.02.01) Ак Са́шка нонь сказа́л: «Ба́бушка, ты не забо́ться. Ты́ нас вы́водила. До шко́лы ведь у тебя́ жи́ли. Да и топе́рь всё помога́ёшь». Как день рожде́ния, на́до приезжа́ть, у Са́шки день рожде́ния – ты́сяцу дава́й. Пото́м опе́ть у Ондрю́шки день рожде́ния – ты́сяцю дава́й. Э́та, Насты́шка, – в како́й она́ кlасс ходи́т? Той пятьдеся́т рубле́й, а э́той сто́ рубле́й, большо́й. Всё роспеця́таёт, все де́нежки. Во́т тебе и всё. Вот.

А вот Всиволо́д никому́ не даёт. Бо́льно мно́го полуця́ет си́льно мно́го, стари́к живёт.

– Са́ньке-то даёт, доцере́-то.

– То́же вы́красили перёд. Вот. Прие́хala Са́нька-то с мужико́м, да ба́ня-то – да все clо́жились оне́. Всиволо́дка говори́т, копе́йки ведь не́ взяли они́. Приходи́л како́во дни, огурцёв приноси́л, посиде́л да. Копе́йки не́ взели! И Са́нька с до́церью былá.

– Я ви́дяla в магази́не.

– А на свои́ де́ньги на́брали кра́ски, всё вы́красили – копе́йки с ево́ не́ взели. А на э́ти – де́вки пое́хали, Са́нька-та с до́церью-ту, – ак по ты́сяце нава́ливал – ни в каку́ю не́ взели! Во́т как лю́ди-ти! У ёво́ и си́льно де́нег мно́го: «Я, – гори́т, ревлю́, да бери́те де́ньги, бери́те де́ньги!» – «А мы́ clо́жилисе – вот и всё». Ли́дька роспоряди́лась да.

– Мне́-кава то́жё охо́та зимо́вка вы́красить. У на́с пока́ ешшо́ не облиня́la, а зимо́вка-то выпира́т дак. Тожё на́ лето ста́ну напира́ть – пуска́й вы́красят.

–Нет, та́к доживу́, ницео́ не на́до. Уж топе́рь всё у меня́, коне́ц ско́ро. Ско́ро уж коне́ц бу́дет уж. Как незамогу́, вот э́то упадёт-то давле́ние, то подни́мецце, то упадёт. Нонь упа́ло давле́ние, дак цеты́ре дня…

– Те кто́ ме́рит давле́ние-то?

– Недви́жина Ни́на.

– Ни́на?

– Угу́.

Приход соседа (01.05)

<Стук в дверь>

– Да!

– Здра́вствуйте!

– Здра́вствуйте!

– Э́во, у меня́ корми́нец-те, сосе́д. Сейця́с, бат, ба́ю. Ой, да што́ ты, Бори́с, я́годка ты моя́! Э́столько ты приташшы́л!

– Ку́шайте на здоро́вье!

– Да у тя́ го́сти, опе́ть, поди́, бу́дут?

– Да́ром, што бу́дут го́сти! Го́сти ка́ждый день!

– В сто раз лу́ще. Цео́ и испеку́т – ташша́т. Загля́дывают. Ишшо́ я и не отперла́: «Какова́ ты? Мо́жешь ли?» Ой, как бы, Ка́ля, ка́к бы ста́ла? Она́ <в>едь уко́лы де́лаёт.

– Сама́-то не то́пишь пе́ци-то ли то́пишь?

– Я́-то? Как не топлю́?

– Вця́ра́ топи́ла, за́втра на́до то́жё натопи́ть

– Через де́н ли через два́ потоплю́. Обряжа́юсь то́лько по воскресе́ньям. Ну, а они́ цео́ пеку́т, <в>едь они́ уж бо́льно добро́ пита́ющце – цео́ свари́т – приташшы́т. А если лежу́ – она́ и давле́ние принесёт поста́вит, и всё прови́рит давле́ние. Она́ всё в хирурги́и ро́била, ак зна́ет табле́тки-ти все, какие табле́тки мне принесёт – опя́ть поста́вит на́ ноги.

– *А кофейку чуть-чуть не пьёте для давления?*

– Ко́фейку принесёт…

– Ко́фе сама́-то бери́ да у́тром-то пей.

– Я не пью́, Ка́ля, ко́фе – грех.

– Госпо́дь Бо́г прости́т.

– Ак то́лько пью, когда́ вот упадёт давле́ние-то дак. Дак Ни́на-то, ба́ба-то ево́нная, опе́ть с кофейко́м трясе́ще: «Всё ровно́ на́до попи́ть кофеёк!»

– На́до ка́жное у́тро мале́нько пить ко́фе.

– Да и табле́ток на́до вся́ких. Их у меня́-то мно́го, у е́й мно́го, дак опя́ть принесёт каку́ю табле́тку, всё ровно́ поста́вит – опя́ть давле́ние-то подняло́се. Упадёт и всё. Не зна́ю, от цео́ э́то есть, не зна́ю. До́лго ли поживёще, как...

– *Ну, видите, хорошо, раз соседи ухаживают, поспокойнее. И детям спокойнее, дочери-то.*

– Да, до́цере-то споко́йно, то́й-то. До́ць-то радёхонько. Да и в Ленингра́де-то оди́н есь: нонь с робёнками ба́ба-та бы́ла да – на пе́нсии и торгу́ёт, и торгу́ёт лохмо́тьём-то, йи́здит ишто́. Я розруга́юсь, гу: «Ко́нци! Ко́нци!» Тут быва́ет, дак ко мне́ надо́льше прийи́дешь. Никогда́ совсе́м ниче́ не помога́ет и ре́дко и йи́здит: ей не́ковда. У её э́ка кварти́ра, э́кой огоро́д,

а сто́лько вну́ков там ешшо́ до́ма-то! Всё к ей ле́зут! Цёты́рнаццеть цёловёк у её в ба́не мо́ющце дак. Ондрю́шка – всё ешшо́ ба́ни-то нет, в другой до́м перешли́ дак.

– У Са́шки-то есь ба́ня?

– У Са́шки ба́ня в дере́вне, за́ три кило́метра. Дак то́же у Ни́нки мо́ющце. Все ту́тока, все к ей. Ак про меня́-то она́ и ре́ци не ведёт: хоть мо́йсе, хоть не мо́йсе. Я в стороне́, как меня́ и не́т. Потому што она́ уклала́ясе и́ми всё дак.

II.

Вторая запись разговора с А.Ф. Поповой сделана И.И. Исаевым, Л.Ю. Зориной и С. Шильниковской в присутствии дочери информанта Нины. Беседу ведёт профессор ВГПУ Л.Ю. Зорина. Общая продолжительность звучания этой записи – 18 минут 13 секунд.

Об устройстве быта (00.00)

– Крова́ть ведь с се́ткой. Дак и то́ грех, моли́ось за э́то, што я на мя́хкой крова́те сплю. А на́до вот на э́то. Поло́жу и сплю зимо́й, у́ пеци на́до спа́ть. И та́м у́ пеци, замерза́ю всё. Вот.

– *А как это называют? Всё вот это? На чём спите-то?*

– Э́ка доска́. Доска́, да вот настелю́ трунья́* да вот. Вот э́то не крова́тка. <...> Нет, не го́убец*. Го́убец – э́то у́ пеци. А э́то не го́убец. Э́то така́я крова́точька для себя́ сколоти́ла. Э́то штобы не на мя́хком спать. А ешшо́ на э́том тюфяцёк поло́жу, дак добро́ у пеци́. Одья́ла сва́ляцце – стул тут поста́влю, штобы не свали́лосе. Вот так. Вот.

Ико́нки тут всё мирьски́е, е́дные. По э́тому, по свое́й, не́т-нет, да и смеша́ю ци́сла-то, когда како́му дню моли́цце-то. Дак опя́ть погляжу́ и обрашчу́ся. Топе́рь э́тот-то с на́шим-то наровне́ стаў, с мое́й кни́гой. Во́т как сде́лано.

– *Как вы и разбираетесь?*

– Ой, дак э́столько годо́ў! Три́дцеть тре́тий год старове́ркой. А гра́мотна дак. У стару́х-то науци́лась. К йим всё ходи́ла, узнава́ла-то да, всё ка́к да. А кни́ги-то мне всё отказа́ли да россказа́ли, где для цево́, цево, ка́к. Ак я бо́льно па́мятная. В шко́ле-то уци́лась ху́до. Цео́? Оди́н кlасс ко́нциlа дак. Не́когда уци́цце, на́до всё помога́ть бы́lо – пре́сь да, всё де́лать, робо́тать да. Вот так та́к...

А тёпло́. Пе́цька эшшо́ ма́ленькая тут е́сь. Зимо́й натоплю́ – тёпло́. И сплю́. И живу́ одна́. Э́тта ма́lо, огоньки́ не засви́цываю. Всё у меня́ там,

вóна-ка загляни́-ко та́мока, у меня́ круго́м-от пе́ци. <...> Вот я и живу́ та́к. Э́то зана́веса, заве́шу, штоб в дере́вне меня́ не вида́ть. Вот мой сто́лик. Вот и ико́ны у меня́. Христиа́нские-то ико́ны там. Ушла́ туды́ <в летнюю избу>, дак и молю́сь тем ико́нам. А в э́том-то ми́сте <иконы> внук из Ленингра́да мне приво́зит, пода́рком. То́жё о́чень хоро́ши. Вот тожё я не броса́ю е́тих. И е́тим на́до моли́цце, и на́до е́тим. По-христиа́нски помо́лиссе-помо́лиссе – на́до и святы́м кому́ – смотри́! – вот, вот, всё э́то. Вот та́к и живу́.

Тут пе́цьку топлю́. Тут вот вода́ ря́дом. Бо́льно добро́! И вода́ ря́дом тутока́! Нацежу́ э́тта. Ту́тока пли́тка, тут электри́чество. Вот та́к и живу́. Подпо́льно* вот – туды́ опуска́цце. Там карто́шка, всё э́ко.

– Порядок, всё хорошо, по-современному.

– Вот холоди́льник. А холоди́льника-то бою́сь. На́до ницево́ не сде́lalось, не загоре́lo дак, сцяс-то отклюця́ю. Вот та́к. Вот поду́майте, как тут лю́ди живу́т.

– И здесь печечка?

– Э́то пе́цька ма́ленькая, с пли́ткой. Топлю́. Когда студёно́, дак э́ту пе́цьку-то и потоплю́. Она ста́ренька, худа́я ста́la. Тут закры́та плита́-то желе́зна. А ця́йник скипящо́, цево́-ни посвари́ть, всё э́то. Та́к вот и...

– Вот посмотрели мы там и там...

– Э́то цео́ бу́дёшь де́lать? Не рису́й то́лько!

– А как в прошлый раз.

– Ра́дива у меня́ нет, телеви́зора нет.

– А без этого можно жить!

– Без э́тово!

О деятельности староверки (01.20)

– Нехто́ не хо́дит. Из са́мых ста́рших нихто́ ко мне не хо́дит. Помина́ть то́лько <ходят>. Но́неци не стали, ма́lo и помина́ть-то. Не ве́руют в Бо́га-то молоды́е-ти дак. Всё ровно́ они́ <умершие>за меня́ там мо́лящце, тру́женики. Во́т я и живу́.

– Вам-то доводилось ходить в Першино? Вы бывали в Першино?

– Ой, без счёту <ходила в Першино>! Ско́лько там бы́lo стару́х! Кака́я незамо́жет – пока́ять на́дэ. Кака́я умрёт – отпева́т на́дэ. Вот я туды́... Топе́рь-то всё на маши́не во́зят. У на́с Лиди́я – в Нау́моськёй-то бы́ли? У Лиди́и-то? Ну дак топе́рь она – шо́ ты! Она́ пешко́м не хо́дит. А я́ во Вlа́сью-ту, в Селива́нову-ту... Заумира́ёт кака́я, на́до её пока́ять – всё пешко́м ходи́ла, нехто́ не прива́живал меня́. Вот топе́рь в Та́рногу зеть прийи́дёт, покаять та́м стару́ха есь, старове́рка. К престаре́лым дак только увёзу́т. Всё пешко́м проходи́la, по всёму́ сельсове́ту. Никаки́ё маши́ны не́

было. Ходи́ли – и без батога́ ходи́ла. Нет тепе́рь ни одны́я стару́хи ни там, по всему́ э́тому Верхо́вью.

– *А уж человеку легче бывает, когда вы делаете?*

– Да! Как же не ле́гче? Ле́гче цеlове́ку. Он зауми́рает – тяжёло́, пока́яцце на́дэ. Как пока́ессе, ду́мает: вот умру́. А опе́ть не у́мёр! На́дэ ка́яцце ка́жной оди́н раз хоть в го́д-от. А больны́е, ста́рые – дак и два́ раза́ в году́ пока́ющце. Топе́рь-то не ка́ю неково́. Всё мирьськи́е дак. Лиди́я-то <в>едь мирьська́я, то она́ уж науци́лась, книг у е́й ста́ло мно́го, ко́е-што. Ко мне́ всё ведь ходи́ла дак, науци́лась дак, она́ тепе́рь ка́ёт. Тожё ведь то́лько кни́га мирьська́я, не э́ка, как у меня́. А я́ то́лько сейця́с одну́ там в Та́рноге < «*каю*»>. Меня́ свезу́т, её пока́ю да и опя́ть домо́й уе́ду.

– *А в Макарове-то ещё?*

– А! Ой, да мирьську́ю ка́ю – во́т где гре́х-от! Мирьська́я е́сь дак. Да кака́я жё <она> старове́рка? Дак во́т гре́х-от како́й! Дак опе́ть… И не пока́ять нельзя́. Потому́ што в кни́ге – я зна́ю – вы́цитано. Вот оди́н – у́мерли оне́ – был свяшче́нник, он духо́вный оте́ць, ка́яў всех. А одна́ мирьська́я пришла́. Она́ была́ бу́дница. Ну вот, она́ пришла́, пла́цет: «Я умира́ю. Ты меня́ пока́й!» Ой, как? Серафи́м был, оте́ць. О́н гэт: «Нет, я тебя́ не бу́ду ка́ять. Ты, – говори́т, – мирьська́я. Не бу́ду». О́н ей не пока́яў. Она́ уж умёрла́. И о́н у́мер. Ак ево́-ту – страшно́й-от суд бы́ў – ево́ обсуди́ли: в во́ду! всю жи́зь в воде́ бу́дёт. А е́е прости́ли, да́ром, што она́ бludни́ца да гре́шная. А вот она́ проси́ла со слёза́ми, а о́н не пока́яў: «Ты не старове́рка, не христия́нка». А не́кому пока́ять. Вот о́н же не пока́яў. Он моли́усёмоли́усё – в ад кроме́шной ушёў. Когда ево́ в а́д-от бро́сили, дак э́та-то стару́ха, кото́рую он не пока́ял-то, дак она́ ево́ каме́ньем шиба́ла ешшо́ в воде́-то. А она́ спаclа́сь. Во́т как быва́ёт. Вот я не сме́ла э́ту Ли́зу оста́вить. Про́сицце: «Пока́й, пока́й!» Ну ка́к? Зе́тя пришлёт да прийи́дёт ту́тока. Пря́мо Пого́ста-то та́мока, во Вла́сьёй-то, живёт. Дак опя́ть и пока́ю её, ду́маю: вот не пока́ёшь, дак она́ в рай уйдёт, а я́ – в а́д кроме́шный. На́до пока́ять. Пото́м я попрека́юсь топе́рь, што я́ мирьську́ю ка́ю. Меня́ прости́т.

О мужчине-примаке (08.49)

– *Расскажите ещё какой-нибудь случай интересный.*

– Так уж цё я… Ли́дия-то цево́ вам посказа́ла? <…> До́ма ли му́ж-от у ей?

– *Так, про жизнь про свою.*

– Жи́зь-то… Вот не поло́жено в кни́ге два́-ти раза́ за́муж-от выходи́ть. Си́льно грешно́. На́до епитимью́ моли́ще. Ка́жной день седьма́я ле́стовка в пол. Э́то если вы́шла два ра́за взамуж. Вот дак я́ ей всё, ско́лько ей… Што жё де́лать? У неё мужи́к-то хоро́шэй бы́ў. А э́тот бродя́га бы́ў, пья́ница.

– *А это-то ведь даром, мама, рассказывать.*

– Дак вот евó взялá, топéрь скáялaсе, дак кудú евó топéрь девáёшь?

– *Про себя рассказывай-то!*

– А он живёт и живёт.

– *Но они дружно живут.*

– Топéрь стáли дрýжно. Не стáў пить. А бóльно пúў-то – дак упадёт, евó нáдо подымáть. А онá самá как бóцька, не мóжёт поднéть. Дак óй бы́lo хýдо бóльно! Прúду, дак ревúт. Я: «Не знáю, ведь тебé бы́ло говорено!» Онá меня́ спросúla: «Кáк жё? Цё мне дéлать? Брáть или не брáть?» Я гу: «Ты возмёшь – кáиссе, и не возьмёшь – кáиссе». Вот. Потому што он пья́ница. Потому што у нёвó три бáбы бы́ло да и гуля́л. Дак вот онá ёвó взялá. А у её ýмной мужúк <был>, трóё дитéй, дúти óцень хорóши, онá óцень хорóша. И взялá евó, пья́ницю. Ой дóўго пúў-то, ой бóльно дóўго! Вóт онá ревéла-то! Я гу: «Вот! Топéрь ревú!» А топéрь-то… Недáвно ходúла к ей – мáму поминáть, дак ходúла дак. Дак вы́шла: «Проводú меня́. Он тут сидúт, не ухóдит дак». «Топéрь, – говорúт, – не пьёт, оканýниўсе, ак ницевó, добрó живём». То в магазúн всё двóё ходúли, ко мнé привёрнут, ця́ем попóйм, уж и винця́ нáдо попúть. А топéрь не хóдят. Éсь э́то у нáс, хóдит по стáрым-то дак, ухáжвают дак. Тá из магазúна принесёт всё. Сейця́с есь лю́ди такúе, даю́цце. Цеты́ре старýхи…

– *Социальные работники.*

– Дак э́ти топéрь, онú не хóдят.

– *А к вам-то приходит такая женщина?*

– Нет, нет, не прихóдит. Как? Нáдо ведь тýтока кáк-то записáцце – да што в сельсовéт да в Тáрногу да. Там штобы всё офóрмить да. А кáк мне? Я со врéмём дак, я бы рáда уж. Тожё хýдо ведь, хóд-от худóй.

О хороших соседях (10.55)

– У менá зато сосéди хорóши приéхали, óцень хорóши. Онú жúзнь всю недéлю-то жúли, но задýмala <она> из Северодвúньска приéхать сюды́. Вот и живýт. Какóй дóм-от худóй <был>, всё хýдо, как у менá, бы́lo. <…> Вот приéхали, мастерóв вы́звали. Онá óцень хорóша. Вишь, што с дóмом-то сдéлали? Крáсят басóй*. А как в кóмнатах-то! Ой! Всё хожý. Бáню стóпят рядом. Прúдёт, уведёт, вы́моёт. Всё сымý – не опýстит домóй, вы́стираёт. Топéре-те машúны-те, дак вот.

– *Они и зимой живут?*

– Онú и зимóй живýт. Внýки есь там, дúти остáлись, сын да доць. Вот скóро прáздник пройдёт – в Тáрноге бýдёт прáздник-от – дак увёзýт их, однú остáнуцце. Хорóши, хорóши óцень лю́ди, хорóши. Не мóляцце только Бóгу. Приказála пóloцьку сдéлать, икóнку купúть. Шо э́то ведь? Мóляцце. Нáдо вам молúцце топéрь малéнько начинáть. А никáк – не признаю́т.

– У нас-то есть иконки. У всех, наверно, да? Есть иконки дома.

– У ва́с-то? Ну, коне́чно.

О воспитании детей (12.28)

– Сейца́с прийи́дёт му́ж-от у е́й. Сейца́с увезу́т. Ешшо́ вну́ка* есь, спит вон на крова́ти, така́я жё, шко́льница. Бо́ксом занима́ецце да, в деся́тый класс перешла́. <...> Ну, она́ така́я есь, матеру́ха* де́вка. Дак вот позвала́ бы, подуста́ла, дак спи́т. Но́цью пришла́ в цеты́ре цяса́ да́к.

– В четыре часа? Откуда?

– С гуля́нки.

– А где гуляют-то?

– А хо́дят ведь, наве́рно, туды́, где кlу́б-от у на́с дак, где кlу́б-от, це́нтр-от дак. Наве́рно, хо́дят тепе́рь, што́ ты. Мне не бо́льно бы лю́бо, да... Одно́й-то споко́й дорого́й. Е́дут. Ре́дко йи́здят. Топе́рь lу́ку-то мно́го бо́льно, дак позвоню́, што́ прийи́дьте lук пособи́ть, стаска́ть. Да ешто́ мно́го оста́лось на саду́. Ешто то́т бе́lой. Э́то кра́сной. Дак тот пу́сь ешшо́ нади́лю-то ростёт.

– Вы мне, пожалуйста, расскажите, как учили деточек быть вежливыми, уважительными. Вот как детей учили?

– Да ка́к же их? Уци́la да розгова́ривala дак. Ницево́, они́ с люде́ми ве́жливые, робо́тают. Па́рни, три па́рня. Всё на маши́нах. Робо́тают хорошо́. Ну, вы́пьют, дак и права́ когда отберу́т. Э́то быва́ет. А так живу́т се́мьи хорошо́, у все́х по́ двоё робя́т, у все́х у трои́х. Живу́т добро́, кварти́рами. А э́ти оди́не старики́ живу́т – э́ти муж да жёна́, Ни́на да Vladи́мир-от. Живу́т одни́ – кварти́ра больша́ша, ме́ста мно́го. Так одне́ живу́т. В Ленингра́де оди́н есь, а э́ти оба́ в Та́рноге. Уци́лись то́жё все, по во́семь – по де́веть klа́ссов ко́нцили, робо́тают.

– А вот вы такую присказку слыхали – возить не перевозить?

– Вози́ть не перевози́ть? Слыха́la.

– Вот про что это говорят?

– Ай, дак э́то име́ньё всё, во́зят от ково́ да́к. «Цё опять везёшь-то?» – «Ой, да у на́с дополна́ всё, вози́ть и не перевози́ть». Вот э́ко я слыха́la. Боγа́тые е́сь дак. Э́во, боγаци́-ти, дак они́ уж во́зят и во́зят, во́зят и во́зят. Дак не перевози́ть.

Расставание (15.12)

– Дак вы за́втря уйи́дите?

– Да, завтра мы уже уедем, но будем вспоминать. И вас, и Калисту – всех. Да, и Першино будем вспоминать.

– На́дэ мне записа́ть. На́дэ… О́чень ве́жливы, дак на́до, за ка́ждых за э́тих люде́й на́до моли́ще, кто́ вот придёт да тебя́ успоко́ит от ростро́йсьва или с тобо́й поговори́т по тебе́, как тебе́ на́до. Всяк при́дёт прохожа́ющий – я ва́с не угошша́ю ницём – на́до ве́жливо относи́ще да всё. Дак за и́х на́до моли́ще. Дак во́т, я́годка, ту́тока на газе́тке напиши́. И́мё напиши́те, дак я́, когда за здра́вьё моля́сь, роди́телей помяну́, пото́м за здра́вье. За здра́вье-то на́до моли́ще. За здра́вье поло́жено моли́ще. Даже за ми́р-от – в кни́ге напи́сано – поло́жено моли́ще. Спаси́, Го́споди! Вот я́ вот моля́сь за всё у́тром, зау́трину, пе́рвый цяс за цясы́ – всё вот моля́сь: Прости́, Го́споди, наш мир благода́тный, от огня́, от пожа́ра, от ве́тру, от бу́ри, от враго́в, от воро́в, от грозы́, от мо́льнии, Спаси́, Го́споди, от войны́. Спаси́, Го́споди, всех це́стных люде́й – штобы войны́ не́ было. В кни́ге напи́сано э́та моли́тва. Поло́жь, спаси́, Го́споди! За людны́х… Ой, ведь переходи́ло ко мне́ ско́лько! Из Ленингра́да-то ско́лько! Э́-экой пришёл в и́збу! «Покажи́ мне в э́той избе́!» – «Иди́, – говорю́, – смотри́!»

– Чайку́ попе́йте!

Ой, да вы напрасно беспокоитесь! Мы сейчас побежим уже <...>. Нас, наверное, там ждут уже к обеду. Спасибо большое!

– Прие́хал Воло́дька.

– Прие́хаў? Сейця́с вы пое́дете.

– Ну, всё, тогда мы пойдём. Доброго здоровьица! Всего вам хорошего!

– Ну дак поезжа́йте с Бо́гом! Спаси́ вас, Го́споди, помилуй! Ста́ну вас за доро́гу моли́ще. За́втра пойи́дите уж домо́й? Ну́ дак… Пу́ть да доро́женька! Ну дак вот… Спаси́ вас, Го́споди! Не ду́мала, што я́ уви́жу-то таки́х хоро́ших да ве́жливых-ти да. Бума́жку оста́вили? Имена́ ва́ши? Поезжа́йте!

– И мы вас будем вспоминать тоже обязательно.

– Когда, мо́жет… Ой, дак мне́ уж вас бо́льше не вида́ть! Ой, Го́споди Ису́се! Прости́те меня́, Христа́ ра́ди, гре́шную! На́до прошча́цца, ведь мне́ бо́льше до ва́с не дожи́ть. Ско́ро ведь уж…

– Живите подольше, живите подольше. Мы, может, ещё когда приедем!

– А когда, мо́жёт, ишшо́ прийи́дите? Ну во́т… Спаси́, Го́споди…

Приведённые выше весьма обширные тексты бесед с Александрой Федосеевной Поповой позволяют систематизировать некоторые наблюдения.

Общий тон участия информанта в беседе благожелательный, даже, несмотря на использование и некоторых трудных для разговора тем, – какой-то благостный. По-видимому, этот человек в на-

стоящее время живёт в гармонии с собой и с окружающим миром. Женщина очень гостеприимна, и это многократно подтверждается её репликами (*Здра́вствуйте! А што́ тут за го́сти таки́е пришли́? Проходи́тё, сади́тёсь; У меня́ ведь вон изба́-та – што́ ты! Дак находи́ да живи́*).

Информант способен показать своё расположение к собеседникам, а также своё отношение к описываемым явлениям широким диапазоном используемых ею интонационных ходов. Для наблюдений такого рода можно обратиться к нескольким контекстам: *А о́н худо́жник. Он рису́ёт; Не́-ет, не́-ет. Ведь тихо́нько... Ведь э́то уж ко́нцилась война́-то, дак бы́ло нестро́го, нестро́го; И Гри́шуто-и́нока уби́ли до То́тьмы. Незамо́г. И́нок был гла́вной, и́нок! У ёй моле́нна была́ – я́ ведь быва́-ала. Пото́м уци́лись мы в э́той моле́нне; Тут вот вода́ ря́дом. Бо́льно добро́! И вода́ ря́дом тутока́!*

Ведя беседу, А.Ф. Попова часто повторяет, словно бы настраиваясь на волну собеседника, добиваясь полного взаимопонимания с ним, последние сказанные им слова (*На То́льке опе́ть е́хали? – Опе́ть на То́льке; В Нау́моську? – В Нау́моську*). Использование повторов – заметная особенность речи А.Ф. Поповой (*Пра́вильно на́до. Штэ́петью нельзя́. Штэ́петью нельзя́. На́до крести́цце пра́вильно; У меня́ тепе́рь нет никово́, все у́мерли, цйсто все у́мерли. Ведь э́то уж ко́нцилась война́-то, дак бы́ло нестро́го, нестро́го*).

Информант постоянно проявляет интерес к собеседнику: *«А у тебя́ кто да кто, Ка́ля, бы́л-то?»* Вместе с тем в общении с незнакомыми людьми проявляет некоторую осторожность: *Ой, дак ты́, я́годка, то́лько меня́ не фотографи́руй!; Э́то цео́ бу́дёшь де́лать? Не рису́й то́лько!* Пока не растаял лёд общения с незнакомцами, глубоко им не раскрывается, дистанцируется от них: *– А про родителей своих расскажите. – Ну дак цё про и́х по́мнить? Цё про и́х по́мнить? Уж у меня́... Не зна́ю, цё и сказа́ть. Цево́ роди́тели <в>идь? Федоси́й да Анфи́я бы́ли у меня́ роди́тели, ма́ма да па́па. Всё.*

Зафиксированные в процессе бесед с А.Ф. Поповой формы обращения бывают двух типов: к человеку обращаются по имени (*А у тебя́ кто да кто, Ка́ля, бы́л-то?*) и называют человека ласково, комплиментарно: (*Ой, дак ты́, я́годка, то́лько меня́ не фотографи́руй!; Ой, да што́ ты, Бори́с, я́годка ты моя́!*).

Основной формулой приветствия является общеизвестное *Здравствуйте!*: *Здра́вствуйте! А што́ тут за го́сти таки́е пришли́? Проходи́тё, сади́тёсь.* Обратим внимание, что после слова *Здравствуйте!* нет длительной тягостной пазуы, а звучит приветливая фраза, которой случайно вошедших в дом людей отождествляют с желанными гостями. Попытка выяснить какие-либо нюансы в поведении староверов дала немногочисленные результаты: – *Здоро́во, раба́ Бо́жья! – всех называ́ли. – Здоро́во живите́! – Как одну́, дак – Здоро́во, раба́ Бо́жья! И поба́ют-то так.* Приветствие *Здоро́во живите́!* с практикой староверов соотнести нельзя, ибо вообще это старинное приветствие, используемое в этой местности.

Ситуация прощания обставлена целым рядом стандартных этикетных формул:

– Ну дак поезджа́йте с Бо́гом! Спаси́ вас, Го́споди, поми́луй! Ста́ну вас за доро́гу моли́цце. За́втра пойи́дите уж домо́й? Ну́ дак... Пу́ть да доро́женька! Ну дак вот... Спаси́ вас, Го́споди! Не ду́мала, што я́ уви́жу-то таки́х хоро́ших да ве́жливых-ти да. Бума́жку оста́вили? Имена́ ва́ши? Поезджа́йте!

– И мы вас будем вспоминать тоже обязательно.

– Когда́, мо́жет... Ой, дак мне́ уж вас бо́льше не вида́ть! Ой, Го́споди Ису́се! Прости́те меня́, Христа́ ра́ди, гре́шную! На́до прошча́цца, ведь мне́ бо́льше до ва́с не дожи́ть. Ско́ро ведь уж...

– Живите подольше, живите подольше. Мы, может, ещё когда приедем!

– А когда, мо́жёт, ишшо́ прийи́дите? Ну во́т... Спаси́, Го́споди...

В беседах с А.Ф. Поповой проявились и некоторые формулы благодарности: *– Спаси́ Го́споди! ска́жёшь – дак то́лько за э́то. Нам то́лько на́до э́то – спаси́ вас, Го́споди, и поми́луй! А бра́ть ницео́ нельзя́; Я́ ведь то́же кого́ напои́ть, накорми́ть – напою́, накормлю́ за «спаси́бо»; Они́ найи́лись. Да во́т как оне́ спаси́б-то ско́лько сказа́ли!*

Формулы одобрения, похвалы также попали в поле нашего зрения: *Во́т как быва́ёт, вот. Дак на́до ведь, Ка́ля! Молоде́ц, вот ты́ их присво́ила – э́то большо́ё спа́сенье.*

Ситуация извинения представлена формулой *Прости́те меня́, Христа́ ра́ди, гре́шную!*

Попытка выявить благопожелания, характерные для деревенской крестьянской действительности, результатов нам пока не принесла. Информант, в течение большей части своей жизни занимавшийся обслуживанием трактора, даже приведённое в качестве примера благопожелание *Возить вам не перевозить!* воспринимал лишь буквально: *«Цё опять везёшь-то?» – «Ой, да у нáс дополнá всё, возúть и не перевозúть». Вот э́ко я слыхáла. Боуáтые éсь дак. Боуаци́-ти, дак онú уж вóзят и вóзят, вóзят и вóзят. Дак не перевозúть.*

Антиэтикетных, негативных суждений в речи нашего информанта не зафиксировано. К исключениям могут быть отнесены только весьма сдержанные фразы, сказанные о давно умершем отце: *Недóброй был до нáс до всéх; Нехорóший быў, гуля́ў да.* Вообще же упоминание о покойных обставляется традиционными формулами: *А Егóр Андриянович был покóйной – цáрство небéсноё! – вот, тудú заявúл; Ой, Михаúл Ивáныч, покóйник, был бригадúром.*

Истоки этикетности А.Ф. Поповой, малограмотной жительницы отдалённого Тарногского района Вологодской области, возможно, коренятся в её религиозности. Об этом свидетельствует частое использование ею молитв, цитат из богослужебных книг, например: *А я говорю́: «Господь людéй написáл: Идёт прохóжий – он к тебé зайдёт. Ты евó не оскорбú и не обругáй. Напóй, накормú и скажú: Идú с Бóгом по своéй дорóге!» – Э́то скáзано в книге, как нáдо с человéком. Нельзя́ евó обругáть да, нельзя́ шо не дáть емý мúло... От себя́ оторвú, да дáй. Всё цúсто в книгах пúшецце.* В итоге её отношения с людьми и выстраиваются в соответствующей стилистике – дружелюбной, добрососедской: *Ой, э́дак вот он! И топéрь уж скóлько годóв-то сюдú йúздит к Натóльке! – как приéдут, обязáтельно идýт. Топéрь уж и с женóй йúздят и со внýком.*

Вместе с тем цитирование может быть не лишено и некоторого варьирования, что свидетельствует в пользу того, что формулы этикета в сознании информанта существуют как живые, современные структуры: *Вот идёт... идёт прохожáюшией, зайдёт к тебé, прúдёт – ты евó не обругáй, не оскорбú и не обругáй. А напóй и накормú и скажú: «Подú с Бóгом по своéй дорóге!»*

Таким образом, наблюдения, проведённые над реализацией в речи А.Ф. Поповой коммуникативной категории вежливости, пока-

зывают широкий спектр средств её выражения. Дальнейшие наблюдения над речью этого информанта принесут, как может оказаться, лишь некоторые уточнения и дополнения.

ЛИТЕРАТУРА

Актуальные проблемы русской диалектологии и исследования старообрядчества. М., 2009.

Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М., 2009.

Паликова О.Н. Этикет в речи старообрядцев и в словаре говора // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования 2010. СПб., 2010. – С. 424–434.

Прохоров Ю.Е. Русские: коммуникативное поведение. М., 2006.

Русское старообрядчество: язык, культура, история. Сборник статей к XIV Международному съезду славистов. – М., 2008.

Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12. Вологда, 1983–2007.

Стернин И.А. Вежливость как коммуникативная категория. Воронеж, 2003.

КОММЕНТАРИЙ

Баса	Краска, ср.: *басчёный* «крашеный, покрытый краской» [СВГ, 1: 23].
Божатушка	Тётка, сестра отца или матери; крестная мать [КСВГ].
Внука	Внучка [СВГ, 1: 75].
Глянуться	Нравиться [СВГ, 1: 113].
Голбец	Деревянная пристройка к русской печи в виде небольшого шкафа с дверцей, «комнатки» внутри с лестницей, ведущей в подполье // пристройка возле печи [СВГ, 1: 117].
Гряздок	Группа плодов, развивающихся от одного корня, гнездо [СВГ, 1: 133].
Зимовка	Небольшая утепленная изба или пристройка к дому, в которой жили зимой [СВГ, 2: 171].
Зыбка	Колыбель, люлька, которая подвешивается к потолку [СВГ, 2: 180].
Матеруха	Крупная, высокая женщина [СВГ, 4: 71].

Мост Помещение между жилой частью избы и крыльцом с одной стороны и хозяйственными постройками с другой, сени [СВГ, 5: 5].

Незамочь Заболеть [СВГ, 5: 93].

Обиходно Чисто, опрятно, уютно [СВГ, 5: 121].

Обожать Уважать [СВГ, 5: 125].

Обрадеть Обрадоваться [СВГ, 5: 127].

Первоучка Человек, который недавно приступил к какой-либо деятельности, к какому-либо роду занятий [СВГ, 7: 27].

Перёд Выходящая окнами на улицу передняя часть крестьянского дома; передняя сторона дома, фасад [СВГ, 7: 34].

Подпольно Подполье, подвал [СВГ, 7: 108].

Портяной Холщовый, сделанный из домотканого материала [СВГ, 7: 166].

Прохово Прохладно [СВГ, 8: 100].

Робить Работать, трудиться [СВГ, 9: 57].

Ропочь Молодой лиственный лес [СВГ, 9: 65].

Севогоду В этом году [СВГ, 9: 114].

Сутний угол Передний угол в избе, в котором находились иконы и стол, куда сажали почетных гостей [СВГ, 10: 162].

Труньё Ветхая, изношенная одежда [СВГ, 11: 65].

Угор Возвышенность, холм [СВГ, 11: 103].

Ухрястать Ср.: *хрястать* «бить, ударять» [СВГ, 11: 213].

Этта В недалеком прошлом, недавно [СВГ, 12: 123].

Яриться Раздражаться, сердиться [СВГ, 12: 137].

ТОТЕМСКИЙ РАЙОН

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ФАИНЫ ВАСИЛЬЕВНЫ ПОПОВОЙ

С.В. Шильниковская

Местом жительства Фаины Васильевны Поповой является деревня Великий Двор Тотемского района. Она находится в 47 километрах от районного центра, города Тотьмы. Деревня является административным центром Великодворского сельского поселения – муниципального образования в восточной части Тотемского муниципального района Вологодской области. Численность населения муниципального образования «Великодворское» – 750 человек. Трудоспособная часть населения деревни работает преимущественно в колхозе «Великодворье» и ООО «Леспром». Основные виды деятельности жителей – полеводство, скотоводство, лесозаготовки.

Деревню Великий Двор окружает множество деревень – Внуково, Давыдиха, Княжиха, Любавчиха, Нефедиха, Подлипное и посёлок Чуриловка. Деревня стоит на реке Печеньге, которая является правым притоком р. Сухоны [Воробьев 2006: 381]. Ландшафт деревни состоит из холмов и низин. Постройки в Великом Дворе в основном деревянные. Имеется Великодворская средняя общеобразовательная школа, здание Великодворского сельского совета, почтовое отделение, детский сад.

Родители Ф.В. Поповой – выходцы из ближайших деревень, относящихся к Великодворскому сельскому поселению. Мать родилась в д. Нефедиха, а отец – в д. Внуково.

Судьба нашего информанта складывалась непросто. Её мать работала на лесозаготовках (*Мáт' по д'эл'áнкам / ход'úла / фс'ó з'имáм'и //*). Отца своего Фаина Васильевна потеряла на войне (*Ну от'э́ц' погúп ráно дáк / на вojн'э́ дáк //*). Ф.В. Попову воспитывала мать отца (*Вóт / этó бáбушка мojá / от'цá мáт' / онá м'эн'á и восп'итáла //*), на которой кроме неё было ещё два ребёнка и которая тем не менее дожила до 96 лет. Она и дала внучке начальное обучение наряду со школой, так как Ф.В. Попова проучилась в Великодворской средней школе всего 4 класса (*Проуц'úл'ис' тóл'ко*

ц'етыр'э кла́сса и то н'э по́лност'ју / л'эта́м рабо́тат' заста́в'ил'и //).

Сама Фаина Васильевна Попова в жизни трудилась много. Тридцать лет она работала в передовом колхозе того времени, о чём свидетельствует благодарственное письмо от И.В. Сталина председателю колхоза А.П. Лякишеву [Трофимов, http://cherepovets-kp.ucoz.org]. Там она была телятницей; летом занималась сенокосом (*А рабо́тал'и / а п'эрва́ рабо́тала / как ис шко́лы куда́ пошл'у́т / там позову́т / куда́ напра́в'ат порабо́тат' / пото́м т'эл'а́тн'иц'эј тр'и́цат' годо́ф // Д'э́с'ат' л'э́т отрабо́тала и пото́м / э́та / на с'эноко́с посла́л'и дол'о́ко / за с'э́м к'ило́м'этроф да́к на с'эноко́с'о бы́л'и вот л'эта́м'и-та // А пото́м два́ го́да ов'э́ц' заста́в'ил'и попаст'и́ / в л'эсу́ то́жэ гон'а́л'и //*). Из всего сказанного нашим информантом мы видим, что трудиться Ф.В. Поповой приходилось всегда, не было ни минуты свободного времени. Трудолюбие – вот что всегда можно отметить у русского жителя деревни. И это подтверждают слова Фаины Васильевны Поповой.

Ф.В. Попова нам рассказала во время *бесёды,* что знахарей в Великом Дворе не было. Знает она только то, что можно заниматься собирательством трав, из которых делаются отвары (*И са́м'и траву́ рва́л'и и ту сушы́л'и тра́фку / кото́рој мо́жно поји́т' да фс'о́ д'э́лал'и са́м'и / как даду́т вс'эго́ врац'и́-т'и //*).

Конечно, в речи информанта в той или иной мере отражается вся его жизнь. Мы можем отметить особенности той местности, где живёт человек, только по его высказываниям. Действительно, место проживания накладывает отпечаток на человека, что непременно отражается в его речи. Ведь речь рабочего завода существенно отличается от речи писателя, а речь поэта – от речи рядового жителя деревни.

Ф.В. Попова является носителем базовой языковой культуры. Она говорит о своей жизни, говорит, как жилось ей в то время, когда средством оплаты проделанной работы были только трудодни. Из её речи мы можем понять, каков был уклад деревенской жизни.

Речь Фаины Васильевны Поповой спокойная, плавная. Очень часто на вопросы она отвечает вопросом – возможно, для уточнения – затем продолжает свой рассказ. Это говорит о внимании нашего информанта к собеседникам. Во время беседы Ф.В. Попова

использует вводные слова (*вот, в общем*). Разговаривает наш информант тихо, практически шёпотом. Возможно, это связано с тем, что она очень осторожна в своей коммуникации. Мы можем сказать, что по своему характеру Фаина Васильевна – очень скромный человек. Она всегда дружелюбна по отношению к своему собеседнику, часто улыбается. На когнитивном уровне анализа избранной языковой личности можно выделить такие обсуждаемые ею концепты, как «Семья», «Работа», «Хозяйство». Главные ценности Ф.В. Поповой – это дом и уют в нём. В беседах с Фаиной Васильевной Поповой проявляются, как нам представляется, устойчивые коммуникативные черты русского национального поведения.

Ниже приведена расшифровка текстов бесед с Ф.В. Поповой. Тексты были записаны Л.Ю. Зориной и И.И. Исаевым во время диалектологической экспедиции 2011 года. Беседу ведёт научный сотрудник Института русского языка РАН И.И. Исаев. Реплики интервьюера оформляются курсивом. Расшифровка произведена автором данного материала. Примеры, отмеченные знаком *, комментируются в конце раздела. Основаниями для комментария служат материалы «Словаря вологодских говоров» [СВГ].

Про родовспоможение

– А вот заговорили про детей. Раньше рожали, фельдшеров не было совсем?

– Н'э́ было́ / во́т отс'у́да воз'и́л'и туды́ / до То́т'мы-то / на ло́шад'и / а ло́шад'-то н'и ид'о́т дак // jийо́ с о́б'э сто́роны б'jу́т / б'jу́т э́то п'а́тофкоj-то / как п'а́тофкоj-то зва́ли то́л'ко н'и зна́jу / как зва́л'и-то//

– А что такое пятовка-то?

– А п'а́тофка э́то? / пос'о́лок зов'о́цца / н'э зна́jу jа́ то́чно-то // Как то́ко-то зову́т jийо́ / п'а́тофку ту // Одн'и́ п'ин'к'и́ бы́л'и – в'изу́т там // Опрок'и́нут т'иб'а́ тут / зака́т'ат обра́тно //

– А здесь разве не было людей, которые могли принять роды?

– Ну / ба́ушку пр'ив'ил'и́ дак / ц'а́jэм напojи́л'и / она́ захрап'э́ла / на пала́т'и зал'э́зла да и фс'о́ // Ста́раjа // Сказа́ла / вот–вот–во́т ро́диш / а jа́ ро́д'ила / там в го́род'э / доро́гоj //

– Дорогой?

– Доро́гоj на́цала / доро́гоj / доро́гоj / н'и могла́ род'и́т' // Ту́лов'ищ'э вы́тащ'ил'и / п'ат' к'илогра́моф // Сама́ то то́л'ко тр'и́цат' то́л'ко ш'э́с'т' //

– В ваших годах бабушки уже не помогали? Вы ездили только в город?

– Н'э́т / н'э зва́л'и / н'и ста́нут // Ма́ло и о́аушэк-то //

Про замужество и свадьбы

– А замуж выдавали родители или сами выбирали?

– Н'э́т / род'и́тэлэj / э́та у м'ин'а́ отц'а́-то уш н'э́ было //

– Ну а вообще, ни у Вас, а у других?

– А у друг'и́х да́ // Быва́jэт / са́м'и нахо́д'ат эш / са́м'и нахо́д'ат дак выдаjу́т за́муш //

– Нам про старое интересно. Как это делали?

– Д'э́лал'и дак / Пэрва́ просва́тк'и* //

– Что такое просватки? Когда делается?

– Как договор'а́ща / так просва́тк'и зову́т дак / во́т // Пото́м цэ́р'эз ско́л' вр'э́м'а расп'и́сывajуца ко́гды дак – дак тут и сва́р'ба* //

– А как договариваются на просватках? Что делают в этот момент?

– А в о́бщ'эм у м'ин'а́ у само́j н'э́ было н'икак'и́х просва́ток // Как догова́ривajуца?// Когда́ сва́р'бу сыгра́jут / когда́ што / где жив'о́т бу́дут / у кото́рых род'и́т'эл'эj // Ра́н'щ'э в'э́д' н'и как то́ко шо / кварт'и́ры бы́л'и дак //

– И вот, на просватках это решат. И свадьбу как скоро делают?

– Да́ / кому́ на́до ско́ро / кому́ // У на́с вот у Ва́л'и была́ сва́д'ба дак / на́до сва́р'бу / а ту́та н'э пуска́л'и / в о́бщ'эм м'иха́н'иком бы́л дак // На́до пос'э́jаца / Сн'э́гу навал'и́ло – н'ика́к // Вот и т'ану́л'и / пока ни пос'э́jал'ис' // И до́лго ли н'э́ было сва́р'бы //

– А после этого, значит, просватали, договорились. И как за невестой приходят, расскажите?

– Как прижожа́jут? / ран'шэ на ко́н'ах jэ́зд'ил'и-то / пр'э́жд'э-то фс'о́ // Пр'ижэ́жajут по н'ивэ́сту-ту / пов'эзу́т на сва́р'бу // П'эрва́ в одн'и́х д'э́н / а на друго́j д'э́н' п'и́ровы* н'ив'э́сты / а пото́м у жэн'иха́ // Э́дак зако́н вот бы́л //

– А когда у невесты празднуют, молодые входят в дом, им что-то говорят?

– А пр'ихо́д'ут дак / цивó говор'и́т'-то? / сод'а́ца / за стол са́д'ат их да и фс'о́ / во́т // Уха́жывajут за н'и́м'и фс'о́ //

– А сваты есть ведь?

– Как и сва́ты / с н'и́м'и фс'э́ / во́пщ'эм за сто́л сод'а́ца //

– А они зачем нужны?

– А дл'а цэво́ нужны́? // а быва́ла у Ва́с'и на сва́д'бэ дак / там софс'э́м н'э та́к / н'э ка́к у на́с дак / у сы́на у п'э́рвого дак // Там приволокл'и́ в о́бщ'эм кр'а́ж* / заста́в'ил'и ос'эр'э́д* избы́ п'ил'и́т' дрова́ / мо́жут л'и он'и́ / фс'о́ это над н'и́м'и насм'эха́л'ис'а // Д'э́н'г'и высоко́ пр'икл'э́ивал'и / в о́бщ'эм гд'э́ н'ив'э́ста / што́б жэн'и́х доставал // А у на́с э́того н'э́ было // <...>

– А работали вы где?

– А робо́тал'и // А п'эрва́ робо́тала / как ис шко́лы на́с куда́ пошл'у́т / там позову́т / куда́ напра́в'ат поробо́тат' // Пото́м т'эл'а́тн'ицэj тр'и́цат' годо́в / д'э́с'ат' л'э́т отробо́тала и пото́м / э́та / на с'энако́с посла́л'и / дол'о́ко / за с'э́м' кило́м'этров / дак на с'энако́с'э бы́л'и / вот л'эта́м'и та // А пото́м два́ го́да ов'э́ц' заста́в'ил'и попост'и́ /в л'ису́ то́жэ гон'а́л'и //

– Куда гоняли их?

– А гон'а́л'и там кило́м'итэр за цэты́р'э //

– В поле?

– Н'э́т / н'э в по́л'э / н'э пуска́л'и / в л'э́с / в л'ису́ посл'и́ // Попосла́ та́м / пото́м оп'а́т заста́в'ил'и и так фс'о́ / э́тот / цут' н'э до са́моj пэ́нс'ии // Ну два́ / полтора́ го́да / já н'эдо́лго до пэ́нс'ии забол'э́ла и бол'э́jу // Та́к / на ра́зных ход'и́ла / куда́ позову́т и фс'о́ // Тр'и́цэт' л'э́т пр'ишло́с' вы́тужыт' и во́т / кака́ худ'эн'ка́ / ви́ш // Фс'о́ на с'иб'э́ таска́л'и во́ду-та / на одно́м пл'э́цык'э / на э́том н'э умэ́jу //

– На чём таскали?

– А вот тако́jэ д'эр'эв'а́шка – туды́ в'идро́ / с'уды́ в'идро́ //

– Деревяшка эта как называлась?

– А д'эр'эв'а́шка коромы́сло зов'о́ца //

– А поплечник был у Вас здесь?

– Н'э́т / н'э зна́jу já тако́го / н'э слыха́ла да́жэ / а шо́ за попл'э́цн'ик //

– На что её кладут-то? Деревяшку-ту?

– На пл'эцо́ //

– На что?

– На пл'эчо́ / на пл'эцо́ вот та́к вот / на пл'эцы́ и нос'и́л'и // И т'эп'э́р'а он'и́ вал'э́jуца там / э́т'и д'эр'эв'а́шк'и // Н'и одну́ излома́лос' о пл'эцо́ / ско́л' за э́т'и года́ п'эр'эла́мывала // Нос'и́ла / нос'и́ла // Дак в'идро́-то ка́к / н'ибол'ши́jо в'о́дра дак два́ в н'эго́ войду́т / два́ /а тр'э́т'э н'эс'о́ш в рук'э́ // Бы́ло по шэс'а́т голо́ф на дво́jо / одна́ пас'о́т / друга́jа уб'ира́jэт навос / фс'о́ во́ду нана́шывал'и //

– А сколько было?

– По шэс'а́т голо́ф на цэлов'э́ка / дво́jо на́с / сто́ два́цат' вот // Там н'э́скол'ка ма́л'ин'к'их / кото́рыjэ ту́т управл'э́л'и // Ту́т их с'э́но / хо́д'иш ф по́л'о / там нако́с'иш / пр'ин'эс'о́ш ну́жу / ко́рм'иш их н'эбол'ши́jо / а бол'шы́х пос'о́м / поб'эжы́ш и с'э́д'эш та́м // На́до загон'и́ на м'э́сто / ка́ждому на́до на своjо́ м'э́сто // Он'и́ поб'эжа́т / там коло́ды бы́л'и д'эр'эв'а́нныjо / дл'и́ныj / во фс'у́ кл'э́тку / б'эжа́т / а кото́рыjо уш н'ила́дно доста́т – о́н н'э подojд'о́т уш – фс'о́ // jиво́ на́до оп'а́т на своjо́ м'э́сто л'икв'ид'и́роват' / и пото́м пр'ивы́кла / што́бы ка́ждыj на своjо́м м'э́ст'э // И он'и́ ста́л'и // Дв'э́р'и раствор'и́ла и запуска́jэш // Он'и́ за-

хо́д'ат / захо́д'ат / пр'ивы́кл'и дак // Ма́ло како́й заб'эжы́т гд'э н'ила́дно-то//

– Ма́л'ин'к'и дак / о́цэн' бы́ло тру́дно / п'эр'эсмо́тр'ис'и / цэго́ / мо́жэт н'ил'з'а́ пойи́т' т'о́м / друг'и́м пойи́т' на́до // Цайко́м л'и из до́ма н'эс'о́ш гд'э // цайку́ там / то в'идро́ / то ц'а́йн'ик'э наб'ира́йэш / отпа́ивайэш ма́л'ин'к'их // Ну два́цат' дн'я́ дойа́рк'и сдайу́т //

– А заболеет?

– А вс'а́ко быва́ло / и бол'и́л'и // За м'я́д'иком поб'эжы́ш / за враcóм / Б'эз м'я́д'ика ка́к? //

– А если врача не было?

– А в э́той д'ир'э́вн'э / а мы́ во́н там / два́ к'ило́м'этра // Та д'ир'э́вн'а дак да што / н'э зна́т куды́ э́тот дво́р / туды́ полк'ило́м'этра бо́л'шэ от д'ир'э́вн'и дак // Ка́к / бы́ло и но́цju под'о́ш – пров'э́р'иш // Фона́р'ик засв'эт'и́л / н'ика́к топ'э́р' / н'э э́дак / как бы́ло з'имо́й / другóй ра́з н'и мо́жэш вы́бр'эст' / так што́ jэво́ доро́гу тра́ктор сравн'а́ло / а фс'о́ равно́ на́о пр'ив'я́д' – вдру́к фс'о́ //

– Были ли люди, которые могли без врача лечить?

– И са́м'и трав'у́ рва́л'и / и ту́ сушы́л'и тра́фку / кото́рой мо́жно пойи́т' да фс'о́ д'и́лал'и са́м'и // Как дадут вс'эво́ враци́-т'и / то уко́лы сд'е́лajут / и вывод'иш э́дак / а он'и́ уш бу́дто под го́д вы́jдут-та / сдадут-та / дак са́м'и вод'и́л'и по го́роду / п'ишко́м и́х вод'и́л'и // Воро́цajуща обра́тно-то / о́-oj / дадут това́р'ишшэj так'их / дак б'jу́т и́х / а на́м жа́лко / н'э б'э́jт'э / н'э б'э́jт'э роб'а́та / домо́j уб'эжа́т / два́ да тр'и́ //

– Сколько ж у вас дороги были по времени?

– Ско́л' доро́г'и? // А во́пщэм пого́н'им / дак на Чур'и́лофк'э п'эр'энаго́вывajэм // Дого́н'им до Чур'и́лофк'и / пото́м от Чур'и́лофк'и оп'а́т дото́да / до м'э́ста го́н'им // Бы́ло / и на кат'эра́х воз'и́л'и / э́дак до у́ст'ja Уст'-П'э́ц'эн'г'и // Пр'иго́н'им ста́до / то и́х и зага́н'ивajут / и пов'эз'о́м дото́ды // Дов'эзу́т там / оп'э́т на́до и́х што́бы в свою́ ма́т' сда́т'-то // Уж зна́jош //

– А как узнавали?

– А как узнава́л'и? // Он'и́ да́жэ / зна́jэш / пр'ивы́кл'и дак / по го́лосу подхо́д'иш / дак и то мыца́т и гл'ад'а́т на т'иб'а́ / смо́тр'ат // Он'и́ э́дак пр'ивы́кл'и к т'иб'э́ / и ты уш пр'ивы́к // Уш мно́го-то годо́в / ну мно́го жэ́нщин ра́зных бы́ло со мно́j // Мн'э́ пр'ивод'и́лос во́пщэм // <...>

О приготовлении пищи

– Что раньше готовили? Какую еду?

– Каку́ju jиду́?/ А ра́нш'э таки́jo гл'и́н'аныjo / бол'ши́jo / в о́бщ'эм / как зва́л'и / пло́шк'и / пло́шк'и // Во́т / м'а́са нап'эк'у́т / фсо туда́-ка на-да́д'ат // Друго́j рас мас'а то / э́то наста́в'ат / супа́ / са́л'н'ик'и* // Са́л'н'ик

э́то / jайц' наб'ю́т / зал'ива́jут молоко́м / л'о́уково / п'э́ц'эн'и / это р'э́жут / потроха́ / в о́бщ'эм / называ́jэм как мы // Во́т / пр'ипаса́jут их / са́л'н'ик'и // Вс'а́кижэ творог'и́ / jайшн'иц'и / зов'о́м // Это jайшн'ицу из jайц с молоко́м / бол'шы́jо бл'уда́ да тар'э́лк'и / во́т // Их наста́в'ат дак говор'а́т / вы́гонка уш / вылеза́т из-за стола́ // Jижо́ как пр'ин'эсл'и́ / э́ту jайшэнку дак / ста́в'ат на сто́л // Фсо сам'и́м надо //

– А горячее? А первое?

– Гор'а́цэjэ? / Там супа́ гото́в'ат / как'и́jэ на́до дак / мо́жэт / и ра́зныjо сва́р'ат-та / хот' из м'а́са / хот' из друго́уо //

– А с капустой как называется?

– А капу́сту р'э́жут / и в су́п / и то́ко вот д'и́лajут э́дак / и ту́т / и ра́ншэ э́дак д'э́лал'и // В су́п крошы́л'и //

– А как суп из капусты называется?

– А бо́рщ нав'э́рно //

– А это где свёкла, а без неё?

– А б'эз св'о́клы дак н'э зна́jу как зову́т / как называ́jут jэво́ дак //

– А щи не называли?

– Да́ / сща́м'и называ́л'и // Су́п / токо су́пом зову́т / ту́та сщи́ / шт'а́м'и зва́л'и / во́т //

Отдарки* и подарки на заговенье*

– В ка́ждоj д'эр'э́вн'э б'эсо́ды* бы́л'и // Па́рн'и пр'иду́т – по кол'э́н'ам jэ́зд'ат // Захва́т'ат д'э́вку – по кол'э́н'ам jэ́зд'ат //

– За́говн'jо наста́н'от // Пода́j / па́р'эн'/ д'э́вк'э за́гов'эн'jо – про́с'ит jайц' // А ино́jэ у н'эво́ н'и одна́ пол'убо́вн'иц'а // Н'и́ одну́ д'э́вушку л'у́б'ит // Так э́та н'эс'о́т тр'иц'эт'/ друга́jа н'эс'о́т со́рок / ино́jо пр'ин'эсу́т jайц'-то / в в'эдро́ н'и вохо́д'ит //

А пото́м уш па́р'эн'-от / ра́с jэму́ уш пр'ин'эсл'и́ jайц'к'а / о́н гл'ад'и́т – на́дэ шт'о́-то // О́н ид'о́т в магаз'и́н / фа́тац'к'у* б'эр'о́т / каш'эм'и́ровуjу // Ино́jо с осып'а́м'и* / с э́дак'им'и к'ист'а́м'и / ино́jо так // Дак jа́ с'эjц'а́с как погл'ажу́ / у ва́с жы́з' / ак н'эв'эс'о́лаjа / у ва́с н'эт н'икако́во в'эс'э́л'jа // А у на́с бы́ло //

Рыбак и баба

– Говор'а́т / рыба́к встр'э́т'ит / во́т / ба́бу л'и / ково́ л'и / п'э́рвово пойд'о́т дак / н'эсца́с'т'jо //

Как отлучить мужика от вина

– Говор'а́т / из ры́бы п'júт / во́т / мужч'и́ны / дак св'э́жую ры́бу зло́в'ат / jэсшо́ б'jо́тца // Когда́ бро́д'ат / дак жывы́х / пода́в'ат их // Н'э у́м'эрл'и дак / он'и́ в вод'э́-то вы́бразгajут / в в'эдр'э́-то та́к / по кры́шк'э выл'эта́jэт //

– Быва́ло / у м'эн'а́ так // Дак говор'а́т / с э́той ры́бы / в одном м'э́ст'э / так то́жэ говор'и́л'и / шо зна́л'и дак // Мужыка́-то напо́jат / с э́той ры́бы // В в'ино́ / во́пщ'эм / отпуска́л'и ры́б'ину-ту / да э́то по́jат в'ино́ / он вы́пojот в'ино́ / н'и бу́д'эт в'ина́ л'убс'т'и́* / што́бы н'и п'и́л в'ино́ //

КОММЕНТАРИЙ

Бесёда Вечернее будничное собрание молодежи в доме, во время которого прядут, вяжут, поют песни и беседуют [СВГ, 1: 30].

Заговенье Последний день перед постом, в который верующим разрешается есть скоромное.

Кряж Любое бревно, идущее на дрова [СВГ, 4: 8].

Любсти Ср.: *любить*. Грамматическая форма на *-сти* образована по аналогии с глаголами *вести, трясти, нести* и пр.

Осеред Посреди, в середине (о пространстве и времени) [СВГ, 6: 74].

Осып *Осыпь* «кисть, пучок ниток, употребляемый как украшение» [СВГ, 6: 83].

Перва Сначала, прежде всего, в первую очередь [СВГ, 7: 26].

Просватки В свадебном обряде – завершающееся употреблением спиртных напитков сватовство, в ходе которого было получено согласие на брак [СВГ, 8: 90].

Сальник Кушанье из мелко нарезанных и отваренных субпродуктов, залитое салом [СВГ, 9: 87].

Сварьба Праздненство по случаю вступления в брак, свадьба [СВГ, 9: 100].

Фаточка Головной платок [СВГ,11: 168].

ЛИТЕРАТУРА

Воробьев Г.А. Печенья // Вологодская энциклопедия / Гл. ред. Г.В. Судаков. – Вологда: Русь, 2006. – С. 381.

Шилова И.В. Великий Двор // Вологодская энциклопедия / Гл. ред. Г.В. Судаков. – Вологда: Русь, 2006. – С. 92.

БАБУШКИНСКИЙ РАЙОН

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ МАРИИ АРСЕНТЬЕВНЫ МЕДВЕДЕВОЙ

С.А. Ганичева

Восток Бабушкинского района (Миньково, Рослятино, Подболотье, Логдуз, Козлец, Белокрутец и другие села и деревни) – территория, на которой до сих пор сохраняются архаичные черты вологодских говоров, уже почти исчезнувшие в речи жителей западной части этого же района. Даже у людей среднего возраста и молодежи можно услышать не только характерное вологодское оканье и особую интонацию (быстрый темп речи, повышающийся к концу фразы тон), но и диалектные грамматические формы (*пойти́ за гриба́м*) местные слова (*карто́вка, муря́вкать, уго́р*). Не случайно эта территория является настоящей «землёй обетованной» для человека, интересующегося диалектами.

Одна из деревень восточной части Бабушкинского района – деревня Козлец, входящая в состав Логдузского сельского поселения. Мы расскажем о жительнице этой деревни Марии Арсентьевне Медведевой.

Мария Арсентьевна провела в Козлеце почти всю жизнь. Она родилась здесь 24 октября 1941 г. Незадолго до этого, 11 июля, ушёл на фронт её отец, Арсентий Михайлович. Вскоре он погиб под Орлом. Семейная история рассказывает, что это случилось тогда, когда немцы обстреливали с холма советские войска, находившиеся в долине. Александра Максимовна, мать Марии Арсентьевны, успела отправить мужу только два или три письма. Последнее письмо, извещавшее о рождении дочери, не застало адресата в живых и вернулось обратно.

Александра Максимовна не вышла замуж второй раз. Предыдущие дети умерли, поэтому Мария Арсентьевна осталась у матери единственным ребёнком. До шестнадцати лет девочке платили пенсию по смерти отца – сорок рублей. Однако на руки эти деньги не давали: их засчитывали вместо налога или выдавали государственными облигациями.

В Козлеце Мария Арсентьевна окончила семилетнюю школу, единственную основную школу на всю округу (в большинстве де-

ревень были только начальные). Сюда приходили дети из Логдуза, Шаньгина, Белогорья и других окрестных деревень. Школьников было много. Например, в пятом классе училось сорок восемь человек, так что в кабинете кроме парт помещался только стол учителя, а также оставался узкий проход к дверям.

На каникулах дети работали в колхозе: боронили, возили навоз, пропалывали посевы... Часто приходилось работать ночью: днём лошадей мучил овод. Но и занимаясь тяжелым трудом, дети оставались детьми. Так, однажды ночью они боронили пары́, устали и прилегли поспать. Чтобы лошади не убежали, ребята привязали их к своим ногам. О том, что лошади могут чего-нибудь испугаться и поскакать прочь, никто даже не подумал.

Окончив школу, Мария Арсентьевна осталась в колхозе: сначала кормила овец, затем кормила и доила коров. Но колхозники в те годы зарабатывали не деньги, а трудодни. Это было не по нраву девушке, которая хотела хотя бы иногда покупать себе красивые наряды. С трудом добившись, чтобы ей выдали паспорт, Мария Арсентьевна в 1963 г. уехала в Мурманск, где устроилась на кирпичный завод. В Мурманске она прожила до 1965 г., навещая Козлец во время отпуска. Однако в 1965 г. заболела мать, и Мария Арсентьевна вернулась в родную деревню. Двадцать два года она проработала на хлебопекарне, после чего снова стала ухаживать за коровами на ферме. Там Мария Арсентьевна оставалась до выхода на пенсию.

Сейчас жизнь Марии Арсентьевны по-прежнему насыщена. Много времени занимают домашние дела, в которых помогает семья дочери, Екатерины Васильевны Шишебаровой, директора местной школы. В 2009 г. хозяйство Марии Арсентьевны получило высокую оценку: она стала победителем в одной из номинаций областного конкурса «Ветеранское подворье». Кроме того, Мария Арсентьевна – один из членов фольклорного ансамбля «Хуторянка». Этот коллектив сложился в 2003 г., когда его участники познакомились на фольклорном празднике «Костры Леденьги», организованном вологодским журналистом Анатолием Ехаловым. Репертуар ансамбля складывается из народных песен, известных исполнителям со времен молодости. Преимущественно это быстрые, задорные песни, которые часто сопровождаются пляской; Мария Арсентьевна исполняет также длинные и протяжные *долгие*

песни. «Хуторянку» приглашали выступать на фольклорных праздниках не только в Вологодской области (Никольск, село имени Бабушкина, Нюксеница, Вологда и др.), но и в Подольске и Санкт-Петербурге. Концертную одежду – нарядные парочки, сарафаны, исподки – участники ансамбля шьют для себя сами, ориентируясь на особенности традиционного костюма.

Мария Арсентьевна – интересный собеседник и хороший рассказчик. Её рассказы разнообразны по содержанию: воспоминания из детства и молодости, деревенские происшествия, концертная жизнь «Хуторянки»... В речи ярко проявляются черты вологодских говоров: оканье (*дорого́й, розробо́тано*), произнесение звука [ц'] вместо [ч'] (*ц'ай, му́ц'ка, ц'етверу́шка*), произнесение [шш] вместо [ш'ш'] (*крешшо́ные, ишшо́*), переход [а] в [е] и [е] в [и] под ударением между мягкими согласными (*опе́ть* – опять, *йи́здили* – ездили), заударное ёканье (*называ́лсё*), произнесение слова *ра́ньше* с твёрдым [н] (*ра́нше*), происнесение конечного сочетания *ст* как [с] (*мос, хвос*), форма дательного падежа множественного числа типа *грибам*, формы типа *оне́* и *одне́* вместо *они́* и *одни́*, возвратный суффикс, включающий гласный (*отвали́лисё*) и др. Речь Марии Арсентьевны богата диалектными словами и фразеологизмами: *хлё́стнуться* 'стремительно упасть, броситься на землю', *у́хать* 'говорить громко, кричать', *отростё́нки* 'первые ростки, побеги'. Заметны также индивидуальные особенности стиля, прежде всего частый повтор слов, словосочетаний, предложений: *Ма́ма, э́то ме́сто-то, а так, в колхо́зе робо́тала, а в колхо́зе ма́ма робо́тала*; *Вот и в магази́не и ста́ли, што сё́дне бе́лой хлеб, а бе́лой хлеб сё́дне*; *Вот при́дем, вста́нем, вот и йиди́м конфе́ты, а йиди́м конфе́ты*. Часто употребляются слова *вот, дак, э́то ме́сто-то* и т. п.

Далее приводится несколько текстов, записанных от М.А. Медведевой в июле 2012 г. Помещая здесь тексты, мы, с одной стороны, стремились максимально полно передать особенности речи жительницы деревни Козлец, поэтому привели здесь все повторы слов и словочетаний, слова типа *дак, вот, -то*. С другой стороны, мы старались сделать текст лёгким для чтения, поэтому использовали запись, максимально приближенную к орфографической.

Об истории деревни Козлец

Пошто́* вот дере́вня называ́ецца у нас Козле́ц? Ра́нешноё* ишшо́. В како́м... Ма́ма-то в деся́том, так пожа́р, вся дере́вня сгора́ла, так оно́ уж бы́ло... Оно́ сра́зу-то ц'у́ю*, вот, ра́нешние*-ти лю́ди роска́зывают, где вот Конё́во-то, ста́рой-то доро́гой йи́дим, дак тут дере́вня-та... Там вот уго́р*, то́же э́то розру́бали ведь круши́ны-то*, то́же был лес. Розруба́ли вот, коўды́ ишшо́ единоли́ц'но-то жи́ли, до э́тыё, до вла́сти-то. Дак а тут, ви́дно, уж оне́ попа́ли под э́то да всё, дак так там уж не стро́ились. А розробо́тать-то всё розробо́тано по́ле-то.

О детстве

Ма́ма, э́то ме́сто-то, а так, в колхо́зе робо́тала, а в колхо́зе ма́ма робо́тала. Де́душка уби́ли. Де́душко не зна́ет, что и я роди́лась. Я роди́ласё два́ццать ц'етвё́ртого октября́, а его́ увезли́ в сё́нешной* день на войн'у. Как война́ подняла́сь, его́ увезли́. На Петро́в день его́ увезли́. Письмо́ пришло́, пото́м второ́ё. Ма́ме-то пи́шет, што пиши́, ц'его́ роди́ла, ц'ево́ роди́ла. Ма́ма-то всё ишшо́ не роди́ла бы́ло. Пото́м э́то, посла́ла уж, как роди́ла меня́, посла́ла письмо́-то.

Дак был вот брата́н* ему́, а брата́н. «Из одного́ котелка́ мы, – г'ыт, – йи́ли, а йи́ли. Пиеся́т кило́метров до Орла́, – г'ыт, – не дошли́. Не́мцы-ти, – говори́т, – на уго́ре стоя́т, а мы в доли́не. Вот нас, – г'ыт, – и полива́ли там. Вот тут, – г'ыт, – он и поги́б, под Орло́м. Пиеся́т кило́метров до Орла́, – г'ыт, – не дошли́».

* * *

За меня́ вот со́рок рубле́й плати́ли, а со́рок рубле́й. Как тя́тя-то вро́де поги́б дак, со́рок рубле́й плати́ли, дак одне́ облига́ции задуши́ли, одне́ облига́ции задуши́ли. Дак ма́ма, коўды́ вот в шко́лу уж на́до идти́: «Да́йте хоть робё́нку-то мно́го ли ру́бликов, на́до и тетра́доц'ки, на́а и кни́жец'ки».

А ны́нц'е ведь и в шко́ле-то, а в шко́ле-то по де́сеть раз ко́рмят, а ко́рмят, да ишшо́ при́дут, дак и ры́лы и скося́т. А мы прибежи́м, а прибежи́м, шко́ла-то вот тут... «Побежи́мте на обе́д!» Обе́денна переме́на полц'аса́. Вот и побежи́м вдоль по дере́вне. Все, мно́го ведь робяти́шек-то бы́ло. А што прибежи́шь? Вот, бу́ди*, карто́вка*, карто́вка-то у нас была́. Дак карто́вину* съешь, вот и отобе́дал, а вот и отобе́дал.

* * *

Пы'ўко* ведь ху'до жи'ли. А пы'ўко* ху'до жи'ли крешшо'ные*. Сколь* оне' ху'до жи'ли, не'ц'ево ведь йисть-то, не'ц'ево бы'ло. А не'ц'ево йисть-то бы'ло. Прибежи'м вот изо шко'лы, вот на том уго'ре* был тако'й вот рув*, промы'ло, ви'дно, водо'й ли, што ли, не зна'ю. «Побежа'литё оре'хи иска'ть, а оре'хи иска'ть». Вот в э'том во рву-ту и ро'ёмсё. Вот и оре'шинки таки'е земля'ныё*. Оре'шинок попое'м, сла'дкие-ти оре'шки-ти.

А пи'стиков-то*... Пи'стики, вот и до'ма-то ска'жут, вот на'до пи'стиков принести', дак нам то'же неохо'та рвать-то ведь э'тих ма'леньких, вот то'лько из земли' выхо'дят дак... На'а вот таки'х ма'леньких рвать-то, а э'дакие вот больши'е-ти оне'... Оне' уж э'ти называ'ются пеганы'. Дак нам што'бы скоре'е корзи'ну-то нарва'ть, дак ведь пегуно'в-то нарвё'м. А што? На што' принесли'? То'лько скоти'не вы'валить и всё, а э'ти-ти ма'ленькие-ти са'ми йи'ли. Па'рили, йи'ли и так, е'сли му'ц'ка есь дак му'ц'кой ока'твали*, ля'паниц'ки* пе'кли.

Ли'пу йи'ли, а ли'пу. Ли'па-то э'дакая она'... Надеру'т вот с э'тих, с дере'вьев-то, а она' ведь э'дакая слизка'я, а слизка'я ли'па-то. Поповаря'т тут её'. Э'тот, ку'коль* йи'ли. Вот лён-от окола'ц'вают* дак вот э'ти, си'мя-то в э'тих, в голо'воц'ках-то, дак вот э'тот, кото'рый поми'л'ц'е-то, а поми'л'ц'е-то тут.

* * *

Худы'ё го'ды. Ц'ево' вот, одну' коро'вку мы всё держа'ли, а держа'ли коро'вку. Дак коро'вку де'ржишь, на'а двена'ццать килогра'мм ма'сла внести', е'сли не ма'сла, дак молока'. Не зна'ю, молока'-то мно'го ли, молоко'м-то... Мно'го пы'лко*, а мног'о пы'лко молоко'м-то. Дак мно'го ли досц'ита'юцца, а мно'го ли досц'ита'ют. И се'мьи есь, да и коро'вы-ти ведь ху'ды бы'ли, ниц'е'м не корми'ли. Оне' мно'го ли даду'т. И то на'до унести'.

Ку'рица е'сли есь у тебя', не спра'шивают, одна' или д'ве, три'дцать яи'ц унеси', а три'дцать яи'ц унеси'. Есь или нет тебе', вот мя'са, помо'ему, то'же по три'ццать ли, по со'рок ли килогра'мм накла'двали*. Ц'ем у тебя' плати'ть, а ц'ем у тебя' плати'ть, есь или нет у теб'я кого' сдава'ть, а пода'й и всё. Купи'. А на што ку'пишь? На што ку'пишь?

* * *

Не зна'ю, собра'ния, не зна'ю, выбора' бы'ли. Не зна'ю. Вот из-за второ'го со'рту попекли' надо'мники* вот, хли'бца, не зна'ю. Розреши'ли, ви'дно, мно'го ли то му'ц'ки ли, што ли. Вот и в магази'не и ста'ли, што сё'дне бе'лой хлеб, а бе'лой хлеб сё'дне. Ма'ма говори'т:

«Мне э́то и куска́ не на́до, я в о́ц'ередь не пойду́» – «А я, ма́ма, пойду́. А пойду́».

Ста́рой магази́н-то был, э́тот уж по́сле поста́вили. На крыле́ц'ке все стоя́т, што наро́ду, што наро́ду... Магази́н э́тот откры́ли, да э́тот наро́д и хлы́нул. Меня́ э́дак в э́том, наро́де-то, я уж не нога́м иду́, а уж меня́ садя́т так. «Ой, де́воц'ку-то ухо́дитё, ой, де́воц'ку-то ухо́дитё». Кусо́ц'ек вот, так'у лепе́шец'ку. Ну с таре́лку, мо́эт побо́ле. Вот э́та буха́ноц'ка дак вот. На ц'етверу́шки дак розде́лали, по ц'етверу́шке бе́лого хле́ба.

* * *

Дак вот где кле́вер рос, дак вот иду́т с робо́ты доро́гой, дак не сорви́-ко вот кле́веру. Кле́вера не розреша́ли. Наро́ду йи́сь не́ц'ево, а йись не́ц'ево, но не сорвё́шь, а не сорвё́шь.

И одева́цца на́до. Си́яли лён-от вот тут, лён был, где тут кла́дбишше топе́ре*, тут. Нам э́ти ма́тери: приходи́тё, мы вам по сно́пику навя́жем, дак вы убежи́тё по дере́вне-то. Мы с э́тим сно́пиком-то побежа́ли ко шко́ле-то вот сюды́, э́дак напряму́ю-то. Председа́тель и закриц'е́л: «Ва́ши вы́родки, а ва́ши вы́родки со́ льном побежа́ли, э́то ц'ьи бы́ли?» А мы ко́ двору-то без души́ бежа́ли с э́тим сно́пиком-то.

Вот на том уго́ре* топе́рь* уж лес. Та́мока* жа́ли, а жа́ли ма́тери. И мы пошли́, и тут вот под шко́лой-то, под дере́вней-то горо́шек был поси́ян. Мы с кра́йц'ику и зашли́ струц'е́ц'ков горо́шку. А там была́ вот си́лосная я́ма за доро́гой колхо́зная. Горо́шинки, струц'е́ц'ки-ти э́ти сорвё́м да йиди́м, сорвё́м да йи́дим. А пото́м уви́дели, он от э́той, от э́той я́мы-то от сило́сной, да на э́той лошаде́-то...[Имеется в виду председатель колхоза – С.Г.] Мы сюды́ уж к уго́ру* не ки́нулисё, к дере́вне, а туды́, за Козле́ц, да в ку́сты. То́ко* в ку́сты-ти забежа́ли, а то́лько забежа́ли в ку́сты-ти, всё уж нас, а всё хлё́снулисё*, што всё ровно́ он по ку́стам не пойи́дет. «Вы́родки, а вы́родки, я бы как вас нагони́л*, дак всех прито́лк*, всех бы прито́лк!» За горо́шинки.

* * *

Всё прожи́то. Нас ведь мно́го, вот уц'и́лисё мы, пя́той класс нас был, не со́рок ли во́семь ц'елове́к бы́ло в пя́том кла́ссе. По́лный класс, па́ртов по два ц'елове́ка сиде́ла, то́ко* вот у уц'и́теля у сте́нки так в уголке́ сто́лик стоя́л. Доска́ была́ на э́том, на стене́, ви́дишь ли, пове́шена. И логдузя́на* ходи́ли в пя́той-от класс уж отту́да, Ша́ньгино, Белого́рье... Топе́рь* уж и дереве́нь-то нет. Белокрутцы́. Вот Нико́льской-от райо́н-то, тут все дереву́шки. Никола́ево. Все.

В шко́лу, то́ко* снег вот сохо́дит*, шко́ла-то вот тут была́ мы учи́лисё, пони́же. Бо́сыё, в шко́лу-ту прии́дем, а уж не ста́нут ведь топи́ть-то, с пе́рвоо-то ма́я, на па́рте-то сиди́м, но́ги-ти под себя́ запеха́ем, отмерза́ют но́ги-ти, отмерза́ют. Все в э́том ишшо́, в грязе́-то, все ростре́скают, а ростре́скают, кроў бежи́т.

В шко́лу коўда́* побежи́шь, а побежи́шь, што ведь ни кастрю́ли, ниц'ё́ не́ было, горшки́ ведь ра́нше бы́ли. Ма́ма поста́вит к огню́-то горшо́ц'ек-от, води́цы ленё́т*, да молока́ ленё́т*, да вот э́тот крахма́л-от, карто́винки*-ти изотрё́шь уж*. Заболта́ет*, а заболта́ет*, да похлеба́ёшь.

А ра́нше бы́ли вот поду́шец'ки таки́е поло́скам, конфе́тки, и кру́гленькие. А вот како́й-то арома́т был, за́пах како́й-то был. Пойё́мте в магази́н, пою́хаем-те хоть конфе́ты. Вот при́дем, вста́нем, вот и йиди́м конфе́ты, а йиди́м конфе́ты. Пою́хаем, найи́лися и пошли́. Найил́ись и пошли́.

А ны́нц'е в шко́ле по де́сеть раз ко́рмят, а по де́сеть раз ко́рмят. По де́сеть раз. Как прихо́дят, а как прихо́дят, молока́ во́зят топе́ре*. Молоко́, бу́лоц'ка или бутербро́д како́й, или што. В э́тот... Ишшо́ нако́рмят, ишшо́ ры́лы и скося́т.

О молодости и молодёжи

Говоря́т, топе́ре* ху́до живё́м. Нет, хоро́шо живё́м. Тогда́ мы ху́до жи́ли. Подхо́дит и пра́здник, и пра́здник подхо́дит. Всё ровно́ мо́лодность-то есь, молодё́жь-то ишшо́ была́, всё ровно́ вот э́дак собира́лися всё. У кото́рых всё́-таки где в го́роде хто есь, то сестра́, то брат, дак там како́го си́тц'иц'ку по пиеся́т-то копе́ек и пошлю́т, дак ц'его́ и сошью́т, пла́тьиц'е ли што... А у меня вот нико́го не́ было дак. Пы́ўко* тя́жко. Пы́ўко тя́жко.

* * *

Эх, вот топе́ре* бы молоды́ё-то го́ды... На́до, всё равно́, ху́до живё́м, а всё раўно́ вот в Подболо́тьи справля́ли всё Тро́ицу-то та́мока* два дни. Бати́нки вот. Ну, как мужски́е они́ боти́нки-ти, э́дакие вот мы носи́ли. А вот э́ти места́ уж оне́ ста́рыё, дак э́ти места́-то все поистре́скали у обо́их, у подру́жки и у мен́я. А э́дак вот по́сле до́ждика в аккура́т. Г'рю: «Зна́ешь што? Подё́м зали́зем в грезь, вы́ташшим боти́нки-ти, гре́зью там...». Оне́ все отвали́лисё тут. Вот и молодцева́ли*.

* * *

Е́хали как-то мы на ме́льницу. Вот бы́ли э́ти ме́льницы-ти ишшо́... Водяна́я была́ там на реке́. Э́то... Яц'ме́ни насуши́ли да ту́тока*... Вот из того́ до́му вон, Ва́ська... Вон, сноха́ у йих ко́ней корми́ла. Я прие́хала, ви́дишь ли, но ло́шадь-то уж увела́ я на коню́шню-то. Говорю́ ма́ме: «Гово́ри, што оне́ не прие́хали ишшо́ на ме́льницу, ви́дно, ноц'ева́ют сё́дня*». Оне́ сту́кающцо, а сту́кающцо. Ма́ма выхо́дит: «Нет Ма́ньки-то. Уе́хали ведь оне́ на ме́льницу, дак ишшо́ не прие́хали». Поко́йник хохота́л, г'ит: «Нет, нет, тё́тушка, врёшь». Ню́роц'кой зва́ли ло́шадь. «Я ходи́л дава́ть, – г'ыт, – лошадя́м, да Ню́роц'ка на ми́сте сто́ит. Ты, – г'ыт, – тё́тушка, врёшь, а врёшь, тё́тушка. Откры́вай, – г'ыт, – дава́й».

* * *

Ра́нше бу́ди* по пра́здникам бы́ли самова́ры, дак то́ко* бу́ди по пра́здникам ц'ай пи́ли. Ка́дц'а* воды́ вот стои́т, в той ста́рой избе́ жи́ли. Лю́ба пошла́... Молоко́ носи́ли на маслозаво́д. Коро́в подои́ли, отё́лка*... О́сенью, грезь, ведь ни фонаре́в, ниц'ево́ не́ было, всё на о́шшупь. Молоко́ на маслозаво́д унесли́.

Лю́ба г'ыт: «Я пойду́, – говори́т, – воды́...». Клюц' та́мока* вот внизу́, не́ было коло́нок-то. «Я, – г'ыт, – пойду́ по́ воду» – «Я не пойду́, Лю́ба, по́ воду. Там мно́го ли то есь в ка́доц'ке воды́, мы с э́той ноц'у́ём, а за́втра бу́ди* пойду́ я со двора́, дак принесу́ воды́-то». Э́то... Подхожу́ ко крыльцу́-то – по́лная изба́ молодёжи сидит. Розвороти́ласё, э́то... Пошла́ за водо́й, то́лько ка́дца поё́т. Попойидя́т, а попойидя́т, а ц'ай-от не пи́ли ишшо́. Лю́ба уж ушла́, я сюды́* в потё́мках сходи́ла по́ воду. Прихожу́, а прихожу́, говорю́: «Сиди́тё, в ка́дце вот воды́ нет, а пить-то пьи́тё» – «Дак што нам, тё́тушка, ты не сказа́ла, мы бы сходи́ли по́ воду-то, а сходи́ли бы по́ воду-то». Говорю́: «Я подошла́ ко крыле́ц'ку, и я приста́ла* как соба́ка весь день». Было э́тих семнадца́ть коро́в, рука́м дои́ли, да бык был, дак на́до привести́, да на́до накорми́ть, да о́сенью-ту йих уж не выпуска́ёшь, дак во́ду-ту на себе́ носи́ли, где-ка, в како́й я́ме найдё́шь. Но́сишь да но́сишь, но́сишь да но́сишь, йих пои́шь. Да говорю́: «Я приста́ла и пришла́, ишшо́ от крыле́ц'ка завора́ц'иващца и по́ воду идти́». Говорю́: «Я при́ду, дак закро́ю всё, дак не пушу́». Не́ было ведь клу́ба-то. У нас дев'ок-то ма́ло бы́ло, оне́, поку́дова мы во́зимся на дворе́-то, оне́-то поро́й при́дут, молодё́жь-то, в ка́рты игра́ют.

То стекло́ от ла́мпы спря́таю, а стекло́ от ла́мпы спря́таю. «Дак стекло́ ло́пнуло, а бо́ле нет». Што, с копти́лкой ли што? С копти́лкой ста́ли сиде́ть. «А за́втра схо́дим в конто́ру, украдё́м, принесё́м стекло́». Схо́дят в конто́ру, сви́стнут. То кероси́ну нет, схо́дят, в конто́ре

вы́льют из ла́мпок и кероси́ну принесу́т. Всё ровно́ где-то седи́ть-то надо. И надоеда́ют. Не как ны́нц'е, ведь ра́нше не сыма́ли о́буви-то. Пола́-ти некра́шеные бы́ли... Так ма́ло земли́ принесу́т, наку́рят ишшо́.

О том, какая выпечка была раньше

Пекли́ ры́бники, ша́ньги*, хво́росты*, блины́... Пряжё́ники*, я роска́зывала и в Семё́нкове. По э́тому, по ра́диу, как я роска́зывала, дак поповторе́ли. Я не пека́ла то́же, а давно́ не пека́ла. Потому́ што не могу́ у пе́ц'и стое́ть. Пряжё́ники вот ... На пироги́ дак гу́ше меша́ешь, на пряжё́ники те́сто заме́шиваёшь пожи́же, а пожи́же. Роската́ёшь, они́ поподы́муцца, на скатё́рку* и пото́м на ско́вороду и на огне́ там, в пе́ц'е, и пекё́шь. Э́то тут, ка́к его, сырома́заники*. Там-ко, в Семё́нкове-то: «Сырома́заники, а сырома́заники вот, – говорю́, – как пекли́ ра́нше у нас». Говорю́: «На ско́вороду ли́ли ма́сло и пото́м пряжё́ник кла́ли. И у нас, – говорю́, – называ́лсё сырома́заник. У кого́, – говорю́, – как, а у нас э́дак бы́ло». И он кипе́л тут, в ма́сле-то. Э́тот сырома́заник-от.

О том, как раньше праздновали праздники

Никаки́х пра́здников не ста́ло. Што ра́нше вот Тро́ицу, вот за́втра Петро́в день, ра́нше соберу́цца, вот ба́бы-ти, вот ма́мин-от слой, лю́дно* ведь э́тих, послевое́нных-то вдов бы́ло. Оне́ и угоре́лом игра́ют, оне́ там и ишшо́ каку́ю игру́, всё бе́гают, ся́дут вот, днём-то, здись вот кана́ва была́, доро́га-то больша́я-то ра́нше по дере́вне шла, дак э́дакие окана́вленные. Оне́ сец'а́с* сарафа́ны загиба́ют, садя́цца, ну и говоря́т: «Дава́й, пой пи́сни». Ста́нем петь дак вот в оди́н го́лос, в два го́лоса, вот э́дак. Э́то, а я вот не уми́ю. Я мала́ была́ и е́тим не занима́лась, а не занима́лась этим. Вот и запою́т, а и запою́т.

Пе́сни э́ти дереве́нские-ти как зароди́лася? Вот робяти́шки-то ишшо́ бы́ли, дак мно́го игроко́в-то было у робяти́шок-то вот в талья́нки-ти эти, как Анастаси́й-от вот игра́л, в талья́нку-ту, таки́е талья́нки бы́ли. Дак оне́ сец'а́с* наста́вят: «Вот, никуда́ не пойди́тё, вот ста́нете...». То та нац'ина́й, то друга́я нац'ина́й... Пляса́ть заста́вят, а пляса́ть заста́вят.

О вечеровках

Ле́том дак на вец'еро́вку* ходи́ли, база́рили всё на вец'еро́вке, хто пля́шет, хто поё́т, хто ц'его́. Хто ц'ем за́нят. А зимо́й вот в ка́рты иг-

ра́ли, мы вот, как не уста́нешь коўды́* дак, то вот поповя́жёшь, то повышива́ёшь ц'его́ вот э́дак. Ну полоте́нце, так вот. А уста́нёшь дак и так пролёжи́шь.

Песни

Мы йи́здим, ба́бы-ти не зна́ют до́лгих-то пи́сен. А вот э́тих, кото́рые я пою́. Оне́ не зна́ют э́даких. Оне дереве́нские-то пою́т, а э́даких не зна́ют оне́. Шу́ре-то [подруга – С.Г.] я и носи́ла ско́лько раз, е́то, носи́ла, каку́ я носи́ла? «По До́ну гуля́ет каза́к молодо́й». Говорю́: «На, мо́жет, споё́м коўда́*». «Досу́г мне пи́сни уц'и́ть. Досу́г мне пи́сни уц'и́ть». Всё при робо́те, уж пы́лко* мно́го робо́ты.

Ра́нше вот э́ти, ба́бы-ти, вот ма́ма да все вот э́дакие, э́тот слой, я запо́мнила, вот оне́ и пи́ли вот, я расска́зывала, в два-три го́лоса, да всё. Вот оне́ садя́тся вот в пра́здники-ти, вот и в Петро́в день... Сё́днешний* бы день вот ве́ц'ер... Упра́вились бы сец'а́с вот ве́ц'ером, и выхо́дят все на вец'еро́вку*. Все выхо́дят на вец'еро́вку, вот и нац'ина́ют, хто ц'его́. Хто по гармо́ни поё́т, хто так вот... До́лгие э́ти пи́сни пою́т. Вот в два го́лоса, ви́дишь ли, и в три оне́ пи́ли. А я не уми́ю. Я мала́ была́. Пи́сни-ти хоть я зна́ю вот, а пить-то я не уми́ю так, как оне́ пи́ли.

* * *

Моря́ц'ка

На берегу́ сиди́т моря́ц'ка,
Она́ плато́к шелко́вый шьёт,
Робо́та тё́плая така́я,
Но шё́ўка ёй не достаё́т.

И тут на сц'а́стье бе́лой па́рус,
В тума́не го́лубого дня.
«Моря́к чуде́сный, нит ли шё́ўка
Хотя б немно́го для меня́?»

«Для вас, красо́тка, шёўк найдё́тся, –
Ей отвец'а́ет капита́н, –
А вы не бо́йтесе, взойди́те,
На па́лубу к матро́сам к нам».

Она взошла´, подня´лся па´рус,
Матро´сы шё´лка не даю´т,
И про любо´в страны´ далё´кой
Оне´ ей пе´сенки пою´т.

Под шум волны´, под звон гита´ры,
Она´ засну´ла как дитя´,
А просну´лась – увида´ла:
Круго´м сине´ются моря´.

«Моря´к, пусти´ меня´ на бе´рег,
Мне то´шно от волны´ морско´й» –
«Проси´ што хо´чешь, но не е´то.
А ты оста´несся со мной» –

«Нас три сестры´: одна´ за гра´фом,
Друга´я ге´рцога жена´,
А я всех кра´ше и моло´же,
Просто´й моря´ц'кой быть должна´?» –

«На´ша страна´, Брета´нь, бога´та,
Я сла´влюсь сы´ном короля´,
Повсю´ду вас иска´л по све´ту,
Тебя´, краса´вица моя´».

* * *

По До´ну гуля´ет каза´к молодо´й

По До´ну гуля´ет, по До´ну гуляе´т,
По До´ну гуля´ет каза´к молодо´й,
А там де´ва пла´ц'ет, а там де´ва пла´ц'ет
Над бы´строй реко´й.

«О ц'ём, де´ва, пла´ц'ешь, о ц'ём, де´ва, пла´ц'ешь,
О ц'ём слё´зы льёшь?» –
«Как мне не пла´кать, как мне не пла´кать,
Слёз го´рьких не лить?

Цыга´нка гада´ла, цыга´нка гада´ла,
За ру´ц'ку брала´.

Не быть тебе´, де´ва, не быть тебе, де´ва,
Заму´жнёй жено´й» –

«Не верь, дорога´я, не верь никому´,
Пове´рь, дорога´я, лишь мне одному´.
Пое´дем венц'а´цца, пое´дем венц'а´цца,
Я вы´строю мос, я вы´строю мос,
На тысе´ц'у вёрс».

Я слы´шу-послы´шу: мосто´ц'ки гуду´т.
Наве´рно, наве´рно, неве´сту везу´т.
И конь спотыкну´лся и сши´бся с моста´,
Неве´ста упа´ла в круты´ берега´.

Вперёд закриц'а´ла: «Прошша´й, мать, оте´ц»,
А втор раз криц'а´ла: «Прошша´й, бе´лой све´т»,
А тре´тий вскриц'ал´а: «Прошша´й, ми´лой мой,
Наве´рно, наве´рно, не жить нам с тобо´й».

О вещах, переданных в «Центр традиционной народной культуры» в селе имени Бабушкина

Оста´тки с Пле´шкина ба´бы по´слали. Оста´тки, таки´е кусо´ц'ки, я па´роц'ку* сши´ла. Оста´лосё... Три фа´ртука ей [руководителю Центра – С.Г.] сши´ла, таки´е вот как ра´нше, с гру´дкам*, вот таки´е. Отдала´ тя´тину руба´ху, вот атла´сная, пре´жняя*, вот така´я. Она´ была´ а´лая, но уж пото´м сде´лалася така´я как жеўтова´тая. Таку´ руба´ху отдала´. Вышиту´ю, э´дакую вот, домотка´ную. Вышита´я. Ту отдала´. Штаны´ отдала´ ма´мины. Ма´ма ишшо´ йи´здила де´вкой; ра´ньше Мо´лотовск был ведь, топе´рь*, наве´рно, Севродви´нск. Дак привози´ла э´того мате´рья, дак па´левик* у её был тако´й. Вот я и г'у: «Ма´мин ишшо´ есть сарафа´н у меня па´левой». Тот отдала´ ей сарафа´н, отдала´ шта´пельную кра´сную ко´фту, вот с коке´ткой. Пото´м с грибо´ц'ком сати´новую а´лую отдала´, вот так грибо´ц'ек посажё´н. Полоте´нце вышито´е, фа´ртук отдала´, а фа´ртук отдала´. Не зна´ю бо´ле, ц'ево´ ишшо´ дала´. Сарафа´нка* была´, вот как пре´жняя пе´стредь. Пе´стредь тка´ли вот, и испо´дки* ши´ли, и руба´хи ра´нше ши´ли, э´то вот. Така´я сарафа´нка. Сарафа´нку ёй отдала´.

О птицах и связанных с ними приметах

Есь вот ста́рая это при́сказка ли, погово́рка ли, што ли. Е́сли во́рон, вот во́роны-ти ц'ё́рные-ти лета́ют, е́сли вот он полете́л над до́мом, то в до́ме како́е-то несц'а́сьё бу́дёт. Он прино́сит нехоро́шую вись, а нехоро́шую вись. Е́сли на дворе́, дак со скоти́ной што́-нибудь. А уж так дак, е́сли на избе́ дак...

Ну когда́ вот соро́ки ишшо́ шшоко́ц'ут*. Дак е́сли соро́ка шшоко́ц'ет, дак е́сли до ху́да гляди́шь, шшокц'и́, а к ху́ду – дак замолц'и́.

Ла́стоц'ки ны́нц'е заве́ли вон э́тот, гнездо́. Как-то заводи́ли... Сќолько годо́в заводи́ли, а ху́до, ви́дно, пополепи́ли, отвали́лосё. Да ско́лько годо́в не заводи́ли, а ны́нц'е опе́ть налепи́ли. Ой, ведь оне́ што де́лали. Ой, оне́ пополета́ли, и топе́ре*-то лета́ют. А коўда́* лепи́ли-то, ну ц'ево́? В ро́тике мно́го ли принесу́т ... А большо́е гнездо́ слепи́ли. Здись, под застре́хом* вот .

О том, что растёт в огороде

Карто́шка одна́. Ра́нше и си́ели, и всё, а топе́ре* ишшо́ комба́йнов нет, колхо́зу нет, молоти́ть не́ц'ем дак... Ниц'ево́ нет, одна́ карто́шка ростё́т. Карто́шка, лук, капу́ста вот... Огу́рц'иков... Там, в э́том шалаше́*, есь огурцы́ и тут вот... Э́ти я неда́вно сади́ла, уж капу́сту вы́садила, дак оне́ ишшо́ э́ти ма́ленькие. Там э́то, ка́к его, морко́вка есь, в э́тих ку́стах-то гря́дка нако́пана. Здись укро́п, свё́кла, наве́рно, и капу́сты-то тут есь ма́ленькая гря́доц'ка.

Я вот э́ти, вот э́тот-то, кака́я-то трава́ вот э́дакая, я не люблю́. Вот при́ду коўда́*, в борше́-то э́тот опе́ть, говорю́, воню́ц'ие тра́вы. Ра́нше на сеноко́с вот, колхо́з-от был дак, заре́жут там вот то телё́нка, ишшо́ бы́ли ра́нше-то и о́вцы... Ну вот на сеноко́се-то и варя́т суп. Как бро́сят э́тот паке́т, не могу́ и есь. Вот како́й-то траво́й за́пах, не зна́ю, што за трава́ тут... Не могу́ переноси́ть и всё.

У нас поги́бла эта... Кус есь ту́тока, дак ма́ленькой ишшо́ вы́рос... Отроди́лся от корешко́в. Всё у нас поги́бло. Замё́рзло бы́ло. Вот ц'е́рез доро́гу вот у сосе́да ой кака́я я́блоня была́, да вот таки́е-ти я́блоки... Всё лони́* спили́л, всё... А у меня́ вот то́лько вы́стояла больша́я-то, э́ти, э́ти-ти, кра́сненькие-ти. Кита́йка ли, как оне́... Вот тех нава́лом*. Я и попова́рю и пови́длы-то, где-то и насушё́нные есь, вот, и насушё́нныё. Пови́длы-то корове́ в пойло́.

О комнатных цветах

А э́то вот, э́то ме́сто-то, с Ля́меньги привезла́. Говорю́: «Мне охо́та кра́сные гера́ни». Дак э́то Ва́нина [зять – С.Г.] сестра́ На́дя там живёт, зе́тя-то, дак вот она́ мне то́же отре́зала, дак и е́та зацвела́. А вон е́ти два отросте́нощка таки́ё вы́росли, а вы́росли, я вон пересади́ла их, дак вон те ведь моло́денькие-ти на том око́шке, на том око́шке, гли, как они́ росцве́ли. Те моло́денькиё. Была́ ишшо́ ка́к его, забы́ла и как называ́ецца, а́лым-то ша́пкам таки́м... Не зна́ю, ро́за ли, как... И была́ она́ на том око́шке. Росцвела́, э́дакие ша́пки-ти больши́е, она́ до́ўго... И маши́на стира́ла, а е́та, О́ля-то ко поста́вько на холоди́льник у́ксус буты́лку. Поста́вила, а оно́ хо́дит ведь под маши́ной-то, пол-от. Она́ уксу́са слете́ла, буты́лка-то, да то́ко* ло́пни. Што́ э́то, э́то што́ цветы́ ста́ли у меня́... Ишшо́ како́й-то цвет... Это што́ тако́ё, ли́стья свё́ртываёт и всё. Пото́м дошло́, што у́ксусом свари́ло, э́тим во́здухом-то, а во́здухом свари́ло. А так ниц'ё́ не могла́ и сде́лать. Всё раўно́ она́ поги́бла. От у́ксусу-то.

О том, как снимали кино про Бабушкинский район

В про́шлой год приезжа́ли сыма́ли в райо́н-от кино́-то. Я то́же с полуно́ц'и* среди но́ц'и в три ц'аса́ вста́ла. Пирого́в напекла́. «Ц'а́ю, – говорю́, – вы бу́дете»? А мне ни к ц'ему́, што городски́е, так им вот на́до молока́ и яи́ц нава́лом*.

Я наряди́ласё вот э́та, кото́рая толста́я-то испо́дка*, сра́зу-ту нас увезли́ в Ло́гдуз, это кино́ вот про Ба́бушкинский райо́н. Приезжа́ли то́же с Во́логды ети фото́графы-ти да всё. В Ло́гдузе там на берегу́ ушли́, там пляса́ли, ма́ленькие бы́ли робё́нки с нам, э́то всё. А ма́ло... Э́то то́ко* проме́лькнуло, а проме́лькнуло дак. Мы ц'ево́, шестё́рку*, наве́рно, пляса́ли, дак нас-то ви́дно в э́том, в кине́-то, э́то, мы с Шу́рой, дак ишшо́ не зна́ю, Ра́я ли, О́льга ли тут стое́ли с нам. Да робё́нки*-ти, ц'его́-то тут оне́ ишшо́ пляса́ли вро́де э́дак, не зна́ю, оне́ своё́ пляса́ли. Их-то э́дак проме́лькнуло, а проме́лькнуло.

С э́тим, с фото́графом меня́ на маши́ну да сюды́*. А NN. уж прие́хала на друго́й маши́не сюды́, ко мне, а ко мне уж прие́хала. Мы йи́дим, она́ уж выхо́дит. Говорю́: «Хоть ты пила́ ли, нет ц'а́я-то?» – «Пить не пила́, а не пила́. Недосу́г» – «Ну дава́й». Я сец'а́с, на стол ско́ро тут накры́ла, попи́ли, пои́ли, и она́ мне-ка до э́того-то звони́ла: «Ты не опу́скай* коро́ву». «А ц'его́, – говорю́, – кто знат, мы когда́ при́дем, дак корова́-то у меня весь день муря́вкать*-то бу́дет тут». Говори́т: «Дак у тебя́ есь кто до́ма-то, во дворе́-то?» Говорю́: «Бык! Ма́ленькой быц'о́к, а ма́ленькой быц'о́к есь» – «Ну, выпуска́й!»

Я молока́ налила́ э́тому телёнку, вот в ту испо́дку*-то в толсту́ю наряди́лась, в э́тот сарафа́н-от, в фа́ртук-от в э́тот вот, с си́ним-то тасёмкам*. Вы́шла тут этого телёнка пои́ть, а телёнка пои́ть, вот оне́ и фотографи́ровали, дак э́то в кине́-то пу́шшеное. Да пото́м в по́ле вот: «Ишшо́ бы коро́в». А говорю́: «Недалёко коро́вы хо́дят, пое́хали-те в по́ле». А в по́ле ведь я вы́шла, дак ишшо́ в по́ле-то там в э́ти, в коро́вах-то проме́лькнула ско́лько раз. Э́та, NN.-та и говори́т: «Дак ты не у́видела сама́-то себя́». «Кто́-то проме́лькнул, дак, – говорю́, – я не розгляде́ла». Говори́т: «Ты ведь в коро́вах-то бе́гала». И каза́ли э́то кино́-то. В Ло́гдуз приезжа́ли на э́тот, на престаре́лой-от пра́здник. Дак мы с Шу́рой-то то́же йи́здили туда, а то́же йи́здили.

О поездке в Санкт-Петербург

Мы были в э́том, в Семёнкове два раз, йи́здили в Ленингра́д, бы́ли в Ленингра́де, в Подо́льск-от вот йи́здили, в Шексне́ бы́ли, в Си́зьме бы́ли, в Ню́ксеницу…

В Ленингра́де-то попросто́рней, а попросто́рней, не как в Москве́. Где-ка э́ти столбы́-ти бето́нные-ти э́дакие, дак нас вокру́г его́ не оди́н раз мы объезжа́ли. Не зна́ю тут, в како́ё-то заведе́нье, в Ленингра́д, а в Ленингра́де-то. Бето́нноё, ой, каки́е столбы́. Не зна́ю, како́е, Эрмита́ж ли, што ли. Ну, была́ же́ншина: «Я, коне́чно, – говори́т, – не курсове́д*, я, – г'ыт, – исто́рик, – дак э́то зна́ю, – говори́т, – я. Я исто́рию в шко́ле препода́ю». Она́ всё с на́ми е́хала, мы на пере́дней сиде́ньи сиди́ли тут с Шу́рой [подруга – С.Г.] дак, она́ во́зле на́с сиде́ла дак с э́той, с ду́дкой-то, дак всё росска́зываёт. Всё, и пое́хали и домо́й, сухо́й нам паёк да́ли тут, всего́… Ак, куды́, наве́рно, мы в Подо́льск йи́здили? Прие́хали, дак сно́ва приглаша́ли нас в Ленингра́д-от. То́лько тогда́ сказа́ли, што доро́гу опла́ц'вать придёцца сами́м, што доро́гу опла́ц'вать сами́м.

КОММЕНТАРИИ

Без души́ — Без памяти, в обмороке [СРНГ: 8, 281], ничего не чувствуя.

Брата́н — Брат; двоюродный или троюродный брат [СВГ: 1, 43].

Бу́ди — Вводное слово со значением ‘возможно, может быть’; частица со значением ’ведь’ [СВГ: 1, 48].

Вечеро́вка	Встреча по вечерам, совместно пребывание женщин [СВГ: 1, 67]; собрание девушек и женщин в осенний или зимний вечер в нанятой для этого избе, куда каждая приходит с работой (вязаньем, прядением и т. п.) и куда иногда заходят и парни; посиделки [СРНГ: 4, 213].
Грудки́	Часть одежды (в данном случае верхняя часть фартука), облегающая грудь. [СРНГ: 7, 161].
Заболта́ть	Приготовить что-нибудь съестное [СРНГ: 9, 266].
Земля́ные оре́шки	Клубни полевого хвоща (Equisetum arvense L.) [СРНГ: 11, 260].
Испо́дка	Длинная женская рубашка с рукавами, которую надевали под сарафан [СВГ: 3, 22].
Ка́дца	Кадка [СВГ: 3, 30].
Карто́вина	Картофелина [СВГ: 3, 41].
Карто́вка	Картофель [СВГ: 3, 41].
Ковда́, ковды́	Когда [СВГ: 14, 27].
Крещё́ный	Человек [СВГ: 3, 125].
Ку́коль	Коробочки льна с семенами [СВГ: 4, 14].
Курсове́д	Экскурсовод
Лену́ть	Налить, плеснуть (обл.) [СРНГ: 17, 51].
Логдузя́на	жители деревни Логдуз.
Лони́	В прошлом году [СВГ: 4, 46].
Ля́паник	Выпечное изделие.
Лю́дно	Большое количество, много кого-, чего-либо. [СВГ: 4, 60].
Молодцева́ть	Проводить молодость, молодые годы (до замужества или женитьбы) [СВГ: 4, 89].
Муря́вкать	Издавать громкие звуки (о животных) [СВГ: 5, 11].
Нава́лом	В большом количестве, много [СВГ: 5, 24].
Нагони́ть	Нагнать, догнать [СВГ: 5, 32].
Надо́мники	Разновидность выпечного изделия.
Ока́тывать	Обваливать в чём-то сыпучем [СРНГ: 23, 115].
Окола́чивать	Обмолачивать лён, околачивая его специальными колотушками [СВГ: 6, 43].
Опуска́ть	Пускать, выпускать скотину или птицу на подножный корм [СВГ: 6, 69].

Отё'лок	Первотельная корова [СРНГ: 24, 174].
Отро'стенки	Первые ростки, побеги [СВГ: 6, 99].
Па'левик	Белый сарафан с мелким рисунком [СВГ: 6, 120] (или: сарафан палевого (бледно-жёлтый с розоватым оттенком) цвета).
Па'рочка	Женский костюм, состоящий из юбки и кофты, сшитых из одинаковой материи [СВГ: 7, 11].
Пи'стик	Спороносный колосок хвоща полевого (Equisetum arvense L.) [СВГ: 7, 61].
Поистре'скать	Потрескаться.
Полуно'чь	Полночь [СВГ: 7, 146].
Пошто'	Почему [СВГ: 8, 31].
Пре'жний	Давний, существующий с давнего времени, старинный [СВГ: 8, 35].
Приста'ть	Устать [СВГ: 8, 63].
Прито'лочь	Затоптать (ср.: [СВГ: 8, 67; СРНГ: 32, 19]).
Пряжё'ник (пря'же'ник)	Небольшой пирожок продолговатой формы (чаще без начинки) или круглая лепешка из дрожжевого теста, жаренные в масле на сковороде в печке на углях [8, 104].
Пы'лко	Очень, сильно [СВГ: 8, 114].
Ра'нешний	Прежний, давний; созданный в старину; доживший до преклонных лет, старый [СВГ: 9, 25].
Робё'нок	Дитя, ребёнок [СВГ: 9, 56].
Робя'та	Молодые люди, парни [СВГ: 9, 57].
Рув	Ров, овраг.
Сарафа'нка	Русская национальная женская одежда – род платья без рукавов, сарафан [СВГ: 9, 93].
Сё'дня, сё'дне	Сегодня (обл.) [СРНГ: 37, 116].
Сё'днешний, сё'нешной	Сегодняшний (сокращенная разговорная форма).
Сеч'а'с	Сейчас (сокращённая разговорная форма).
Скатё'рка (скате'рка)	Холщовая скатерть, которую посыпают мукой и используют для разделки на ней теста [СВГ: 10, 17].
Сколь	Сколько, как [СВГ: 10, 26].
Сырома'заник (сырома'зник)	Выпечное изделие, пряжёник, обжаренный в масле (также 'выпечное изделие, лепешка из кислого теста, смазанная сметаной' [СВГ: 10, 178]).

Сюды́	Сюда, в это место (обл.) [СВГ: 10, 180].
Та́мока	В том месте, там [СВГ: 11, 7].
Тасё́мки	Тесемки.
То́ко	Едва лишь, только; единственно, исключительно, только [СВГ: 11, 29].
Топе́ре, топе́рь	Теперь, в настоящее время (обл.) [СВГ: 11, 39–40].
Ту́тока	Здесь, тут; на этот раз, в данном случае, сейчас [СВГ: 11, 78].
Уго́р	Возвышенность, холм [СВГ: 11, 103].
Хво́рост	Пироги, лепешки, сочни и другие выпечные изделия из гороховой или ржаной муки [СВГ: 11, 182].
Хлё́стнуться	Стремительно упасть, броситься на землю [СВГ: 11, 189].
Худо́й	Слабый, больной.
Чу́ять	Слышать; знать; помнить [СВГ: 12, 57].
Шала́ш	Теплица.
Ша́ньга	Выпечное изделие в виде лепёшки (оладья; Выпечное изделие из пресного теста в виде тонкой лепешки с загнутыми краями с начинкой из картофеля или крупы, реже творога) [СВГ: 12, 69]
Шестё́рка	Танец-игра с участием шести человек [СВГ: 12, 86].
Щекота́ть	Трещать, стрекотать (о сороке).

Сокращения

СВГ – Словарь вологодский говоров. Вып. 1–12. Вологда, 1983–2007.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–43. Л.; СПб., 1965–2010.

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДУРЕЧЕНСКИЙ РАЙОН

Ильина Е.Н. АЛЕКСАНДРА НИКАНДРОВНА (1911–1998) И ВАСИЛИЙ АРДАЛЬОНОВИЧ (1906–1980) МОРОЗОВЫ 6

УСТЬ-КУБИНСКИЙ РАЙОН

Задумина П.Н. СЕНОКОС В КАРТИНЕ МИРА СЕВЕРНОГО КРЕСТЬЯНИНА 25

ТАРНОГСКИЙ РАЙОН

Зорина Л.Ю. МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ НАБЛЮДЕНИЙ НАД РЕАЛИЗАЦИЕЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КАТЕГОРИИ ВЕЖЛИВОСТИ В ВОЛОГОДСКОЙ ДЕРЕВЕНСКОЙ ГЛУБИНКЕ 34

ТОТЕМСКИЙ РАЙОН

Шильниковская С.В. РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ФАИНЫ ВАСИЛЬЕВНЫ ПОПОВОЙ 70

БАБУШКИНСКИЙ РАЙОН

ИИ АРСЕНТЬЕВНЫ МЕДВЕДЕВОЙ 78

НАРОДНАЯ РЕЧЬ ВОЛОГОДСКОГО КРАЯ
МАТЕРИАЛЫ
ПО РУССКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

Подписано к печати 16.10.2012. Формат 60x84 1/16. Печать офсетная.
Бумага ксероксная. Уч.-изд. л. 4,5. Усл. печ. л. 6. Тираж 115 экз.

Отпечатано: ООО «ИЦП «Легия»
160031, Вологда, ул. Октябрьская, 19/116

Швейная машина «SINGER»